Московскій Сборникъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
протоіерея І. І. ВОСТОРГОВА и И. Г. АЙВАЗОВА.

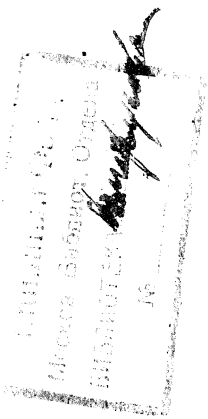
КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
„Русская Печатня", Садовая-Тріумфальная, д. № 170.
1909.

Д
Б7
131

Московскій Сборникъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
протоіерея о. І. ВОСТОРГОВА.



КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
„Русская Печатня". Садовая-Тріумфальная, д. № 170.
1909.

Московскій Сборникъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

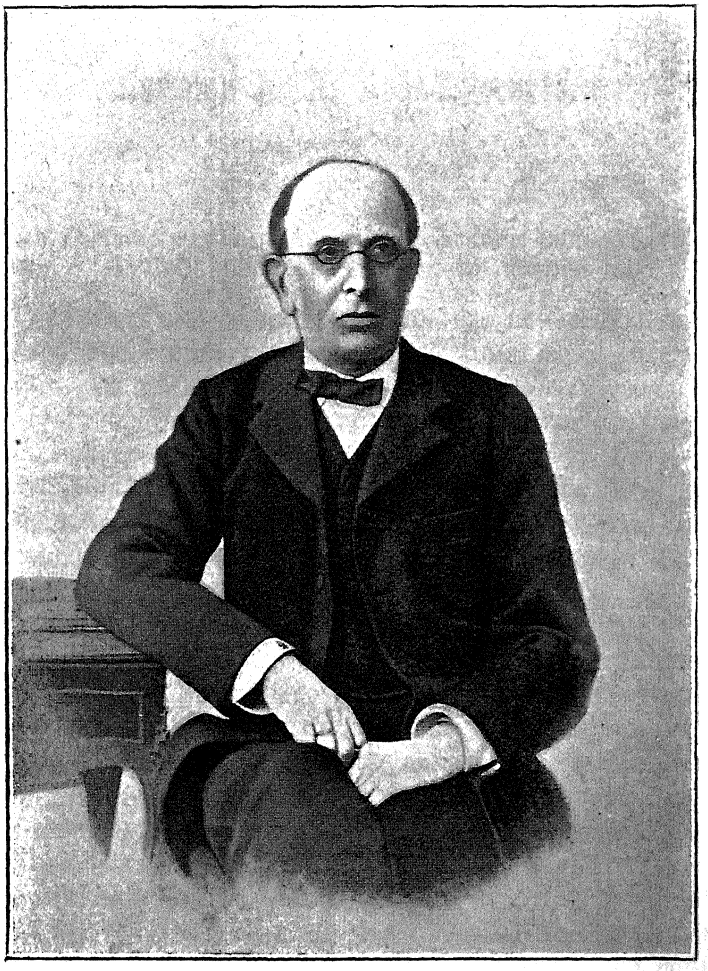
1. Отъ редакціи. 3
2. Портретъ К. П. Побѣдоносцева. 5
3. Памяти К. П. Побѣдоносцева. I. Письмо Архіеп. *Антонія Волынскаго.* 7
   II. У могилы К. П. Побѣдоносцева.—*В. Скворцовъ.* . 10
4. Церковь и Государство. I. Освященіе государства и власти—Прот. *І. Восторговъ.* . . . 20
   II. Всеподданнѣйшее прошеніе православныхъ патріотовъ—*Кіевлянъ* 27
   III. Новыя вѣроисповѣдная система Русскаго Государства.—*И. Айвазовъ.* 30
5. Церковь. I. Силы обновленія жизни.—Прот. *І. Восторговъ.* 68
   II. Противъ тѣхъ, которые утверждаютъ, будто Іисусъ Христосъ былъ революціонеромъ.—Архіепископъ *Антоній Волынскій.* 84
   III. Въ тихой пристани.—*М. Н.* 109
6. Парламентаризмъ и его оцѣнка на Западѣ.—Проф. *В. Ф. Залѣсскій.* 117
7. Къ вопросу о школѣ.—Прив.-доц. *В. Д. Катковъ.* . . 160
8. Видѣнье.—*И. А—зовъ.* 185
9. Необходимая реформа. (Къ вопросу о денежномъ обращеніи).—Проф. *В. Ф. Залѣсскій.* 187
10. Указъ 9 Ноября 1906 г. и Положеніе 19 Февр. 1861 г. *Ѳедоръ Самаринъ.* 194
11. Плачъ матери.—*Ф. Пестряковъ.* 204

Отъ редакціи.

Московскій Сборникъ стоитъ на стражѣ православныхъ, національно-патріотическихъ и русско-монархическихъ началъ, которыми строилась, росла и окрѣпла Русская Земля. Только въ этихъ началахъ онъ видитъ залогъ и дальнѣйшаго процвѣтанія Русской Земли.

Своимъ названіемъ „Московскій Сборникъ“ ясно свидѣтельствуетъ, что намѣренъ наслѣдовать и оберегать лучшія литературныя традиціи *Московскаго Сборника*, принадлежащаго перу извѣстнаго мужа науки, мыслителя, церковно-государственнаго дѣятеля и, въ самомъ высокомъ смыслѣ, человѣка—Константина Петровича Побѣдоносцева.

Миръ праху въ Бозѣ почившаго 10 марта 1907 г. вѣрнаго сына Церкви и слуги Царя и Родины—болярина Константина! Да упокоитъ его Господь въ селеніяхъ праведныхъ и да живетъ его духъ съ нами и въ насъ!..



К. Победоносцев

Памяти К. П. Побѣдоносцева.

I.

Письмо Преосвященнаго Антонія, Епископа Волынскаго, на имя К. П. Побѣдоносцева въ началѣ ноября 1905 г.

Я откладывалъ со дня на день сіе начертаніе вамъ русскаго слова: *прощайте* и *спасибо*, сомнѣваясь въ томъ, доставлю ли вамъ удовольствіе или напротивъ—непріятное чувство. Однако наглыя выходки газетъ, которыя хотятъ свести на ничто вашу высоко-цѣнимую патріотическую и народную дѣятельность, побуждаютъ меня все-таки исполнить требованіе своего сердца и высказать вамъ свое высокое уваженіе и благодарность. Промыслу Божію угодно было ставить меня въ такія положенія по отношенію къ людямъ, пользовавшимся вашимъ довѣріемъ, что я часто навлекалъ на себя ваше неудовольствіе; кромѣ того, мои взгляды на церковь, на монашество, на церковную школу и на патріаршество не могли встрѣтить въ васъ сочувствія и одобренія; однако при всемъ томъ, я никогда не могъ сказать по отношенію къ вашей личности словъ укорительныхъ или враждебныхъ: такъ непоколебимо было мое къ вамъ уваженіе. Я чтилъ въ васъ христіанина, чтилъ патріота, чтилъ ученаго, чтилъ труженика. Я сознавалъ всегда, что просвѣщеніе народа въ единеніи съ церковью, начатое въ 1884 году, исключительно благодаря вамъ и вами усиленно поддерживавшееся до послѣдняго дня вашей службы, есть дѣло великое, святое, вѣчное, тѣмъ болѣе возвышающее вашу заслугу Церкви, Престолу и Отечеству, что въ этомъ дѣлѣ вы были нравственно почти одиноки. Вы не были продолжателемъ административной рутины, какъ желаютъ представить ваши жалкіе, бездарные критики. Напротивъ,

вы поднимали цѣлину жизни и быта, бросались за дѣла, нужныя Россіи, но до васъ администраціи невѣдомыя. Первое—дѣло церковно-приходскихъ школъ вы такимъ образомъ подняли и вынесли на своихъ плечахъ. Второе—приближеніе духовной школы къ духовнымъ нуждамъ народа, къ жизни Церкви—вы старались выполнить, но здѣсь наткнулись на слишкомъ неодолимую двухвѣковую косность самоувѣренной и схоластической сословной громады, и хотя не сдвинули ее съ мѣста, но значительно поколебали ее въ ея самоувѣренности, и успѣли внести въ нее нѣсколько сильныхъ, оздоравливающихъ лучей церковнаго и народнаго духа. Вы подняли надъ грамотной Россіей свѣтъ Божественной Библіи, распространили слово Божіе по дешевой цѣнѣ на всѣхъ нарѣчіяхъ православныхъ племенъ Россіи и иныхъ отдаленныхъ странъ. Вы украсили изданія книгъ святыхъ молитвъ и пѣснопѣній церковныхъ, и старались убѣдить духовенство и общество въ томъ, что послѣпетровская эпоха не улучшила, а понизила и исковеркала наши напѣвы и богослуженіе. Вы убѣдили лучшаго изъ покойныхъ царей нашихъ приказать строить православные храмы въ православномъ ихъ архитектурномъ благолѣпіи, а не въ безобразномъ видѣ еретическихъ капищъ. Вы оцѣнили высокія качества единовѣрческихъ общинъ, поддержали и ободрили поборниковъ этого единственнаго надежнаго моста отъ раскола къ Церкви; вы умѣли цѣнить снѣдающую ревность о Богѣ подъ мужицкими зипунами, подъ бешметами учителей изъ крещеныхъ инородцевъ. Вы отыскивали ревнителей вѣры и Церкви и не стыдились учиться у смиренныхъ тружениковъ провинціи — Рачинскаго и Ильминскаго въ то время, когда Царь Россіи имѣлъ васъ своимъ главнымъ совѣтникомъ, а Европа знала васъ, какъ просвѣщеннѣйшаго профессора и общественнаго дѣятеля. Тѣ самые восьмидесятые годы прошедшаго столѣтія, столь ненавистные нынѣшнимъ, ненавистнымъ для Россіи, либераламъ, но цѣнные въ глазахъ истинно-русскаго патріота, какъ годы реформы нравовъ, тѣ восьмидесятые годы отрезвленія русскихъ умовъ и обращенія ихъ къ родной забытой старинѣ, имѣли въ лицѣ вашемъ одного изъ главныхъ вдохновителей собиранія Руси—въ

области убѣжденій и нравовъ—и несомнѣнно самаго главнаго—въ области преобразованій административныхъ, законодательныхъ.

Я не встрѣчалъ ни одного умнаго человѣка, желающаго быть безпристрастнымъ, который бы не отдавалъ дани глубокаго уваженія вашей дѣятельности и вашей личности. За то всѣ люди нашего образованнаго общества, ненавидящіе Россію, а такихъ весьма много,—ненавидѣли и васъ, и ненавидѣли пропорціонально своей ненависти къ отчизнѣ. Такая ненависть—едва ли не большая честь, чѣмъ уваженіе людей благонамѣренныхъ. Послѣдніе могутъ и ошибаться, но первые не могли ошибиться, сливая вашу дѣятельность съ благоденствіемъ ненавистной имъ Русской Монархіи.

Теперь, когда она обуревается, аки овощное хранилище, когда преданные Церкви и Отечеству дѣятели просятъ себѣ у Бога скорѣйшей смерти, и говорятъ горамъ: „падите на насъ“, и холмамъ: „покройте насъ“,—теперь русскимъ людямъ отрадно оглянуться на отходящихъ честныхъ дѣятелей и поклониться имъ. Я льщу себя надеждой, что эти искреннія строки утвердятъ въ васъ заслуженную вами предъ Россіей увѣренность въ томъ, что вы не отходите отъ государственной службы непонятымъ со стороны нашихъ соотечественниковъ и со стороны служителей Церкви. Вы не только служили, вы подвизались добрымъ подвигомъ. Вы не были, однако, сухимъ фанатикомъ государственной или церковной идеи: вы были человѣкомъ сердца добраго и снисходящаго, какъ и всѣ три Государя, которымъ вы служили. Люди бѣдные, люди скорбящіе духомъ, люди споткнувшіеся находили сердечный откликъ въ вашемъ сердцѣ. Вы не отступали передъ страхами человѣческими, но часто отступали передъ слезами. Быть можетъ, даже иногда погрѣшали противъ принципа, подчиняясь жалости, но не погрѣшали этимъ противъ Господа Іисуса Христа. Вопреки заявленію вашихъ презрѣнныхъ враговъ, форма и буква закона не были для васъ высшимъ доводомъ: горячая и убѣжденная просьба склоняла васъ на изъятія во имя милосердія. Особенно цѣнно въ васъ было то, что вы вѣрили въ человѣческое раскаяніе и исправленіе: въ 1883 году

вы простили одного раскаявшагося семинариста-революціонера, а въ 1898 году онъ былъ епископомъ, и такихъ случаевъ было много за время вашей службы. Одинъ легкомысленный вашъ диффаматоръ предсказывалъ вамъ тяжелую смерть. Я, напротивъ, увѣренъ, что ваша кончина будетъ христіанская, непостыдная и мирная*). Но я желаю, чтобы ей предшествовала еще долгая и безболѣзненная старость не для того, чтобы видѣть вакханаліи революціонеровъ, какъ они вамъ того желаютъ, но чтобы вы еще здѣсь на землѣ увидѣли русское общество, образумѣвшееся послѣ взрывовъ народной мести за поруганіе его святынь, чтобы вы могли увидѣть всходы интеллигенціи возрожденной, народной, православной.

Таковы мои вамъ искреннія пожеланія, въ знакъ которыхъ не откажите принять отъ меня св. икону, посылаемую особо отъ вашего покорнѣйшаго слуги и богомольца

Епископа Антонія.

II.

У могилы Константина Петровича Побѣдоносцева.

10 марта 1907 г. въ Бозѣ опочилъ смертью праведника всѣмъ на Руси отъ грамотнаго простолюдина до сановника, отъ низшаго клирика до іерарха — извѣстный *Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ*, бывшій въ теченіе 25 лѣтъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, просвѣщеннѣйшимъ наставникомъ трехъ цесаревичей, мудрымъ совѣтникомъ и твердою опорою трехъ императоровъ, просвѣщеннѣйшимъ въ Россіи человѣкомъ, который съ удивительною чуткостью и неутомимостью слѣдилъ за всѣмъ выдающимся въ наукѣ и литературѣ, не только въ Россіи, но и заграницей.

Не было, кажется, на просвѣщенномъ Западѣ и въ Америкѣ ученаго, богослова и философа, который бы не зналъ Побѣдоносцева и не считалъ бы своимъ долгомъ преподнести просвѣщенному русскому сановнику свои произведенія, а посѣщая Россію не представиться К. П. Побѣдоносцеву.

---

*) *Отъ ред.* К. П. Побѣдоносцевъ тихо опочилъ, удостоившись непостыдной и истинно-христіанской кончины.

Одинъ просвѣщенный американецъ, объѣхавшій всю Сибирь и Россію, изумленный ея исполинскими размѣрами, безконечными непонятными иностранцу контрастами, самобытностью, писалъ, что изъ всего имъ видѣннаго на безкопечномъ пространствѣ Россіи, которая не страна и государство, а цѣлый міръ,—ничто такъ глубоко не запечатлѣлось, такъ не поразило своею многогранностью таланта, глубиною и силою ума, опыта и знаній, какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ, бесѣда съ которымъ дала этому иностранцу ключъ къ пониманію Россіи во всѣхъ ея мудреныхъ загадкахъ и непостижимыхъ контрастахъ.

Обширная разносторонняя дѣятельность почившаго К. П. Побѣдоносцева нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій наполняла не только церковную, но и государственную и культурную жизнь Россіи.

Если сравнивать К. П. Побѣдоносцева съ величайшими людьми Европы, то нашъ великій старецъ ближе всего можетъ съ честью стать и по талантливости, и по государственному уму, и по просвѣщенности, и наконецъ по религіозности политической и частной жизни, по чистотѣ и честности съ Гладстономъ.

Для духовнаго сословія Константинъ Петровичъ особенно дорогъ, какъ его гордость и краса, ибо почившій великій церковно-государственный дѣятель былъ внукомъ достойнаго служителя алтаря, священника Московской губерніи, Звенигородскаго у., а потому духовное сословіе Константинъ Петровичъ близко зналъ и любилъ со всѣми его достоинствами и недостатками. Послѣ графа Сперанскаго, бывшаго рязанскаго поповича, не было другого среди множества даровитыхъ и высокопоставленныхъ сыновъ духовнаго сословія, — какъ почившій Константинъ Петровичъ.

Типиченъ и характеренъ былъ этотъ великій старецъ во всемъ, начиная съ внѣшняго своего облика: высокій, худощавый, осунувшійся и нѣсколько согбенный подъ бременемъ исполинскаго труда и лѣтъ, съ сосредоточеннымъ, всегда скромнымъ, спокойнымъ и безстрастнымъ выраженіемъ тихихъ глазъ и добраго лица, улыбка котораго дарила всегда величайшую пріятность.

Проведшій около 40 лѣтъ близъ трона и двора, бывъ долгое время первымъ всесильнымъ государственнымъ человѣкомъ, личнымъ другомъ и самымъ довѣреннымъ совѣтникомъ у могущественнаго царя, Александра III, Константинъ Петровичъ никогда ни на минуту не изображалъ изъ себя ни царедворца, ни грознаго недоступнаго сановника—бюрократа. Онъ былъ урожденный, что называется, и воплощенный профессоръ самаго лучшаго типа, какой знаетъ высшая чистая наука.

Доступность его, простота, участливость, вниманіе, и отзывчивость, ко всѣмъ всегда одинаковая, была прямо „не отъ міра сего“. Особенно поражала и плѣняла въ К. П. его прямота характера и добросердечіе. Видя васъ, и говоря съ вами, онъ никогда не скрывалъ и не оставлялъ за пазухой „камушка“, а всегда говорилъ все открыто, прямо, начистоту.

Если вы его сослуживецъ, какого бы ранга вы ни были, и если у него что-либо имѣлось противъ или за васъ, что нужно вамъ знать, то всякій зналъ и былъ увѣренъ, что К. П. или скажетъ при свиданіи личномъ или сообщитъ запискою (и непремѣнно въ старомъ конвертѣ). Если ничего этого не слышите и не получаете отъ него, то, значитъ, живите и служите покойно,—вы чисты и правы и высокій начальникъ ничего противъ васъ не имѣетъ.

Органически не вынося ни похвалы себѣ, ни угодничества и лести, К. П. не любилъ и самъ хвалить ни людей, ни тѣмъ паче книгъ, но отсутствіе критики и указаній отрицательныхъ являлось лучшею похвалой изъ его устъ.

На ряду съ глубокою преданностью къ нему и почитаніемъ со стороны немногихъ близко соприкасавшихся съ почившимъ и знавшихъ Константина Петровича подлиннаго, настоящаго, имя его, какъ многихъ непонятыхъ современниками великихъ людей, — окружено было фанатическою ненавистью множества совсѣмъ не знавшихъ этого великаго человѣка.

Причина этого печальнаго недоразумѣнія общественной среды во многомъ зависитъ отъ того, что К. П. не любилъ

себя выявлять и рисовать въ подлинномъ своемъ свѣтѣ и видѣ и свою индивидуальность не выдвигалъ, а держалъ всегда и вездѣ на второмъ планѣ.

* * *

Такъ, напр., въ писательствѣ, К. П. большинство своихъ произведеній, особенно въ первое время, выпускалъ въ ничтожномъ количествѣ и не для продажи, никогда не рекламировалъ ихъ.

Въ области государственной дѣятельности онъ никогда не выступалъ съ личной иниціативой, а бралъ на себя болѣе сложную, отвѣтственную, но менѣе видную задачу—править издали потоками историческихъ событій.

Тоже и въ области церковной дѣятельности,—всѣ знали, что сила, начало и конецъ всему Конст. Петровичъ, а между тѣмъ на передовой, показной и парадной позиціи его никто не видѣлъ и мало кто зналъ лично.

Тоже самое и въ области науки,—онъ и самъ себѣ составилъ имя автора классическаго по достоинствамъ курса гражданскаго права чрезъ черновую детальную, сложную аналитическую работу надъ полнымъ сводомъ законовъ. Этотъ путь указывалъ и другимъ начинающимъ ученымъ.

Отличительною чертою К. П. былъ глубокій аналитическій умъ,—онъ былъ во всемъ—и въ наукѣ, и въ дѣятельности — болѣе несравненный критикъ, чѣмъ творецъ, его мысль разлагаетъ, а не собираетъ.

Но въ то же время, когда ему давалось что для обработки разрозненное, онъ умѣлъ создать образцовое цѣлое изъ разрозненныхъ клочковъ.

Замѣчательный діалектикъ, объективный, безпристрастный, онъ былъ великій мастеръ отвлеченнаго мышленія.

По мѣткому сравненію одного критика сочиненій К. П. Побѣдоносцева, Б. Н. Никольскаго, посвятившаго въ 1894 г. цѣлый докладъ *) въ Русск. Собраніи оцѣнкѣ личности и дѣятельности великаго русскаго человѣка, К. П. пользовался своею діалектикою такъ же, какъ въ нашихъ лѣсныхъ дебряхъ охотники выходятъ съ рогатиной на мед-

*) Откуда мы и черпаемъ излагаемыя въ этомъ наброскѣ характерныя черты духовнаго облика незабвеннаго почившаго великаго русскаго человѣка.

вѣдя. Каждая мысль К. П. составляетъ надежное орудіе направленное на какое-нибудь современное разрушительное ученіе, — онъ своею діалектикою владѣетъ, поражая врага, какъ смертоноснымъ заостреннымъ наконечникомъ. Его отдѣльныя мысли не были прицѣплены ни къ какой системѣ, ни къ какому идеалу. Какъ рогатину охотника, ихъ можно укрѣпить во всякихъ дебряхъ родной земли и затѣмъ спокойно слѣдить, какъ въ борьбѣ сама съ собой изнемогаетъ на этомъ остріѣ разрушительная мысль „въ борьбѣ съ нашимъ тысячелѣтнимъ культурнымъ прошлымъ".

Паскаль, Достоевскій и Побѣдоносцевъ имѣютъ нѣкоторое родственное сходство въ томъ, что отрицаютъ, затравливаютъ, загоняютъ читателя въ крайнія бездны отчаянія.

Достоевскій — кошмарами психологическаго анализа, Паскаль—художественными образами грозящаго намъ небытія, Побѣдоносцевъ—неодолимою діалектикой безстрастнаго глубокаго ума.

* * *

Въ многогранномъ талантѣ почившаго К. П. нельзя не отмѣтить и еще одной крупной и, можно сказать, основной черты его характера и вообще склада его міровоззрѣнія, — это любовь и приверженность къ оконченной и устойчивой формѣ, касалась ли послѣдняя литературнаго стиля, или религіозныхъ обрядовъ или политическихъ идеаловъ и формъ жизни. Какъ высоко одаренный сынъ своего народа, который въ своей массѣ глубоко приверженъ къ обрядности и устойчивымъ формамъ и традиціямъ старины святой, почившій К. П. является въ этомъ отношеніи однимъ изъ величайшихъ представителей этой народной духовной стихіи, которая одна творила исторію великой Россіи, которая оживотворила эти формы своею созидательною любовью. Между тѣмъ какъ этой формой вездѣ пренебрегало и измѣняло ей наше русское интеллигентное и полуинтеллигентное общество, составляя полуобразованное средостѣніе между народомъ и его геніями.

Но присномятный, великій сынъ своей отчизны, въ своей приверженности къ историческимъ формамъ, къ самобытной старинѣ, отнюдь не былъ ни бездушнымъ

буквоѣдомъ, ни тупымъ формалистомъ. Онъ любовно дорожилъ формою, ибо въ томъ, что мы искренно, глубоко и сильно любимъ, мы не желаемъ никакихъ перемѣнъ, и наоборотъ нельзя беззавѣтно любить то, что мы стремимся измѣнять.

Какъ объективный историкъ съ безстрастіемъ лѣтописца, подобно Пушкинскому Пимену, К. П. Побѣдоносцевъ любовно рисуетъ всѣ формы нашей государственной старины, не скрывая и отрицательныхъ, и не боится этихъ послѣднихъ явленій именно въ силу все той же любви, которая страха не имать, все переноситъ, всему вѣру емлетъ. Нѣтъ, почившій не былъ, въ томъ пошломъ обычномъ смыслѣ, въ какомъ это понимали и обвиняли К. П. тупые умы, ни формопоклонникомъ, ни буквоѣдомъ; онъ, какъ никто, удивительно тонко понималъ и чувствовалъ мистическія основы и духа и жизни необъемлемыя, неисчерпаемыя никакою формою.

Эта черта характера особенно явственно вырисовывается въ произведеніяхъ К. П. и особенно въ книгѣ „Праздники Господни“ и въ „Московскомъ Сборникѣ“. Послѣдній по своему духу и характеру примыкаетъ къ такимъ произведеніямъ коллективнаго народнаго генія, какъ древнерусскіе изборники — Измарагды, Златоусты, Пчелы.

Эту его книгу такъ хотѣлось бы видѣть напечатанной церковно-славянскимъ шрифтомъ на страницахъ бумаги крупнаго формата.

Если бы Петръ Великій случайно прочелъ „Московскій Сборникъ“, то въ немъ ничто не поразило бы новизною, тогда какъ каждая мелочь нашей общественной жизни показалась бы ему чѣмъ-то зѣло удивительнымъ и новымъ.

Нѣтъ, онъ не формопоклонникъ, не буквовѣдъ.

Онъ прекрасно понимаетъ и чувствуетъ мистическія основы, необъемлемыя и неисчерпаемыя никакою формою. Но зато, когда дѣло переходитъ къ области мыслей формальныхъ, то онъ даетъ полный ходъ своей гнѣвной діалектикѣ, неотразимо доказывая, что современные политическіе обновленцы старыхъ, исторически сложившихся формъ своими разрушительными усиліями ли-

шаютъ людей прочныхъ основъ и выводятъ ихъ въ пустыню, гдѣ тысяча дорогъ на выборъ и ни одной достовѣрной.

* * *

Въ связи съ этой любовью къ формѣ стоитъ и такъ называемый консерватизмъ К. П. Побѣдоносцева, котораго упрекаютъ въ пессимизмѣ, посредствомъ очень искуснаго софистическаго пріема: „кто любитъ форму — не хочетъ перемѣнъ, кто не хочетъ перемѣнъ — считаетъ ихъ хуже того, что есть; кто считаетъ, что нѣтъ перемѣнъ, кромѣ перемѣнъ къ худшему, конечно пессимистъ, слѣдовательно пессимизмъ и консерватизмъ неразрывно связаны и Побѣдоносцевъ пессимистъ“. Этотъ софизмъ держится весь тѣмъ, что въ немъ умалчивается о главномъ—любви, которая неразрывно связана съ жалостью и всегда бережетъ то, на что направлена. Тысячелѣтнія культурныя формы не можетъ любовь пожертвовать безъ жалости и безъ боли даже тамъ, гдѣ согласна идти на измѣненіе.

Враги Побѣдоносцева могутъ не видѣть одухотворяющей всю его мысль и дѣятельность любви, но кто понялъ эту разгадку, тому легко обобщить въ одинъ образъ и положительную и отрицательную стороны великой дѣятельности Побѣдоносцева.

* * *

Бываютъ эпохи народныхъ бѣдствій, смутъ, колебаній и шатаній. Единство взглядовъ теряется, умы отрываются отъ вѣковой почвы и безсильно, какъ падающіе листья, кружатся по волѣ ничтожнѣйшихъ повѣтрій. Въ такія эпохи необходимо не созидать, не предпринимать, не воздвигать крестовые походы и не будить дремлющія силы.

Въ такія эпохи безумны преобразованія, опасны нововведенія. Не въ пору весенняго разлива перескакивать плотину.

Въ такую пору важно устоять смущенному государству, важно „не потерпѣть какого-либо невознаградимаго ущерба“, нужно, чтобы какой-нибудь Атласъ принялъ на свои плечи всю тяжесть сводовъ разсыпающейся храмины и удержать ее, пока другіе укрѣпляютъ подпорки и спа-

сают сокровища, выводятъ наружу старыхъ, малыхъ и убогихъ. Тутъ нужна доходящая до самоотверженія до презрѣнія къ любви и ненависти народная любовь, къ этой древней храминѣ, — ко всѣмъ, хранящимся подъ ея сводами воспоминаніямъ, и нуженъ для этой любви опытный руководитель зодчій, который указалъ бы, гдѣ главная тяжесть, гдѣ самая сильная опора, куда направить рабочихъ, куда и какую подставить подпорку, кому и куда вести дѣтей, кому распорядиться матеріалами.

И если находятся одновременно двѣ такія силы — цѣлость поколебавшагося государственнаго зданія спасена.

Въ древнемъ Римѣ, въ годину народныхъ бѣдствій, войнъ и смутъ собранный въ торжественное засѣданіе сенатъ по совершеніи ауспицій пріостанавливалъ дѣйствіе всѣхъ властей, отмѣнялъ всѣ вольности народныя и словами „caveant consules“ (пусть консулы позаботятся, чтобы государство ни въ чемъ не понесло ущерба) предлагалъ консуламъ, пріостанавливая всѣ начатыя мѣры, всѣ задуманные законы, улучшенія и преобразованія, передать полноту государственной власти диктатору, который желѣзными скобами своихъ велѣній, удержалъ бы для новой цѣлости колеблющуюся громаду римской государственности.

И всѣ новшества пріостанавливались и Римъ спасался.

Въ умственномъ складѣ характеризуемаго нами писателя мы встрѣчаемъ безподобный образъ прямолинейнаго, твердаго, цѣльнаго, уравновѣшеннаго и неспѣсиво величаваго русскаго мужества, трудолюбиваго, вѣрнаго родной старинѣ, полагающагося не на свои слова, а на опытъ и на незыблемомъ подножіи минувшихъ столѣтій спокойно пренебрегавшаго шумихой, суетой и тревогами неустойчивой современности.

Какъ государственный дѣятель, К. П. принадлежалъ къ числу прозорливыхъ и стойкихъ древне-классическихъ, какъ бы ни ужасна и ни опасна была окружающая дѣйствительность,—они не спѣшатъ, не колеблются, не отступаютъ.

Въ тишинѣ мирной государственной жизни такіе дѣятели не замѣтны и не слышны; нужны важныя событія, трудныя времена, чтобы обнаружить ихъ во весь ростъ.

Такъ невидимыя во время затишья подводныя скалы незыблемо выступаютъ изъ хаоса безпорядочно возмущающихся и пресмыкающихся во злѣ, сосредоточивая около себя всю ярость водъ и бури, и вновь скрываются подъ поверхностью моря, когда буря минуетъ.

Объ ихъ острые выступы разбиваются враждебныя громады и къ ихъ подножію бросаютъ якоря свои суда и флоты окрестныхъ водъ.

Какъ ни безвѣстна, ни второстепенна или незамѣтна по первому взгляду ихъ роль, однако въ тяжкіе моменты такіе именно люди и собираютъ около себя исторію.

Эти люди дѣлаютъ вершины родной земли и такихъ людей, умѣющихъ сохранять то, что имъ довѣрено, такихъ Римъ выбиралъ себѣ въ диктаторы.

Римскій народъ, въ эпоху смутъ и бѣдствій, поручалъ какому нибудь оторванному отъ сельскаго плуга Цинцинату „позаботиться, чтобы государство не потерпѣло въ чемъ-нибудь ущерба“. Таковъ былъ древній Катонъ,— первый прозаикъ и прокураторъ Рима, желѣзный блюститель совѣта и доблестей старины, несговорчивый противникъ легкомысленныхъ эллинскихъ новшествъ, ветеранъ пуническихъ войнъ и умѣлый сельскій хозяинъ, историкъ и политикъ, центръ сената и гроза вольномыслія, ненавистнаго всему прогрессивному Риму и неизмѣнно выбираемый народомъ на всѣ должности, на какія бы ни выступилъ кандидатомъ, наиболѣе ненавидимый дѣятель и самый безупречный изъ народа своей эпохи.

Такими людьми стоялъ Римъ, еще не помышляющій о всемірномъ могуществѣ, но уже непобѣдимый военными силами всего міра.

Не ими онъ росъ, не ими онъ жилъ, но ими держался, какъ костями живой организмъ. Отъ такихъ прибрежныхъ скалъ и разливалось когда-то всемірное Римское море.

Такимъ именно классическимъ гражданиномъ К. П. обнаружилъ себя, какъ совѣтникъ при началѣ царствованія Александра III и нынѣ царствующаго Государя. Но, къ сожалѣнію, старческихъ силъ не хватило на борьбу съ разразившимся освободительнымъ ураганомъ.

И помѣрился бы старый, испытанный ветеранъ и государствовѣдъ съ легковѣсными освободителями, но интрига выбила его изъ государственной колеи и К. П. заперся со своими думами, глубокими и скорбными, въ клѣть сердца своего и тамъ, какъ прорицатель, прозрѣвалъ грядущія бѣды. „Будетъ великое кровопусканіе“, обычно повторялъ почившій. Но Господь сотворилъ милость Своему вѣрному рабу, не давъ зрѣть конца того кроваваго пожарища, какой долженъ очистить Русь святую отъ наслоившихся на ея лицѣ великихъ мерзостей.

Миръ праху почившаго великаго русскаго человѣка, а душѣ блаженное успокоеніе въ святыхъ обителяхъ Отца Небеснаго!

В. Скворцовъ.

Церковь и Государство.

I.

Освященіе государства и власти. *).

Что такое коронованіе на царство православныхъ христіанскихъ царей православнаго христіанскаго народа—среди завѣтныхъ святынь народныхъ, въ осѣненіи молитвъ, при священномъ миропомазаніи и полнотѣ благословеній Христовой Церкви? Что это? Пышный обрядъ для впечатлѣнія на зрителей? Остатокъ старинныхъ обычаевъ? Пережитокъ ненужныхъ и отжившихъ воззрѣній? Или священное коронованіе и доселѣ имѣетъ свой глубокій смыслъ, и если такъ, то какъ же оно относится ко всему нашему государственному и общественному строю, а также и къ жизни личной каждаго изъ насъ, поскольку мы участвуемъ въ общей жизни государства?

Все это вопросы, которые могутъ показаться ненужными или маловажными только для легкомыслія и недомыслія: для людей же вдумчивыхъ, для людей, которые хотятъ жить разумомъ и совѣстію христіанскою, это—вопросы огромной важности, вопросы коренные, опредѣляющіе все направленіе жизни. Пользуемся присутствіемъ здѣсь образованныхъ представителей общества и представителей власти, чтобы побесѣдовать о постановленныхъ вопросахъ, которые, по существу, трудно изложить просто и для всѣхъ доступно.

Не со вчерашняго дня существуютъ на землѣ народы, образовавшіе государство. Ихъ жизнь, давно погребен-

*) Слово въ день коронованія Государя Императора, 14 мая 1908 года. Сказано въ Бійскомъ Троицкомъ соборѣ, въ присутствіи властей при священнослуженіи Иннокентія, епископа Бійскаго.

ная подъ песками Египта, подъ развалинами и обломками древнихъ городовъ и величественныхъ храмовъ въ Ассиріи, Вавилонѣ, Финикіи, Индіи, древней Греціи и Римѣ, теперь какъ бы воскрешена въ научно обслѣдованныхъ раскопкахъ и иногда, благодаря художественному воспроизведенію, блещетъ предъ нами, какъ живая, яркими, живыми красками. Предъ нами открываются и проходятъ картины совершенно отличной отъ всего теперь насъ окружающаго міра жизни: иной языкъ, иные нравы, иныя вѣрованія, воззрѣнія, одежда, бытъ, общественыя отношенія, устройство государства, семейный укладъ. И однако, среди всѣхъ этихъ различій есть одна черта, которая не умирая живетъ во всѣ времена, во всѣхъ измѣненіяхъ жизни, во всѣхъ странахъ и породахъ, черта, которая роднитъ прошлое человѣчества, его настоящее и будущее: это надъ всѣмъ господствующій въ жизни людей интересъ религіозно-нравственный. Всегда человѣкъ искалъ воли Бога, всегда онъ хотѣлъ подчинить жизнь свою нравственнымъ нормамъ, всегда онъ оцѣнивалъ всѣ свои созданія и всю свою жизнь съ точки зрѣнія добра и зла. Измѣнялись иногда, хотя въ общемъ очень мало, воззрѣнія на то, что добро и зло, но самая оцѣнка съ той именно точки зрѣнія всей жизни оставалась неизмѣнною; неизмѣнною въ этомъ смыслѣ оставалась и остается нравственность, измѣняется только степень приближенія къ ней. И всегда человѣкъ ясно отличалъ область нравственнаго вмѣненія: ни проявленія окружающей природы—дождь, громъ, буря, тепло и холодъ, ни безсознательныя отправленія собственнаго тѣла—ростъ, болѣзни, здоровье, сердцебіеніе или пищевареніе—ничего подобнаго человѣкъ не оцѣнивалъ нравственною мѣркой; ее онъ прилагалъ и примѣнялъ только къ той области, въ которой появляется участіе человѣческаго разума, воли и совѣсти.

Спрашивается: къ какому разряду явленій жизни нужно отнести созданіе государства. Примѣнима ли къ нему нравственная мѣрка, приложимы ли и поставляются ли предъ нимъ нравственныя задачи? Лежитъ ли въ его основѣ религіозно-нравственный интересъ? Отъ рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ вся жизнь людей, зависитъ,

какъ увидимъ, и тотъ вопросъ, который мы поставили въ началѣ рѣчи: есть ли смыслъ въ коронованіи и помазаніи царя на царство?

Представимъ себѣ мысленно, что государство есть не болѣе, какъ хозяйственный союзъ, область примѣненія только экономическихъ отношеній, разрѣшаемыхъ и опредѣляемыхъ исключительно съ точки зрѣнія пользы. Такъ именно и смотрятъ на вопросъ проповѣдники и защитники такъ называемаго „новаго государства“, покоющагося на матеріалистическихъ и соціалистическихъ началахъ. Къ такому государству, конечно, невозможно было бы примѣнять нравственную мѣрку, да ее съ полною откровенностью и рѣшительностью отвергаютъ и сами его исповѣдники и поклонники. Безусловная и неизмѣнная нравственность,—а она, нравственность, и можетъ быть осмысленною и обязательною единственно при условіи безусловности и неизмѣнности,—невозможна безъ религіи, а религіозное начало не можетъ подчиняться соображеніямъ пользы и хозяйства уже потому, что оно переноситъ человѣка далеко за предѣлы земной жизни, въ область бытія внѣвременнаго и внѣпространственнаго. Съ точки зрѣнія пользы, несомнѣнно, можно и даже должно оправдать и требовать убіенія слабыхъ новорожденныхъ дѣтей, сокращенія прироста въ населеніи путемъ уничтоженія излишка рождаемыхъ младенцевъ. хотя бы по жребію, убіенія стариковъ и старухъ, какъ лицъ, только потребляющихъ, а не производящихъ продукты питанія; съ той же точки зрѣнія, можно и должно добивать безнадежно больныхъ, а также слабыхъ и хилыхъ членовъ общества. Современные поклонники соціализма не способны въ большинствѣ продумать до конца и представить себѣ неизбѣжные и окончательные выводы заманчиваго на первый взглядъ ученія, которымъ они увлекаются, а между тѣмъ эти выводы, нами представленные, дѣйствительно неизбѣжны. Среди дикарей-людоѣдовъ они не разъ примѣнялись съ самою откровенною и жестокою послѣдовательностью, съ тою только разницей отъ современныхъ образованныхъ дикарей, что первые все-таки и въ этихъ дѣйствіяхъ жестокости руководствуются своими, хотя и извращенными, но религіозно-нравственными взглядами и

побужденіями, желая угодить божеству и оказать милость убиваемымъ. У нынѣшнихъ же дикарей побужденіе будетъ одно: холодный расчетъ, и знаменитое „экономическое соотношеніе силъ“...

Выдвигается, въ противовѣсъ этимъ крайнимъ выводамъ, пресловутое правовое государство, которое должно обезпечить каждому члену своему всѣ права жизни, свободы и довольства. Но спрашивается: если нѣтъ религіозно-нравственнаго начала, если нѣтъ закона совѣсти, кто же заставитъ меня признавать чужія права и урѣзывать свои собственныя? А вѣдь отказъ отъ своихъ правъ неизбѣженъ, необходимъ, ибо только путемъ взаимныхъ уступокъ правъ и потребностей можно создать упорядоченную жизнь. Это—азбука общественности. Духовное опустошеніе и полная гибель жизни и здѣсь, въ концѣ концовъ, становятся неизбѣжными, при подавленіи въ ней религіозно-нравственной основы. Какой вопль отчаянія вырывается у людей, прозрѣвшихъ въ такой неизбѣжный конецъ, это видно изъ сочиненій одного не такъ давно кончившаго сумашествіемъ, но и доселѣ, въ сущности, для многихъ образованныхъ людей обаятельнаго европейскаго мыслителя. „Слышали ли вы, говоритъ Ницше,—слышали ли вы о томъ безумномъ человѣкѣ, который въ свѣтлый полдень зажегъ фонарь, выбѣжалъ на улицы и базаръ, и среди многолюдства безпрерывно кричалъ: „я ищу Бога, я ищу Бога!“ *Всѣ вокругъ него смѣялись*... Но безумный человѣкъ вбѣжалъ въ толпу и, пронизывая всѣхъ своимъ взглядомъ, воскликнулъ: гдѣ Богъ? Я вамъ скажу: мы его убили,—я и вы. Мы всѣ убійцы. Развѣ мы не слышимъ шума могильщиковъ, погребающихъ Бога? Развѣ не доносится до насъ запахъ тлѣнія? И боги истлѣваютъ! Богъ умеръ! И мы его убили! Какъ утѣшимся мы, убійцы изъ убійцъ? Самое могущественное и святое Существо, какое только было въ мірѣ, истекло кровью подъ нашими ножами!“ Конечно я человѣкъ не можетъ умертвить и похоронить Бога, но самъ человѣкъ можетъ умереть для вѣры въ Бога. И вотъ, мы слышимъ въ приведенныхъ словахъ европейскаго мыслителя вопль отчаянія человѣка, умирающаго духовно: тогда не спасетъ жизни никакое человѣческое, условное, ни для кого не обяза-

тельное и никакимъ высшимъ авторитетомъ не освященное право. Человѣкъ задохнется и погибнетъ въ этомъ духовно-бездушномъ пространствѣ...

Признайте же, что человѣческое царство не есть цѣль, а есть среда и средство для проявленія царства Божія. Признайте, что жизнь государства у христіанскаго народа не можетъ пройти мимо запросовъ и требованій христіанской совѣсти. Признайте, что Церковь Христова, какъ вѣчное воплощеніе спасающей силы христіанства и его не престающаго дѣйствія въ мірѣ вѣрующихъ, не можетъ не воздѣйствовать на жизнь государства, не можетъ быть отъ нея устранена, напротивъ, она должна всюду, во всѣ стороны мысли и жизни, быта и строительства и всякой человѣческой дѣятельности вносить вѣчныя начала вѣчной Христовой правды.

Эта вѣковѣчная и глубочайшая истина и изображена наглядно въ священномъ коронованіи царя на царство. Если государство чуждо религіозно-нравственнаго начала и характера, если оно—только хозяйственное предпріятіе или основанный только на взаимной выгодѣ и національномъ эгоизмѣ союзъ, а не среда для осуществленія нравственнаго идеала христіанской личности и высшаго призванія христіанскаго народа,—тогда, дѣйствительно, не нужно коронованія царей, не нужно освященія власти. Если религія есть „частное дѣло“ и не имѣетъ ни малѣйшаго касательства къ жизни общества и государства; если нравственность независима отъ религіи и церковь отдѣлена отъ государства, а государство чуждо церкви,—тогда не нужно коронованія царя и освященія власти. Если царь не является орудіемъ міроправящаго промысла въ жизни даннаго народа,—тогда не нужно коронованіе. Если правовыя нормы не опираются на вѣчныя и неизмѣнныя нормы нравственнаго закона, получающаго содержаніе, освященіе, силу и авторитетъ въ законѣ живого, личнаго Бога,—тогда не нужно коронованія. Если право временно и условно, и каждый народъ, каждое время, каждый классъ имѣютъ свою нравственность и не обязаны провѣрять ее въ зеркалѣ закона Божія; если нравственная истина не остается истиною всегда и вездѣ, а есть нѣчто относительное, измѣняющееся со-

отвѣтственно росту и развитію общества,—тогда не нужно коронованія. И если поэтому власть царя есть только передовѣріе власти народа, если она ограничена и ограничима, если она въ существѣ и дѣйствованіи зависитъ отъ измѣняющагося каприза тѣхъ, кто вздумаетъ назвать себя волеизъявителями народа, какъ источника царской власти, если исходяще власти царя не въ Богѣ, опора, цѣли, задачи и высшая отвѣтственность не въ Богѣ, не въ христіанской совѣсти: тогда,—да, тогда не нужно коронованія царей, тогда предъ нами въ лучшемъ случаѣ муравейникъ или пчельникъ, вмѣсто человѣческаго государства, тогда предъ нами царство двуногихъ животныхъ, можетъ быть и очень умныхъ, но не нравственноразумныхъ существъ, не людей, въ дѣйствительномъ значеніи этого слова! Можетъ быть, хотя и это совершенно невѣроятно,—можетъ быть, въ такомъ муравейникѣ съ желѣзною принудительностью и съ неумолимымъ смертнымъ приговоромъ всякому ослушнику и всякой не похожей на другихъ по дарованіямъ и стремленіямъ личности пройдетъ законъ труда, и будетъ всѣмъ тепло и сытно (по крайней мѣрѣ, этимъ обѣщаніемъ увлекаютъ въ свою вѣру мечтатели о новомъ государственномъ строѣ): но человѣческой душѣ будетъ холодно, и голодно, и безпріютно въ этомъ обѣщаемомъ раю. Она съ радостію броситъ всѣ эти блага, этотъ рай и уйдетъ отъ него въ пустыни, на край свѣта, уйдетъ въ лѣса и дебри, подъ землю въ катакомбы, чтобы тамъ создать вновь, хотя бы и при всѣхъ лишеніяхъ тѣла, при отсутствіи всякихъ удобствъ жизни, въ физическомъ холодѣ и голодѣ,—создать такія условія жизни, въ которыхъ не было бы для духа человѣческаго неисходной тоски и неутолимаго голода. Ибо скорѣе порушится законъ мірового физическаго тяготѣнія, чѣмъ прекратится всемірное духовное тяготѣніе человѣка къ Богу и исходящему изъ Него нравственному началу. Повѣрьте здѣсь хотя бы такому писателю-мыслителю, какъ Бокль, котораго ужъ никакъ нельзя заподозрить въ благоволительномъ пристрастіи къ религіи и христіанству; онъ принужденъ сознаться, что въ „цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего такого, что бы измѣнялось такъ мало, какъ тѣ великіе догматы, изъ которыхъ сла-

гаются нравственныя системы". И когда уйдетъ разумный человѣкъ изъ обѣщаемаго въ „новомъ государствѣ" рая, грубаго и чувственнаго, въ поискахъ за нравственнымъ смысломъ жизни, опять тогда начнутъ возрастать общества и государства на человѣческихъ, а не на животныхъ началахъ; и опять явится власть, исходящая отъ Бога; и опять Церковь Божія станетъ, какъ воплощенная совѣсть, ходить предъ царемъ и народомъ, указуя имъ путь отъ земли къ небу; и опять эта идея одѣнется предъ народомъ въ красоту священныхъ обрядовъ и священнодѣйствій; и опять будетъ коронованіе царей и освященіе власти... Въ Богѣ союзъ царя и народа, власти и общества; въ семьѣ, основанной на любви, а не на хозяйственномъ разсчетѣ—первообразъ государственной и общественной жизни; въ ней. въ семьѣ, придетъ къ людямъ самъ собою и хозяйственный расчетъ, въ ней будетъ и нарастаніе богатства; но не здѣсь ея сущность; въ ней явится и право, но то право, которое именно и есть во всякой доброй семьѣ, то есть, основанное на любви, освященное Богомъ и указанное Апостоломъ: „другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ"; „честію другъ друга больша творите"; „вся вамъ любовію да бываютъ"; „никому ничѣмъ не оставайтесь должны, кромѣ любви"...

Слава Богу, все это было и есть среди русскаго православнаго народа, создавшаго государство свое при исключительныхъ въ исторіи условіяхъ: въ младенчествѣ, на зарѣ своей исторической жизни, еще не связанный и не отравленный формами и духомъ государства языческаго, онъ принятъ былъ въ лоно церкви, въ купель крещенія, и съ тѣхъ поръ создавалъ и строилъ свое государственное дѣло, ведомый церковью, напаяемый духомъ Христовой вѣры. Этимъ онъ рѣзко разнится отъ народовъ Запада, гдѣ или совсѣмъ уничтожилось, или увяло и поблекло и осталось, дѣйствительно, лишь пышнымъ обрядомъ коронованіе царей: языческія начала жизни, языческія основы государства и особенно:—губительная идея народовластія—демократіи, изъ коей въ будущемъ возрастетъ антихристъ,—все это опустошило и обезсмыслило тамъ земную власть. Еще съ виду пока тамъ все дер-

жится спокойно, и жизнь по временамъ блещетъ и силою и свѣжестью; это остатки прежнихъ вѣрованій, прежняго духа, это лучи солнца, скрывшагося за горизонтомъ, но еще посылающаго землѣ отраженный свѣтъ. Но уже сбираются таинственныя черныя тучи, и ихъ временами прорѣзываютъ грозныя молніи, и въ нихъ гремятъ отдаленные страшные раскаты грома... Дай Богъ, чтобы вѣра, совѣсть, и разумъ народовъ обратили ихъ къ оставленнымъ путямъ жизни.

Русскій же народъ въ цѣломъ, за исключеніемъ немногихъ, поклонившихся чужеземнымъ богамъ, и до днесь сохраняетъ и, дастъ Богъ, сохранитъ навсегда,— ибо въ этомъ его предназначеніе въ мірѣ—религіозно-нравственное воззрѣніе на всю совокупность жизни земной; слѣдовательно, и на жизнь государственную. Оттого и донынѣ коронованіе царя у насъ полно смысла и значенія; оттого радостенъ сей церковно-общественный праздникъ съ его цѣлодневнымъ звономъ, какъ бы пасхальнымъ. Съ высоты храмовъ Господнихъ этотъ звонъ возвѣщаетъ Россіи, что въ ней по прежнему, какъ и встарь, живетъ и пребываетъ вѣчное слово: „Господи, силою Твоею возвеселится Царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло. Яко Царь уповаетъ на Господа, и милостію Вышняго не подвижится“. Аминь.

Протоіерей *І. Восторговъ.*

II.

Всеподданнѣйшее прошеніе православныхъ патріотовъ-Кіевлянъ.

Ваше Императорское Величество!

Предъ открытіемъ IV Всероссійскаго Миссіонерскаго Съѣзда распространился въ Кіевѣ слухъ, будто бы отъ Совѣта Министровъ послѣдовало негласное распоряженіе не допускать на Съѣздѣ обсужденія вѣроисповѣднаго законопроекта, выработаннаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и внесеннаго этимъ послѣднимъ на разсмотрѣніе Государственной Думы.

Слухъ этотъ православному населенію города показался настолько невѣроятнымъ, что первоначально принятъ былъ за агитаціонный вымыселъ со стороны революціонеровъ

и евреевъ. Но когда, вслѣдъ за тѣмъ, нѣкоторые, неосвященные въ тайныя распоряженія центральнаго правительства, члены Съѣзда пытались коснуться вопросовъ, въ коихъ интересы Церкви тѣсно соприкасаются съ интересами общегосударственными, то руководители Съѣзда вынуждены были указать имъ на вышеупомянутый запретъ, наложенный на Съѣдъ.

Трудно описать негодованіе вѣрующихъ православныхъ людей при этомъ извѣстіи. Итакъ, то самое правительство, которое вноситъ вѣроисповѣдный законопроектъ на обсужденіе Государственной Думы, члены которой, въ большинствѣ, либо невѣжественны въ дѣлахъ Церкви, либоже, утративъ вѣру и совѣсть, даже враждебны Православію, то же самое правительство, говоримъ мы, воспрещаетъ почтенному Собранію православныхъ пастырей и архипастырей касаться вопросовъ первенствующей государственной важности и такимъ образомъ самопроизвольно осуществляетъ мечту революціонеровъ и инородцевъ объ отдѣленіи въ Россіи Православной Церкви отъ Государства. Итакъ, отнынѣ въ костелахъ, синагогахъ и языческихъ капищахъ можно свободно проповѣдывать лжеученія, клонящіяся къ разрушенію Православія и расчлененію Россіи, но въ Совѣтѣ русскихъ пастырей и архипастырей нельзя обсуждать мѣропріятій, долженствующихъ противодѣйствовать этому разрушенію и расчлененію.

Великій Государь, казни насъ, если казни мы достойны, но долгъ вѣрноподданической присяги и Высочайшій Манифестъ 18 февраля 1905 г. налагаетъ на насъ священную обязанность раскрывать передъ державными очами Твоими всю правду въ защиту Россіи отъ вѣрной гибели, къ которой ведетъ ее недальновидная политика правительства Твоего, нежелающаго предвидѣть опасностей, грозящихъ Престолу Твоему и Отчизнѣ въ томъ случаѣ, если инородцамъ, пребывающимъ въ невѣріи или вѣроисповѣдныхъ заблужденіяхъ, предоставлена будетъ полная свобода совращать колеблющихся, слабыхъ и безвольныхъ съ пути истинной вѣры, обращая ихъ съ тѣмъ вмѣстѣ въ орудія ихъ политическихъ интригъ.

Внемли голосу народа Твоего, Великій Государь, повели изъять внесенный Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ

вѣроисповѣдный законопроектъ изъ вѣдѣнія Государственной Думы, некомпетентной въ вопросахъ религіозныхъ догматовъ и таинствъ Православной Вѣры и, въ дни великодушно дарованныхъ Тобою всѣмъ вѣрноподданнымъ Твоимъ свободы слова и печати, возврати духовнымъ отцамъ нашимъ незаконно отнятое у нихъ право защиты Православной Церкви отъ недостойнаго посягательства свѣтской власти на ея исконныя историческія права, съ которыми нераздѣльно связаны прочность Россійской Державы и непоколебимость Самодержавнаго Престола Твоего.

Да не послѣдуетъ православная Россія примѣру республиканской Франціи, въ которой гоненіе на нѣкогда господствующую въ ней католическую Церковь и ея церковныя, просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія совершается властью масонско-еврейскихъ политическихъ партій, къ великому торжеству свободнаго отъ вѣроисповѣдныхъ утѣсненій іудейства и союзныхъ съ нимъ соціалистовъ.

Къ сему Всеподданнѣйшему прошенію прилагаются: 1) выписка изъ протокола отъ 18 іюля с. г. засѣданія Кіевскаго Отдѣла Русскаго Собранія, при участіи уполномоченныхъ отъ прочихъ патріотическихъ организацій г. Кіева и 2) рѣчь, произнесенная Б. М. Юзефовичемъ въ Собраніи Союза Русскаго Народа 13 іюля 1908 г.

Подлинное подписали:

Предсѣдатели: Кіевскаго Отдѣла Русскаго Собранія и Всероссійскаго Союза Русскихъ Рабочихъ *Б. Юзефовичъ*, Кіевской Русской Монархической Партіи и Русскаго Братства *П. Жуковъ*, Партіи Правового Порядка *М. Картавцевъ*, Кіевскаго Губернскаго Отдѣла и Совѣта Союза Русскаго Народа *Н. Мищенко* и Кіевскаго Желѣзнодорожнаго Отдѣла Союза Русскаго Народа *К. Щирый-Никитчукъ*.

III.

Новая вѣроисповѣдная система Русскаго Государства.

„Мерзость для царей—дѣло беззаконное, потому что *правдою утверждается престолъ*“ (Притч. Сол. 16, 12).

„Пусть не дивятся граждане и гражданскія власти, если когда-нибудь возведенное ими зданіе рухнетъ и ихъ задавитъ обломками. Вотъ куда ведетъ отлученіе государства отъ сознанія Церкви!“

(„Моск. Сборн.“ К. П. Побѣдоносцева).

Вопросъ о новой вѣроисповѣдной системѣ Русскаго Государства въ переживаемое нами время имѣетъ не только академическое значеніе, но и въ высшей степени жизненно-практическое. Жизнь каждой страны направляется законами. И, если вѣрно то положеніе, что законы носятъ на себѣ печать уже сложившейся жизни и обычаевъ страны, то неоспоримъ и другой фактъ, что и сама жизнь страны слагается и протекаетъ подъ сильнымъ воздѣйствіемъ на нее законовъ. Сказанное вообще о законахъ вполнѣ приложимо и къ законамъ по дѣламъ вѣры. То или иное направленіе вѣроисповѣднаго законодательства неотразимо сказывается на религіозной жизни страны.

Вотъ почему для людей вѣры и особенно для тѣхъ, кто въ лицѣ своихъ предковъ зажегъ на Руси свѣтильникъ православія, кто подъ благодатнымъ свѣтомъ этого свѣтильника собралъ и создалъ великую и мощную святую Русь, кто призванъ стоять на стражѣ этого свѣтильника, чтобы онъ не угасъ и не былъ угашенъ, — дѣломъ первостепенной важности является проникновеніе въ духъ того вѣроисповѣднаго законодательства, которымъ живетъ или имѣетъ жить сложный и огромный организмъ Русскаго Государства...

Не подлежитъ сомнѣнію, что русскій государственный корабль въ дѣлахъ вѣры рѣзко перемѣнилъ свой курсъ. Уже 17 апрѣля 1905 г. Русское Государство перешло на путь западно-европейскаго или, такъ называемаго, „нова-

го-государства". Послѣднее, какъ извѣстно, особенно подъ вліяніемъ современнаго соціализма, или историко-экономическаго матеріализма, объявило себя внѣконфессіональнымъ, чуждымъ интересовъ какой-либо религіи. Оно предоставило каждой вѣрѣ полную свободу дѣйствій, только-бы не нарушались интересы собственно государства. Отдѣливъ государство отъ Церкви, „новое государство", подъ знаменемъ „свободы совѣсти", объявило полную свободу исповѣданія каждымъ своей вѣры и отправленія богослуженія и духовныхъ требъ по обрядамъ оной, полную свободу перехода изъ одной вѣры въ другую,, полную свободу религіозной пропаганды и совращеній, и, наконецъ, полную свободу для каждаго быть внѣ какой-либо конфессіи, или свободу атеизма.

Правда, „свобода совѣсти" даже на своей родинѣ доселѣ не проведена полностью въ государственные кодексы; болѣе того, по мѣрѣ своего наибольшаго развитія она завершилась, напримѣръ, во Франціи, уже не религіознымъ индифферентизмомъ, какъ предполагалось въ идеѣ, а „просвѣщеннымъ" *гоненіемъ* на религію... Но все-же на западѣ Европы и въ другихъ странахъ вѣроисповѣдный принципъ „новаго государства" и теперь торжествуетъ. Онъ недавно положенъ въ основу и русскаго законодательства по дѣламъ вѣры.

Прежняя вѣроисповѣдная система Русскаго Государства была конфессіональной и покоилась на признаніи первенства и господства въ Государствѣ Православной Церкви. Послѣдняя пользовалась особымъ покровительствомъ Государства во вниманіе къ указамъ, исторически скрѣпившимъ судьбы Русскаго Государства и Православной Церкви воедино. Но въ вѣроисповѣдномъ актѣ 17 апрѣля 1905 г. Государство обосновалось на другомъ внѣконфессіональномъ принципѣ. Оно объявило себя чистоправовымъ институтомъ, чуждымъ интересовъ конфессіи. Комитетъ Министровъ въ основу своихъ сужденій о религіозной свободѣ положилъ уже ту мысль, что „убѣжденія совѣсти каждаго человѣка не подлежатъ контролю со стороны Государства до тѣхъ поръ, пока они не выразились въ какомъ-либо *неправомѣрномъ* дѣяніи".. Ре-

лигіозная свобода, по мнѣнію Комитета, подлежитъ стѣсненію только въ тѣхъ случаяхъ, когда проявленіе вѣрованій сопряжено съ опасностью для *Государства, общественной* нравственности или спокойствія. Но и въ этомъ случаѣ мѣры борьбы направляются не въ путяхъ ограниченія *духовной* свободы, а пресѣченія уголовнаго преслѣдованія *отдѣльныхъ* преступныхъ дѣяній.

Такимъ образомъ, тотъ или другой *вѣроисповѣдный* элементъ потерялъ для Государства собственную цѣнность. Отсюда всѣ дѣйствія правящихъ сферъ и самое законодательство быстро пошли по пути освобожденія отъ конфессіональнаго элемента и вліянія.

Конечно, прежде всего, пострадалъ у насъ *принципъ первенства и господства Православной Церкви*, которымъ ярко была запечатлѣна прежняя вѣроисповѣдная система Государства. Если раньше удовлетвореніе религіозныхъ потребностей, особенно отщепенцамъ отъ Православной Церкви, дозволялось государственными законами лишь посколько этимъ не могло быть, по мнѣнію законодателя, нанесено вреда господствующей вѣрѣ,—съ каковою цѣлью Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и вообще государственныя учрежденія обязательно входили въ предварительное соглашеніе съ Православною Церковною властью по всѣмъ вопросамъ относительно положенія въ Государствѣ и особенно различныхъ отщепенцевъ отъ Церкви,—то съ 17 апрѣля 1905 г. Государство, ставъ на почву охраны и блюстительства собственно государственныхъ интересовъ, перестало считать интересы Православной Церкви своими, а равно и обусловливать соблюденіемъ интересовъ Церкви появленіе того или другого вѣроисповѣднаго закона. Даже по отношенію къ отщепенцамъ отъ Церкви Государство стало руководиться пользою, вредомъ или безразличіемъ ихъ только для государственнаго благополучія, или общественной нравственности и спокойствія. Понятно, что и самое соглашеніе и сношенія съ Православною Церковью даже по дѣламъ отщепенцевъ отъ нея, наиболѣе затрогивающимъ интересы Церкви, Государство признало лишними. Уже при обсужденіи „Указа 17 апрѣля 1905 года объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости“, государственная власть не сочла полез-

нымъ выслушать голосъ Церкви, или хотя бы ея полномочныхъ представителей. Болѣе того, тогда же поручалось управляющему Министерствомъ Юстиціи пересмотрѣть „Новое Уголовное Уложеніе“ по дѣламъ вѣры, въ цѣляхъ согласованія его съ началами „Указа 17 апрѣля“, и внести свое представленіе объ этомъ въ Государственный Совѣтъ *„безъ предварительнаго сношенія съ другими вѣдомствами“*, изъ которыхъ, конечно, пришлось бы снестись, прежде всего, и по преимуществу, съ „вѣдомствомъ православнаго исповѣданія“... При изданіи „правилъ 17 октября 1906 г.“ также ограничились заключеніемъ и мнѣніями только Совѣта Министровъ!..

Такъ государство *само* стало творить вѣроисповѣдные законы. Первенствующій, союзническій и даже совѣтническій голосъ Православной Церкви въ дѣлахъ государственнаго вѣроисповѣднаго законодательства былъ упраздненъ.

По тѣмъ же мотивамъ и самое законодательство стало усиленно освобождаться отъ конфессіональнаго элемента. Это сказалось еще при редакціи и утвержденіи 22 марта 1903 г. „Новаго Уголовнаго Уложенія“, въ которомъ изъ 65-ти статей прежняго „Уложенія о наказ. угол. и исправит.“ (Разд. II-й) осталось по дѣламъ вѣры всего 26 статей, а при вторичной редакціи „Нов. Угол. Улож.“, Высочайше утвержденнымъ 14 марта 1906 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, въ немъ осталось всего 24 статьи!..

Также и „Уставъ о предупрежд. и пресѣчен. прест.“ во многомъ относительно дѣлъ вѣры омертвѣлъ, а существенныя его статьи, касающіяся самыхъ жизненныхъ интересовъ Православной Церкви, какъ-то: 36—39 ст. и 56—57 ст., были совершенно отмѣнены. То же произошло и съ „Устав. Уголовн. судопроизводства“, статьи котораго — 1005/1008, зорко стоящія на стражѣ дѣлъ вѣры, полностью упразднены.

Вслѣдствіе произведенныхъ реформъ въ вѣроисповѣдномъ законодательствѣ, западно-европейская „свобода совѣсти“ *къ апрѣлю м. 1906 г.* прочно водворилась у насъ во всѣхъ своихъ главныхъ проявленіяхъ. Такъ, во-1-хъ, у насъ въ законодательствѣ объявлена полная свобода исповѣданія каждымъ своей вѣры и отправленія богослуже-

нія и духовныхъ требъ по обрядамъ оной. Если такая свобода не предоставлена изувѣрнымъ и безнравственнымъ ученіямъ, самая принадлежность къ которымъ уголовно наказуется (96 ст. „Нов. Уг. Ул.“), то такое ограниченіе и наказаніе имѣютъ своимъ основаніемъ не разнствованіе этихъ ученій отъ основныхъ истинъ вѣры христіанской вообще и православной, въ частности, не крайнюю степень проявленнаго въ догматикѣ этихъ ученій невѣжественнаго и суевѣрнаго міросозерцанія, полнаго искаженія и превратнаго толкованія событій въ исторіи отечественной или всемірной, и въ особенности преданій церковныхъ и выраженій священныхъ книгъ, но исключительно *жизненное проявленіе* изувѣрныхъ и безнравственныхъ ученій, учиненіе ихъ послѣдователями, въ силу ихъ вѣры и богослужебнаго культа, дѣйствій, не совмѣстимыхъ съ охраняемыми государственною властью важнѣйшими интересами частныхъ лицъ, или основными требованіями общественной нравственности. Словомъ, въ наказуемости самой принадлежности къ изувѣрнымъ и безнравственнымъ ученіямъ играютъ исключительную роль мотивы чисто-государственнаго свойства, но отнюдь не конфессіональнаго. Почему и наказаніе возможно только въ случаѣ юридической доказанности самаго факта изувѣрства или безнравственности. Безъ *жизненнаго проявленія* подобныхъ фактовъ самыя изувѣрныя и безнравственныя секты могутъ пользоваться свободою исповѣданія своей вѣры и отправленія своего культа, какъ то и есть въ дѣйствительности, происходящей „на законномъ основаніи“. Всякое вообще „публичное оказательство раскола“, не приносящее вреда интересамъ собственно государства, а преслѣдующее безвредныя или безразличныя съ исключительно государственной точки зрѣнія религіозныя цѣли, по „Нов. Угол. Улож.“ не наказуется, за отмѣною 14 марта 1906 г. ст. 92-й „Нов. Угол. Улож.“ по мотивамъ, изложеннымъ еще въ Высочайше утвержденныхъ 17 апр. 1905 г. журналахъ Комитета Министровъ, когда въ принципѣ была предрѣшена отмѣна ст. 49-й и 59-й „Уст. о предупр. и пресѣч. преступл.“!

Во-2-хъ, въ нашемъ законодательствѣ объявлена полная свобода перехода изъ одного христіанскаго исповѣ-

данія, въ томъ числѣ и изъ православія, въ другое христіанское же исповѣданіе и вѣроученіе (расколъ или секту). За такими переходами признана юридическая сила, и они получили санкцію отъ Государства. Что же касается перехода изъ христіанства въ нехристіанство, то такой переходъ узаконенъ только для тѣхъ, кто самъ или его предки были прежде нехристіанами, при чемъ понятіе „предки“ не получило точнаго опредѣленія въ законѣ. Для лицъ же христіанскихъ исповѣданій принятіе нехристіанской вѣры закономъ не воспрещено и не дозволено. Въ этомъ отношеніи Государство остановилось пока на полъ-пути. Оно не караетъ уголовно и вообще не примѣняетъ къ отпавшимъ въ нехристіанство христіанамъ какихъ-либо репрессивныхъ мѣръ и только путемъ умолчанія въ законѣ о такихъ отпаденіяхъ лишаетъ ихъ юридической силы или государственной санкціи, что влечетъ за собою для отпадшихъ нѣкоторыя невыгодныя въ гражданскомъ отношеніи послѣдствія. Замѣчательна мотивировка такого отношенія Комитета къ данному вопросу. „Прямое разрѣшеніе въ законѣ принятія православными нехристіанскихъ исповѣданій не соотвѣтствовало бы глубокому сознанію истинности высокихъ началъ, лежащихъ въ основѣ вѣры Христовой, и едва ли вызывается надобностью въ виду несомнѣнной исключительности подобныхъ случаевъ“, — такъ заявилъ Комитетъ Министровъ въ Высочайше утвержденномъ 17 апрѣля 1905 года журналѣ. Нетрудно, однако, понять всю нелогичность подобнаго заявленія. Безъ сомнѣнія, *не* „глубокое сознаніе истинности высокихъ началъ“ христіанства лежало въ основѣ комитетскихъ законопроектовъ по вопросу о переходѣ изъ христіанства въ нехристіанство. Иначе, Комитетъ не только *„прямого“*, но и косвеннаго разрѣшенія въ законѣ подобнаго перехода не далъ бы. Между тѣмъ, умолчавъ въ законѣ о запретѣ такихъ переходовъ и не положивъ никакихъ взысканій за нихъ, онъ тѣмъ самымъ далъ понять, что Государство косвенно разрѣшаетъ отпаденія христіанъ въ нехристіанство и признаетъ за такими отпаденіями юридическую силу, давъ „прямое разрѣшеніе“ на нихъ въ законѣ, когда случаи подобныхъ отпаденій перестанутъ быть исключительными, а сдѣлаются

обычнымъ явленіемъ. Вотъ почему Комитетъ узаконилъ отпаденія въ нехристіанство тѣхъ христіанъ, которые не только сами, но даже въ лицѣ своихъ предковъ прежде были нехристіанами. Когда настанетъ удобное время для узаконенія всякихъ вообще отпаденій изъ христіанства въ нехристіанство, то Государство, по примѣру Комитета, обоснуетъ необходимость такого узаконенія тѣмъ соображеніемъ, что-де для него нельзя оставлять своихъ подданныхъ безъ религіи. Словомъ, подъ обличіемъ общей религіозности оно сдѣлаетъ еще одинъ крупный шагъ къ безрелигіозности, или атеизму.

Въ-3-хъ, въ нашемъ законодательствѣ свобода пропаганды каждымъ своего вѣроученія сохранила ничтожное ограниченіе, когда уголовно наказуется только *публичная* пропаганда съ цѣлью совращенія православныхъ. Такъ что всѣ статьи „Уст. о предупр. и пресѣч. преступл.“ относительно запрещенія для всѣхъ вѣръ и исповѣданій проповѣди ими своего ученія среди иномыслящихъ являются почти бездѣйствующими, за отсутвіемъ нынѣ состава уголовнаго преступленія въ пропагандѣ, кромѣ случая, указаннаго въ 90-й ст. „Нов. Угол. Улож.“ *). При этомъ должно замѣтить, что условія, наличностью которыхъ обставлена уголовная наказуемость пропаганды среди православныхъ, таковы, что факты наказуемости являются почти невозможными.

Мы не будемъ уже говорить о томъ, что Государство *въ принципѣ* признало законною пропаганду среди православныхъ и только до времени нѣсколько ограничило ее. Понятно, что временныя ограниченія скоро исчезнутъ, коль скоро къ тому ведетъ самый принципъ, и отмѣна такихъ ограниченій не потребуетъ особыхъ усилій.

Въ-4-хъ, что касается свободы совращеній, то таковою пользуются всѣ вѣры и исповѣданія, если совращеніе происходитъ путемъ убѣжденія. Въ этомъ отношеніи православіе не пользуется никакими привилегіями, такъ какъ и совращеніе изъ православія въ любую вѣру или исповѣданіе путемъ убѣжденія не является уголовнымъ пре-

*) Административныя мѣры борьбы съ нарушителями означенныхъ статей рѣдки и не достигаютъ цѣли.

ступленіемъ. Замѣчательно, что публичная пропаганда среди православныхъ съ цѣлью совращенія ихъ уголовно наказуется (ст. 90-я), но если состоялось самое совращеніе, то, хотя бы оно явилось и слѣдствіемъ публичной проповѣди, — оно не влечетъ за собою для совратителя особаго наказанія. Словомъ, на языкѣ примѣровъ, это значитъ, что убійство наказуется въ той же степени, какъ и покушеніе на жизнь...

Если сохранилось въ уголовномъ кодексѣ наказаніе за совращеніе, то только для тѣхъ случаевъ, когда въ совращеніи проявилась злая воля совратителя, т.-е., во-1-хъ, когда совращеніе произошло насильственное, посредствомъ насилія надъ личностью, или наказуемой угрозы, и, во-2-хъ, когда совращеніе состоялось, хотя и не насильственное, но посредствомъ злоупотребленія властью, принужденія, обольщенія обѣщаніемъ выгодъ, обмана... Во всѣхъ такихъ случаяхъ совращеніе *наказуется* независимо отъ того, въ какую вѣру произошло совращеніе. Вѣроисповѣдный элементъ сохранилъ нѣкоторое значеніе только въ опредѣленіи *степени* наказанія и то съ исключеніемъ для изувѣрныхъ ученій, — здѣсь нехристіанство сравнено съ христіанствомъ. Понятно, что въ наказаніяхъ такихъ совращеній, которыя являются преступными для всѣхъ вѣръ и исповѣданій, руководящую роль играютъ мотивы отнюдь не конфессіональнаго характера, а исключительно Государственнаго, и потому самое наказаніе и преступленія свободно могутъ быть изъяты изъ спеціально вѣроисповѣднаго отдѣла — главы „Нов. Угол. Уложенія“. Къ этому, несомнѣнно, и направляли свою дѣятельность творцы новаго уголовнаго кодекса, чтобы впослѣдствіи „на разумномъ-де основаніи“ еще болѣе изъять конфессіональный элементъ изъ нашего законодательства.

Въ-5-хъ, что касается свободы стоять внѣ всякой вѣры, или, что то же — принадлежать къ атеизму, то прямого разрѣшенія на это наше законодательство еще не даетъ. Но всѣ данныя для законнаго существованія класса людей внѣисповѣдныхъ Государство уже подготовило. Обычно тамъ, гдѣ расцвѣла объявленная и у насъ „свобода совѣсти“, Государство шло къ атеизму слѣдующимъ путемъ: сперва оно всячески лишало первенствующую хри-

стіанскую церковь особыхъ привилегій и переходило на *общехристіанскую* почву, не дѣлая различія между христіанскими исповѣданіями и сектами. Затѣмъ оно сперва молча мирилось съ посягательствами нехристіанскихъ ученій на права и привилегіи христіанскихъ исповѣданій и наконецъ узаконяло эти посягательства, становясь, такимъ образомъ, на *общерелигіозное* основаніе, не дѣлая уже различія между христіанствомъ и нехристіанствомъ. Подобное отношеніе къ религіи, естественно, еще сильнѣе побуждало Государство блюсти повсюду только чисто-государственные интересы, внѣ связи ихъ съ какою-либо конфессіей. Параллельно этому происходило упраздненіе все большаго и большаго числа вѣроисповѣдныхъ законовъ, такъ что въ государственныхъ кодексахъ оставалось всего пять или шесть статей по дѣламъ религіи. Въ заключеніе Государство, вѣрное своему принципу, провозгласившему отдѣленіе церкви или конфессіи отъ Государства, объявляло полный разрывъ съ религіей, трактуя послѣднюю уже въ *общихъ* отдѣлахъ своего кодекса. Разорвавъ само съ религіей, оно, конечно, дозволяло и своимъ подданнымъ стать внѣ конфессіи. Такъ „свобода совѣсти“ необходимо завершалась атеистическимъ Государствомъ и узаконеннымъ въ немъ атеизмомъ. Религія, какъ невыгодный балластъ, выбрасывалась за бортъ государственнаго корабля.

Мы видѣли, что и наше государство не только перешло уже на *общехристіанскую* почву, но и прошло большую часть пути къ *общерелигіозному* основанію. Это сказалось во всѣхъ обрисованныхъ нами проявленіяхъ у насъ „свободы совѣсти“ и въ самомъ принципѣ, объявленномъ въ журналахъ Комитета Министровъ, по которому Государство въ существѣ своемъ признавалось чуждымъ конфессіи. Немного еще осталось до полнаго уравненія у насъ нехристіанства съ христіанствомъ, а отсюда уже самъ собою выльется государственный атеизмъ, и появится узаконенный классъ внѣисповѣдныхъ людей.

На этотъ путь узаконенія атеизма и вступила, было, 1-я Государственная Дума въ своемъ законопроектѣ о свободѣ совѣсти (ст. 3-я), оставаясь безусловно вѣрной

началамъ, положеннымъ въ основу Указа 17 апрѣля. Нигдѣ такъ ярко не сказалась полная солидарность нашего правительства съ „народнымъ представительствомъ“ даже крайнихъ лѣвыхъ направленій, какъ въ религіозной сферѣ. Если и казались возможными здѣсь пререканія между ними, такъ только относительно времени объявленія этой солидарности, при чемъ, конечно, правительство причислило бы себя къ „постепеновцамъ“...

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи новая вѣроисповѣдная система нашего Государства подарила насъ Высочайше утвержденными 17 октября 1906 г. „правилами“ объ устроеніи внутренней жизни отдѣлившихся отъ православной Церкви „старообрядческихъ согласій“ и сектантовъ. Согласно Высочайшему Указу, эти „правила“ покоятся на началахъ Указа 17 апрѣля 1905 г. и потому, конечно, дарятъ насъ тѣми же картинами.

Прежде всего, при редакціи и изданіи этихъ „правилъ“, строго соблюдали независимость Государства отъ какой-либо конфессіи. И, хотя эти „правила“, какъ сказано въ Указѣ 17 октября 1906 г., должны были послужить къ „вящшему возвеличенію Святой Церкви православной“, хотя они касались самыхъ жгучихъ интересовъ православной Церкви, однако, правительство не пожелало услышать мнѣніе самой Церкви, а удовлетворилось собственнымъ разсужденіемъ, такъ что „правила“ обосновались только на „заключеніи Совѣта Министровъ“. И это не случайность, не опрометчивость нашего правительства, а неуклонное соблюденіе имъ началъ западно-европейской „свободы совѣсти“, которая не допускаетъ соглашенія между Государствомъ и Церковью по дѣламъ вероисповѣднаго законодательства, — Государство *само* творитъ законы.

Всматриваясь въ самое содержаніе „правилъ“ 17 октября 1905 г., мы устанавливаемъ слѣдующія основныя черты ихъ: во-1-хъ, государство сильно озабочено образованіемъ „религіозныхъ общинъ“ изъ отпавшихъ отъ православія лицъ; во-2-хъ, оно надѣляетъ эти общины религіозными, нравственными, просвѣтительными и благотворительными цѣлями; въ-3-хъ, съ рѣдкою поспѣшностью оно по *чисто-государственнымъ* соображеніямъ разрѣ-

шаетъ открытіе общинъ, коль скоро о томъ просятъ не менѣе 50-ти человѣкъ, которымъ предоставляется полная свобода наименованія своей секты, согласія или толка, хотя бы то и „общиной истинно-православныхъ христіанъ“, и распространенія дѣятельности общины, съ разрѣшенія подлежащей гражданской власти, хотя бы то и на всю Россію; въ-4-хъ, пріостановленіе дѣйствій и закрытіе общины также производится государственною властью и по соображеніямъ *чисто-государственнаго* вреда отъ дѣятельности общины; въ-5-хъ, разрѣшенная къ открытію община вносится въ реестръ, и о ея появленіи сама гражданская власть публикуетъ въ сенатскихъ объявленіяхъ и губернскихъ или областныхъ вѣдомостяхъ; въ-6-хъ, зарегистрованная община надѣляется всѣми правами юридическаго лица, она: сооружаетъ собственные храмы, молитвенные дома, скиты, обители, богоугодныя заведенія, школы, пріюты; пріобрѣтаетъ и отчуждаетъ для своихъ цѣлей недвижимыя имущества, образовываетъ капиталы, заключаетъ договоры, займы; вступаетъ въ обязательства; ищетъ и отвѣчаетъ на судѣ; собираетъ пожертвованія и устанавливаетъ сборы съ своихъ членовъ и т. д...; въ-7хъ, она имѣетъ свою печать, утвержденную правительствомъ; въ-8-хъ, государство само регламентируетъ строй и дѣятельность общихъ собраній и совѣтовъ общинъ; въ-9-хъ, оно надѣляетъ всѣми правами „духовнаго состоянія“ наставниковъ, настоятелей и вообще духовныхъ лицъ общинъ; освобождаетъ ихъ отъ призыва на дѣйствительную военную службу; предоставляетъ имъ полную свободу пользоваться принятыми въ ихъ вѣроученіи наименованіями и одѣяніями, хотя бы то и тожественными съ наименованіями православной іерархіи и священными одеждами Православной Церкви; наконецъ, трогательно заботится о нравственномъ достоинствѣ означенныхъ духовныхъ лицъ!..

Повсюду, какъ видимъ, въ приведенныхъ „правилахъ“ упраздненъ государствомъ совѣтническій голосъ Православной Церкви, хотя, по заявленію Указа 17 октября, эти „правила“ касаются самыхъ жизненныхъ и жгучихъ интересовъ Церкви!.. Болѣе того, все въ „правилахъ“ направлено къ *вящшему разоренію* Православной Церкви.

Вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что государство, — предоставляя самую широкую свободу организаціи „религіозныхъ общинъ“ даже незначительному числу отщепенцевъ отъ Православной Церкви, оказывая мощное и живое содѣйствіе законному существованію этихъ общинъ, ихъ внутреннему устройству, сплоченію, усиленію и ихъ объединенной дѣятельности на пространствѣ всей Россійской Имперіи и притомъ даже подъ обличіемъ наименованій и внѣшняго священнаго покрова Православной Церкви, раскрывая для дѣятельности этихъ общинъ всѣ сферы жизни человѣческой, популяризируя общины путемъ казенныхъ публикацій о ихъ появленіи, а особенно надѣляя эти общины и ихъ духовныхъ лицъ поразительно обильной и первостепенной государственной важности правами юридическихъ лицъ, какими не владѣетъ даже Православная Церковь, особенно же освобождая отъ призыва на дѣйствительную военную службу каждаго наставника 50-ти отщепенцевъ отъ Церкви и предоставляя ему право облечься даже въ православно-церковныя имена и одежды, — тѣмъ самымъ мощною рукою сплачиваетъ, оснащаетъ, укрѣпляетъ и множитъ воинствующія противъ Православной Церкви рати отщепенцевъ отъ нея, предоставляетъ на служеніе ихъ цѣлямъ государственную силу, власть, учрежденія и даже средства. Болѣе того, безпримѣрными привилегіями, изъ которыхъ главнѣйшая это — освобожденіе отъ призыва на дѣйствительную военную службу наставника полусотни отщепенцевъ, государство прямо толкаетъ православныхъ чадъ Церкви къ отдѣленію отъ нея по низменнымъ мотивамъ, ничего общаго не имѣющимъ съ религіей и преступнымъ даже съ правильной чисто-государственной точки зрѣнія!..

Словомъ, въ своемъ стараніи отдѣлить государство отъ конфессіи и именно прежде всего отъ первенствующей въ немъ Церкви, творцы „правилъ“ 17 октября перехватили черезъ край. Они поставили своей задачей не только порвать историческую связь государства съ Православною Церковью, но и какъ можно сильнѣе ослабить Церковь, какъ бы боясь со стороны ея мощнаго протеста противъ ихъ новой вѣроисповѣдной системы. Посему-то прежде всего наше правительство и занялось

отщепенцами *отъ православія*, а не отъ другихъ исповѣданій и вѣръ!..

Надѣливъ обильными государственными правами всякія стремленія къ разложенію православной церковной жизни, Государство въ тѣхъ же „правилахъ“ дало элементы разложенія и вообще религіозной жизни, каковые по надобностямъ времени и будутъ развиваемы въ сторону той или другой секты, того или другого „старообрядческаго согласія“ или толка. Такъ постепенно Государство придетъ къ полному религіозному распаду и безъ особыхъ усилій совершенно упразднитъ религіозный элементъ въ своихъ кодексахъ.

———

Послѣдній по времени шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ нашимъ правительствомъ въ формѣ *вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ министерства внутреннихъ дѣлъ*, внесенныхъ въ Государственную Думу третьяго созыва.

Изъ этихъ законопроектовъ наиболѣе важнымъ въ дѣлѣ выясненія новой вѣроисповѣдной системы нашего государства является законопроектъ подъ № 1474-мъ: „*объ отношеніи государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ*“. Въ основу даннаго законопроекта положено „*начало свободы совѣсти*“. Провозгласивъ „свободу совѣсти“, министерство внутреннихъ дѣлъ спѣшитъ предупредить, что свобода совѣсти „*не знаменуетъ вовсе отдѣленія церкви отъ государства*“! Однако, вся аргументація въ пользу столь важнаго утвержденія сведена министерствомъ только къ заявленію, что при отдѣленіи церкви отъ государства получается „*полное безразличіе*“ *) въ отношеніи государства къ религіи; между тѣмъ, государство, остановившееся на принципѣ свободы совѣсти, не провозглашаетъ „*полнаго обособленія отъ религіи*“. Но даже и въ такомъ заявленіи министерства нельзя не усмотрѣть полнаго тожества цѣлей двухъ принциповъ: „отдѣленія церкви отъ государства“ и „свободы совѣсти“. Вѣдь въ сущности оба принципа преслѣдуютъ *одну* цѣль: „*обособленіе государства отъ религіи*“, и только первый прин-

*) Курсивъ нашъ.

ципъ осуществляетъ эту цѣль „*полностью*“, а второй „*неполностью*“. Но полное или неполное осуществленіе извѣстнаго государственнаго принципа является уже дѣломъ *практической* политики правительствъ, которыя сообразуются въ такихъ случаяхъ съ подходящими для торжества ихъ идей моментами, переживаемыми страной. И само министерство свидѣтельствуетъ, что *полнаго* обособленія государства отъ религіи доселѣ нѣтъ даже въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, провозгласившихъ, однако, принципъ отдѣленія церкви отъ государства и осуществившихъ его болѣе другихъ странъ! Въ такомъ случаѣ, на основаніи соображеній самого министерства, необходимо заключить, что *свобода совѣсти неоспоримо знаменуетъ отдѣленіе церкви отъ государства* и что между этими двумя принципами нѣтъ никакой разницы, а, напротивъ, усматривается *полное тожество*.

Но если мы изъ области крайне неудачныхъ министерскихъ соображеній перейдемъ въ сферу научныхъ понятій и государственной жизни западно-европейскихъ странъ и Сѣверной Америки, то съ поразительною ясностью убѣдимся въ полномъ тожествѣ „свободы совѣсти“ съ „отдѣленіемъ церкви отъ государства“. Болѣе того, „свобода совѣсти“ обрисовывается повсюду какъ *теоретическій принципъ*, лежащій въ основѣ практической вѣроисповѣдной политики государства, которое, *во имя этого принципа, „отдѣляетъ себя отъ церкви“*. Полное осуществленіе въ жизни государства „свободы совѣсти“ обязательно сказывается въ „полномъ обособленіи государства отъ религіи“. Достаточно взглянуть въ изслѣдованія по церковному праву и вообще въ области права и политики, чтобы убѣдиться въ томъ, что „новое государство“ на западѣ Европы и въ Сѣв. Америкѣ объявило полное отдѣленіе государства отъ церкви именно во имя „начала свободы совѣсти“ (Блюнчли, Гиншіусъ, И. Бердниковъ — „Новое Государство“..., Е. Тимниковскій — „Государ. положеніе религіи во Франціи“, Триго — „Религ. секты въ Америкѣ“ и др...). Да и въ дѣйствительной жизни мы видимъ то же на каждомъ шагу. Еще и И. С. Аксаковъ писалъ: „Весь христіанскій міръ на Западѣ охваченъ теперь борьбою съ врагомъ, которому ходячее

имя: „современный прогрессъ“. Это бой на жизнь и смерть съ Церковью, бой во имя культуры, цивилизаціи, всякой свободы и общественныхъ благъ. Этотъ бой начинается и у насъ, каждый день умножая противниковъ Церкви, каждый день увлекая подъ знамя „прогресса“ множество молодыхъ..., ибо это знамя „равенства и братства“ *свободы* знанія, мысли и *совѣсти*“... И кто же станетъ оспаривать, что въ Сѣверной Америкѣ и особенно во Франціи не только „отдѣленіе государства отъ церкви“, но даже изгнаніе государствомъ церкви „ведется подъ знаменемъ *„свободы совѣсти“*?!.

У насъ въ Россіи, когда въ 1901 г., по поводу доклада г. Стаховича на Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, поднялись повсюду пренія о „свободѣ совѣсти“, то представители всѣхъ теченій мысли понимали „свободу совѣсти“, именно какъ „полное обособленіе государства отъ религіи“. Самъ г. Стаховичъ такъ опредѣлилъ свободу совѣсти: законодательство въ правѣ говорить любому подданному: „ты можешь вѣрить во что хочешь и какъ хочешь, или совсѣмъ не вѣрить, — мнѣ все равно“. — И на этомъ основаніи г. Стаховичъ требовалъ отъ государства полной религіозной свободы, которая, по его мнѣнію, есть „свобода вѣрить, вѣрить различно, или вовсе не вѣрить“. Отсюда у него проистекла полная свобода перехода въ любую вѣру, полная свобода религіозной пропаганды и совращеній. Въ своемъ откликѣ на рѣчь г. Стаховича „вся наша пресса такъ же поняла „свободу совѣсти“, какъ и г. Стаховичъ, выражая ей то одобреніе, то порицаніе. Такъ, Русскія Вѣдомости“ писали: „Принципъ свободы совѣсти давно уже не только утвердился въ сознаніи лучшихъ мыслителей и всего культурнаго общества Запада, но и проведенъ въ жизнь во всей Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ“, при чемъ газета подтверждала правильность пониманія этого принципа г-на Стаховича (№№ 289, 305—1901 года). „Новое Время“ такъ же поняло „свободу совѣсти“, какъ „отдѣленіе церкви отъ государства“, и, восхищаясь „идеаломъ свободы совѣсти“, заявило: „если достиженіе (этого) идеала не дается Западной Европѣ, гдѣ общій уровень образованія выше, чѣмъ у насъ, то какъ же трудно намъ осуществить отдѣ-

леніе церкви отъ государства“ (№ 9190-й 1901 г.). „Московскія Вѣдомсти“, въ статьяхъ по поводу доклада г. Стаховича, въ свою очередь поняли „свободу совѣсти“, какъ „фактическое отдѣленіе церкви отъ государства“ (№№ 268, 274, 275 и 278—1901 г.). „Церковный Вѣстникъ“ взглянулъ на „свободу совѣсти“, какъ на „совершенное игнорированіе государствомъ дѣлъ вѣры“, какъ на „отсутствіе всякаго религіознаго законодательства“ *). Съ такими воззрѣніями на „свободу совѣсти“ выступила и Государственная Дума 1-го созыва въ своихъ „основныхъ положеніяхъ законопроекта о свободѣ совѣсти“ и въ „объяснительной запискѣ“ къ нимъ. По мнѣнію „объяснительной записки“ въ „принципъ свободы совѣсти“ входитъ „право не подлежать ни къ какому исповѣданію“, почему законопроектъ санкціонировалъ не только „равенство“ всѣхъ вѣроисповѣданій, но и государственный атеизмъ (ст. 3-я и 7-я).

На основаніи всего изложеннаго мы считаемъ совершенно бездоказаннымъ заявленіе, что начало свободы совѣсти, якобы, „не знаменуетъ вовсе отдѣленія церкви отъ государства“!.. Здѣсь невольно мы вспоминаемъ тѣ времена, когда революція, начертавъ на своемъ знаменіи „нейтралитетъ“ по отношенію къ религіи, въ сущности, подъ прикрытіемъ религіознаго безразличія, повела самое ужасное гоненіе на религію, такъ что даже наиболѣе безпристрастные поклонники „новаго государства признали, что „*индифферентизмъ есть самая опасная форма враждебности къ религіи*“.

Нашъ взглядъ на заявленіе министерства подтверждается и разбросанными въ самомъ законопроектѣ отдѣльными выраженіями министерства. Такъ, министерство признаетъ, что совращеніе не можетъ быть наказуемо, потому что оно не наказуется „*въ государствѣ, не признающемъ теократическаго начала*“. То же министерство, при опредѣленіи „*естественныхъ границъ*“ для права пропаганды религіозныхъ ученій, руководится соображеніями исключительно „*общегосударственнаго свойства*“.

---

*) См. подробно нашу книгу: „Орловскій миссіон. съѣздъ въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти“ 1901 г.

Словомъ, для государства *внѣ* его нѣтъ ни начала, которымъ оно освящалось бы, ни интересовъ, которые оно соблюдало бы. Оно само въ себѣ имѣетъ цѣль, само для себя и все для него не существуетъ.

Отсюда и только отсюда понятно, почему совѣтъ министровъ не только самъ не запросилъ мнѣнія первенствующей въ государствѣ церкви относительно вносимыхъ имъ въ Думу вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ, изъ которыхъ, напримѣръ, разбираемый нами перекладываетъ самый фундаментъ отношеній государства къ церкви, — но и отвергъ предложеніе г. оберъ-прокурора Св. Синода представить въ совѣтъ министровъ отзывъ высшей церковной власти по содержанію министерскихъ законопроектовъ. Во имя „начала свободы совѣсти“, „якобы“ не знаменующаго отдѣленія государства отъ церкви, совѣтъ министровъ все же отдѣлилъ государство отъ церкви, ярко показавъ, что государство *само* творитъ законы, безъ содѣйствія и вліянія какой-либо конфессіи. Это служитъ блестящей иллюстраціей къ завѣреніямъ относительно „начала свободы совѣсти“!..

Мы уже не говоримъ о другихъ второстепенныхъ мотивахъ, по которымъ совѣту министровъ вовсе не слѣдовало бы строить свои законопроекты на началѣ и во имя „свободы совѣсти“. Съ философски-психологической точки зрѣнія „совѣсть“ есть внутренній судія — свидѣтель въ человѣкѣ; она крѣпкимъ оплотомъ—тѣломъ человѣка— ограждена отъ какихъ бы то ни было вліяній на нее со стороны другихъ людей и государства. Вотъ почему лучшіе юристы, какъ Іог. Блюнчли, заявляютъ: *„Свобода совѣсти не есть юридическое понятіе и совсѣмъ* не нуждается въ человѣческой, правовой защитѣ“. Иное дѣло, когда „свобода совѣсти“ переходитъ въ „свободу вѣроисповѣданія“ — въ области религіи, — т.-е. становится достояніемъ человѣческой воли и проявляется *во внѣ*, тогда она, какъ *вѣроисповѣданіе*, подлежитъ внѣшней, сторонней регламентаціи. Въ послѣднемъ случаѣ и должно уже говорить о той или иной свободѣ и несвободѣ *вѣроисповѣданія*, и вопросъ объ этомъ, дѣйствительно, становится вопросомъ права какъ церковнаго, такъ и государственнаго. Почему совѣтъ министровъ и долженъ

былъ бы говорить не о „свободѣ совѣсти“, а о *свободѣ вѣроисповѣданія*, тѣмъ болѣе, что и „основные законы“ не знаютъ свободы совѣсти“, а только „свободу вѣры“, или „вѣротерпимость“ *).

Порвавъ исконную связь Русскаго Государства съ Православною Церковью въ дѣлѣ обсужденія и выработки вѣроисповѣдныхъ законовъ, министерство и въ дальнѣйшемъ пошло по пути освобожденія государства отъ конфессіональнаго элемента, сокращая и измѣняя въ этомъ направленіи наше *законодательство* по дѣламъ вѣры.

Здѣсь, прежде всего, какъ и повсюду въ странахъ, обосновавшихся на принципѣ „свободы совѣсти“, пострадали интересы первенствующей и господствующей въ государствѣ церкви. Сохраняя въ силѣ ограниченія особыхъ привилегій Православной Церкви, произведенныя съ 17 апрѣля 1905 г., министерство съ своей стороны подъ разными „благовидными предлогами“ умножаетъ эти ограниченія.

Конечно, на этомъ пути оно сразу же столкнулось съ „основными законами“, силою которыхъ было обязано „неизмѣнно стоять на стражѣ правъ и преимуществъ Православной Церкви, какъ господствующей въ государствѣ“. Подчеркивая свою вѣрность „основнымъ законамъ“ и заявляя, что „особливая защита Православной Церкви должна быть признана актомъ государственной мудрости“, министерство, однако, спѣшитъ проложить слѣдующій разсудочный мостъ къ направленію нашего законодательства на путь вѣроисповѣдной политики „новаго государства“. По заявленію министерства, изъ основныхъ законовъ „не слѣдуетъ, чтобы за Православною Церковью обязательно и полностью были сохранены всѣ предоставленныя ей дѣйствующими законами преимущества. Нѣкоторыя изъ этихъ преимуществъ не являются вовсе прямымъ слѣдствіемъ господствующаго ея положенія, *признаки коего*

---

*) Манифестъ 17 октября 1905 г. говоритъ *не* о религіозной свободѣ совѣсти, а о „*гражданской*“. Вотъ почему „правила 4 марта 1906 г.“ основались на манифестѣ 17 октября 1905 г., а „правила 17 октября 1906 г.“ на „Указѣ 17 апрѣля 1905 г.“.

къ тому же не опредѣлены точнымъ образомъ въ законѣ *). Кромѣ того, извѣстныя привилегіи Православной Церкви направлены, собственно, не только, къ упроченію первенствующаго ея значенія, сколько къ ограниченію правъ другихъ вѣроисповѣданій. Сохраненіе этихъ преимуществъ не совмѣстимо съ свободой совѣсти, и ихъ отмѣна представляется совершенно необходимою".

Вотъ тотъ фундаментъ, на которомъ министерство обосновало свои ограниченія привилегій Православной Церкви. Песчаность этого фундамента, произволъ въ его кладкѣ— все это рѣзко бросается въ глаза. Достаточно хотя на мигъ согласиться съ заявленіемъ министерства, что „признаки господствущаго положенія Православной Церкви не опредѣлены точнымъ образомъ въ законѣ", какъ откроется широкій просторъ для каждаго кроить это „господство" по своему усмотрѣнію!.. Отъ всего „первенства и господства" церкви въ такомъ случаѣ можетъ остаться не только пустой звукъ, но и нѣчто неизмѣримо худшее, когда получится „первенство и господство" *надъ церковью*!.. За примѣрами ходить недалеко!.. Еще въ 1905 году комитетъ министровъ находилъ возможнымъ заявлять: „неизмѣнно подлежатъ сохраненію и на будущее время преимущества, *главнымъ образомъ* придающія Православной Церкви значеніе господствующей: принадлежность къ ней Государя Императора, свобода привлеченія послѣдователей и полученіе денежныхъ средствъ для удовлетворенія нуждъ своихъ изъ общегосударственныхъ доходовъ" (Высоч. утвержд. 17 апрѣля 1905 г. журналъ Ком. Мин. отъ 25 января 1, 8 и 25 февраля 1905 г.). Черезъ два года послѣ сего совѣтъ министровъ уже не находитъ въ законахъ не только „второстепенныхъ", но и „главныхъ" признаковъ первенства и господства церкви въ государствѣ. Поучительная страница въ государственной жизни Россіи!..

Между тѣмъ, вопреки завленію Министерства, наши законы *ясно и точно* опредѣляютъ признаки господства Церкви. Заглянемъ, прежде всего, въ „Основн. Законы". Здѣсь мы находимъ *главнѣйшіе* признаки первенствую-

*) Курсивъ нашъ.

щаго положенія Православной Церкви въ Государствѣ,— это: 1) Императоръ, Престоломъ Всероссійскимъ обладающій, не можетъ *исповѣдывать* никакой иной вѣры, кромѣ Православной (ст. 63-я); 2) Императоръ, яко Христіанскій Государь, есть верховный *защитникъ и хранитель* догматовъ господствующей вѣры и *блюститель* православія и всякаго въ Церкви святой благочинія (ст. 64-я); 3) всѣ не принадлежащіе къ господствующей Церкви подданные Россійскаго Государства и т. д... пользуются каждый повсемѣстно *только* „свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной“ (ст. 66-я) *), при чемъ, что особенно важно,— „Основные Законы“ даже въ послѣдней редакціи ихъ 23 апрѣля 1906 г. нарочито подчеркиваютъ въ особомъ примѣчаніи къ ст. 68-й, что *„правила охраненія вѣротерпимости* (по отношенію къ гражданамъ инославныхъ исповѣданій и иновѣрцамъ въ Имперіи Россійской) *и предѣлы ея подробно означены въ въ Уставахъ по принадлежности“*. Отсюда понятно, что „предѣлы вѣротерпимости и правила охраненія ея“, начертанныя въ другихъ законодательныхъ актахъ, санкціонированы силою „Основныхъ Законовъ“ и, посему, безъ почина Государя, измѣненію не подлежатъ. Иначе, странною являлась бы ссылка „Основныхъ Законовъ“ на такіе законодательные акты, которые въ части, указываемой „Основными Законами“, не обладали бы приведеннымъ свойствомъ „Основныхъ Законовъ“. Вѣдь въ противномъ случаѣ можетъ статься, что „Основные Законы“ найдутъ въ Уставахъ, о которыхъ они говорятъ, вмѣсто *подробныхъ* указаній на предѣлы вѣротерпимости и на правила, охраняющія ее, одно пустое мѣсто! Развѣ это не будетъ упраздненіемъ „Основныхъ Законовъ“?!

Но, быть-можетъ, намъ скажутъ, какъ говорилъ въ Думской коммиссіи г. Маклаковъ, что примѣчаніе къ 68-й ст. „Основныхъ Законовъ“ требуетъ только *указанія* „предѣловъ вѣротерпимости“ и „правилъ охраненія ея въ Уставахъ по принадлежности“, но что самыя „правила“ и „предѣлы“ могутъ издаваться въ общемъ по-

*) Въ неполнотѣ правъ не православныхъ, безспорно, сказывается также главное „преимущество“ правосл. Церкви.

рядкѣ для изданія законовъ, за исключеніемъ „основныхъ“. Это мнѣніе отвергается уже высказанными нами положеніями. Оно неосновательно еще и потому, что „Основные Законы“ въ приведенномъ „примѣчаніи“ къ 68-й ст. указываютъ не только источникъ, откуда почерпаются подробныя свѣдѣнія о вѣротерпимости, но имѣютъ въ виду и самыя „правила охраненія вѣротерпимости и предѣлы ея“, *опредѣленно и точно* изложенныя въ Уставахъ по принадлежности. И это тѣмъ болѣе понятно, что еще такъ недавно „Основные Законы“ редактировались вновь и, конечно, имѣли въ виду опредѣленные дѣйствующіе „Уставы“ съ точнымъ изложеніемъ въ нихъ „предѣловъ вѣротерпимости“. Вспомнивъ, что и самъ Комитетъ Министровъ, съ утвержденія Государя 17 апрѣля 1905 г., призналъ, напримѣръ, въ „свободѣ привлеченія послѣдователей“ главный признакъ первенства Православной Церкви и тѣмъ самымъ „предѣлъ“ государственной вѣротерпимости по отношенію къ неправославнымъ; онъ же указалъ на „*неизмѣняемость*“ этого признака и поставилъ его на ряду съ другимъ, приведеннымъ къ 63-й ст. „Основныхъ Законовъ“, чѣмъ и подтвердилъ нашу мысль о „неизмѣняемости“, безъ почина Государя, предѣловъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ Уставахъ по принадлежности, въ силу указанія на нихъ „Основныхъ Законовъ“ (примѣч. къ ст. 68-й).

А если такъ, что безспорно, то силу неизмѣняемости, безъ почина Государя, имѣютъ всѣ статьи подлежащихъ „Уставовъ“, означающія „предѣлы“ вѣротерпимости и „правила“ охраненія ея, а также одновременно свидѣтельствующія и о главныхъ признакахъ первенства и господства Православной Церкви въ Россіи. Здѣсь прежде всего мы останавливаемся на ст. 4-й Уст. иностр. испов.: „въ предѣлахъ государства одна господствующая Православная Церковь имѣетъ право убѣждать послѣдователей иныхъ Христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцевъ къ принятію ея ученія и вѣры. Духовныя же и свѣтскія лица прочихъ христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцы строжайше обязаны не прикасаться къ убѣжденію совѣсти не принадлежащихъ къ ихъ религіи“... Замѣчательно, что приведенная статья стоитъ въ „Уставѣ“ послѣ изложенія „Ос-

новныхъ Законовъ“ о вѣрѣ, чѣмъ ясно свидѣтельствуется, что именно ее имѣетъ въ виду „примѣчаніе“ къ ст. 68-й „Осн. Зак.“, какъ „предѣлъ вѣротерпимости“. Изъ другихъ статей „Уст. иностр. исп.“ заслуживаютъ въ данномъ случаѣ вниманія статьи: 256, 779, 1102 и 1—110-я, какъ также говорящія о „предѣлахъ вѣротерпимости“, — онѣ повелѣваютъ евангелическо-лютеранской и другимъ инославнымъ церквамъ воздерживаться отъ прозелитизма и всякаго рода дѣйствій, съ цѣлью склонить къ переходу въ ихъ исповѣданіе непринадлежащихъ къ послѣднему лицъ.

Съ такимъ же характеромъ являются и статьи: 70, 77, 45 и 53-я „Устава о пред. и пресѣч. прест.“ Всѣ онѣ *точно* обозначаютъ признаки первенства Православной Церкви и „предѣлы“ государственной вѣротерпимости. Такъ, послѣ указанія на „Основные Законы“ о вѣрѣ въ ст. 65-й, „Уставъ о пред. и пресѣч. прест.“ говоритъ: „одна господствующая церковь имѣетъ право въ предѣлахъ государства убѣждать непринадлежащихъ къ ней подданныхъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ (ст. 70-я)“... Далѣе: „тѣ же правила терпимости, которыя сохраняетъ правительство, обязываютъ всякую духовную власть и всякое частное лицо иностраннаго христіанскаго и иновѣрнаго исповѣданія не прикасаться въ дѣлахъ вѣры къ убѣжденію совѣсти послѣдователей другихъ вѣръ. Посему всякое малѣйшее помѣшательство Церкви Православной въ правилахъ ея и священнослуженіи, оскорбленіе чѣмъ-либо ея служителей и всякое отвлеченіе не только отъ нея, но и отъ другихъ терпимыхъ вѣръ, строжайше запрещаются“ (ст. 77-я). Въ ст. 53-й запрещается заводить или распространять между православными какія-либо ереси, а 45 ст. запрещаетъ „раскольникамъ“ или, по настоящей терминологіи, „старообрядческимъ согласіямъ“, сектантству“ и „изувѣрнымъ ученіямъ“ совращать и склонять кого-лобо въ „расколъ свой“.

Что касается правилъ *охраненія* „вѣротерпимости“, то и они *точно* начертаны въ дѣйствующихъ законахъ, какъ, напримѣръ, ст. 298, 299, 725 и 783-я „Общ. Губ Учрежд.“; ст. 295-я „Уст. ин. исп.“; ст. 78—81-я „Уст. о. пред. и пресѣч. прест.“; ст. 90, 93-я „Нов. Уг. Улож.“...

Уже изъ перечисленныхъ нами статей законовъ видно, что „признаки господствующаго положенія“ Православной Церкви опредѣлены *точнымъ образомъ* въ законѣ, что „основные законы“ не только *въ своихъ* статьяхъ регламентировали проявленія первенства и господства Церкви въ Россіи, но и укрѣпили силу *другихъ* статей, разсѣянныхъ въ разныхъ законодательныхъ источникахъ, которыя съ надлежащею подробностью раскрываютъ смыслъ, особенно ст. 64-й „Основ. Зак.“, свидѣтельствуя, *въ чемъ* проявляются обязанности Государя по отношенію къ Церкви, какъ „верховнаго *защитника* и *хранителя* догматовъ господствующей вѣры, и *блюстителя* правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія“.

Не соглашаясь съ заявленіемъ, что якобы „признаки господствующаго положенія Православной Церкви“ не опредѣлены точнымъ образомъ въ законѣ, мы не можемъ согласиться и съ другимъ заявленіемъ, что якобы изъ Основныхъ Законовъ не слѣдуетъ, чтобы за Православною Церковью обязательно и полностью были сохранены всѣ предоставленныя ей „дѣйствующими законами преимущества“.

Во-1-хъ, коль скоро извѣстное „преимущество“ является осуществленіемъ въ жизни государства ст. 64-й „Основ. Зак.“ и „примѣчанія къ ст. 68-й, а равно и статей 66-й и 67-й, то-есть, — коль скоро мы имѣемъ дѣло съ *дѣйствительнымъ* проявленіемъ „преимущества“ Церкви, то оно „обязательно и полностью“, въ силу Основныхъ Законовъ, должно быть сохранено.

Во-2-хъ, самая расцѣнка преимуществъ, предоставленныхъ Православной Церкви дѣйствующими законами, принадлежитъ не Совѣту Министровъ, а, въ силу 65 ст. „Основныхъ Законовъ“, только Государю Императору, дѣйствующему въ этомъ отношеніи исключительно „*посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода*“ *).

*) Подъ „управленіемъ церковнымъ“, о которомъ говорится въ 65 ст. „Осн. Зак.“, наши законы разумѣютъ внѣшнее положеніе Церкви въ государствѣ, ея бытъ и ученіе. Все это ясно вытекаетъ изъ разсмотрѣнія „Устава дух. дѣлъ иностр. испов.“, который говоритъ объ „управленіи“ и разумѣетъ подъ нимъ вышеизложенное (см., наприм., „Введеніе и ст. 252, 253, 256, 269, и мног. друг.). То же доказывается и содержаніемъ ст. 62, 63, 64-й Осн. Зак.

Вотъ почему министерство безъ законныхъ основаній произвело дѣленіе „преимуществъ“ Православной Церкви на разряды, по степени кажущагося ему значенія ихъ для Церкви, вошло въ сужденіе объ этихъ преимуществахъ, тѣмъ болѣе, въ сужденіе безъ всякаго соглашенія съ высшею церковною властью!..**)

Итакъ, заложенный министерствомъ фундаментъ для обоснованія учиненнаго имъ ограниченія привилегій Церкви не только противорѣчитъ разсудочнымъ соображеніямъ и исконнымъ отношеніямъ между Православною Церковью и русскимъ государствомъ, но и стоитъ въ неустранимомъ противорѣчіи особенно съ Основными Законами!..

Обратимся теперь къ тѣмъ ограниченіямъ правъ господства и первенства Православной Церкви, которыя произведены министерствомъ въ разсматриваемомъ нами основномъ его законопроектѣ по дѣламъ вѣры.

Прежде всего, министерство говоритъ о преимуществахъ „характера внѣшняго“. Къ нимъ оно относитъ такія, которыя-де „*не являются какимъ бы то ни было нарушеніемъ интересовъ и другихъ вероисповѣданій*“, а потому и сохраненіе каковыхъ въ силѣ „не можетъ-де быть признано противорѣчащимъ принципамъ свободы совѣсти“. Поэтому, по мнѣнію Министерства, „неизмѣнно подлежатъ сохраненію и на будущее время преимущества, главнымъ образомъ, придающія Православной Церкви значеніе господствующей: принадлежность къ ней Государя Императора, а также Наслѣдника Престола, Императрицы и Супруги Наслѣдника (ст. 63 и 185 Осн. Зак.)“; затѣмъ преимущества, поименованныя въ ст. 72-й Уст. Пред. Пр., ст. 98-й Угол. Улож., пп. 2 и 3-й ст. 93-й

**) Съ цѣлью болѣе успѣшнаго упраздненія преимуществъ православной Церкви, министерство выдѣлило изъ нихъ: во-1-хъ, преимущества, которыя-де „не являются прямымъ слѣдствіемъ господствующаго положенія Церкви“ и, во-2-хъ, которыя-де „направлены собственно не столько къ упроченію первенствующаго ея значенія, сколько къ ограниченію правъ другихъ вѣроисповѣданій!..“ Не указавъ никакихъ основаній къ такому выдѣленію, министерство тѣмъ самымъ открыло широкій произволъ въ перечисленіи въ тотъ или иной разрядъ преимуществъ Православной Церкви, закрѣпленныхъ дѣйствующими законами!..

Угол. Улож.; еще признаніе за церковными праздниками Православной Церкви значенія гражданскихъ праздниковъ; освященное стародавнимъ обычаемъ первенствующее положеніе Православной Церкви во время торжественныхъ церемоній, сопровождающихся совершеніемъ богослуженія, и, наконецъ, освобожденіе переписки объ учрежденіи православныхъ монастырей, общинъ и миссій отъ гербоваго сбора (п. 3-й ст. 77 Уст. Герб.).

Конечно, всѣ перечисленныя преимущества должны быть полностью сохранены. Но при этомъ должно замѣтить, что, напримѣръ, вспомоществованіе губернскаго начальства Православной Церкви во время проповѣданія ею своего ученія „иновѣрнымъ“ и охраненіе православныхъ проповѣдниковъ (ст. 72-я Уст. Пред. Прес.) останется и впредь *дѣйствительнымъ* преимуществомъ Православной Церкви только при непремѣнномъ условіи сохраненія за одною Православной Церковью права проповѣди ею своего ученія всѣмъ непринадлежащимъ къ ней подданнымъ Россійской Имперіи. Иначе, если означеннымъ правомъ могутъ пользоваться и другія исповѣданія, то губернское начальство, безъ сомнѣнія, по соображеніямъ государственнаго и общественнаго спокойствія, вынуждено будетъ распространить дѣйствіе ст. 72-й Уст. Пред. Пресѣч. Прест. и на другія исповѣданія. Это тѣмъ болѣе понятно, что ст. 72-я Уст. Пред. Пр., какъ видно изъ неразрывной связи ея съ другими статьями того же Устава, можетъ быть примѣняема къ одной Православной Церкви только въ томъ случаѣ, когда останутся въ полной силѣ статьи 70-я и 77-я Устава. За упраздненіемъ же или измѣненіемъ существеннаго смысла послѣднихъ статей и 72-я теряетъ значеніе преимуществъ Православной Церкви, что мы уже и видимъ на практикѣ, когда сектантскіе проповѣдники, съ разрѣшенія губернской администраціи и Министерства Внутрен. Дѣлъ, выступаютъ теперь повсюду въ публичныхъ мѣстахъ съ проповѣдью своего ученія. Губернское начальство, даже при явной незаконности подобныхъ выступленій, оказываетъ сектантскимъ проповѣдникамъ содѣйствіе, предусмотрѣнное ст. 72-й Уст. Пред. Прест., потому только, что упомянутыя публичныя выступленія являются админи-

стративно-разрѣшенными. Чего же ожидать, когда эти выступленія будутъ санкціонированы закономъ?!.

Далѣе. Признаніе за церковными праздниками Православной Церкви значенія гражданскихъ праздниковъ можетъ быть *дѣйствительнымъ преимуществомъ* Церкви только въ томъ случаѣ, когда означенные праздники не являются *общехристіанскими*, а празднуемыми исключительно Православною Церковью. При этомъ необходимо, чтобы гражданская власть въ дѣлѣ выясненія смысла и значенія праздниковъ руководилась ученіемъ Православной Церкви и постановленіями высшей церковной власти, а не собственными соображеніями въ духѣ, напримѣръ, закона 10 мая 1904 г.!.

Освященное же стародавнимъ обычаемъ первенствующее положеніе Православной Церкви во время торжественныхъ церемоній, сопровождающихся совершеніемъ богослуженія, также можетъ явиться *замѣтнымъ* преимуществомъ Церкви только въ томъ случаѣ, когда „стародавній обычай“ распространится и на *сохраненіе* самыхъ „торжественныхъ церемоній“, къ чему за послѣдніе годы государство стало относиться отрицательно. Достаточно вспомнить реформу въ чествованіи „царскихъ и торжественныхъ дней!.“.

Освобожденіе переписки объ учрежденіи православныхъ монастырей, общинъ и миссій отъ гербоваго сбора врядъ ли можетъ быть отнесено къ признакамъ, *главнымъ образомъ*, придающимъ Православной Церкви значеніе господствующей!.. Это такая ничтожная привилегія, что о ней, обычно, упоминаютъ только въ томъ случаѣ, когда желаютъ *чѣмъ бы то ни было* подчеркнуть преимущество Церкви; усиливать же значеніе подобныхъ привилегій равносильно стремленію ослабить значеніе, *дѣйствительно*, главныхъ преимуществъ Церкви, чтобы тѣмъ самымъ безпрепятственнѣй стереть ихъ!..

Съ особеннымъ вниманіемъ мы останавливаемся на заявленіи Министерства, что „неизмѣнно подлежатъ сохраненію и на будущее время“ статьи 63-я и 185-я Основ. Законовъ, потому что онѣ „не являются какимъ бы то ни было нарушеніемъ интересовъ другихъ вѣроисповѣданій“ и „не противорѣчатъ принципамъ свободы совѣсти“!.. Для

насъ здѣсь является, прежде всего, не правомѣрнымъ самый фактъ защиты означенныхъ статей Основн. Законовъ и затѣмъ внесеніе этой защиты на судъ Думской трибуны! Основные Законы не подлежатъ ни защитѣ ни даже обсужденію Министерства, *безъ особаго на то соизволенія Государя*. Самый починъ обсужденія Основныхъ Законовъ съ тою или иною цѣлью также принадлежитъ только Государю Императору. Да притомъ, если бы Государь и пожелалъ возбудить вопросъ о пересмотрѣ „Основн. Законовъ“ по дѣламъ вѣры, то, безъ сомнѣнія, на основаніи ст. 65 Основн. Закон. о правомѣрности русской Монархіи, это дѣло пошло бы не въ Государственную Думу!.. Но, предлагая Думѣ войти въ незаконное обсужденіе мотивовъ сохраненія ст. 63-й и 185-й Основ. Законовъ, Министерство, сверхъ того, жестоко погрѣшило и противъ смысла существованія означенныхъ статей Основн. Законовъ. Эти статьи существуютъ отнюдь не потому, что онѣ „*не*“ противорѣчатъ принципамъ свободы совѣсти и не потому, что онѣ „не являются какимъ бы то ни было нарушеніемъ интересовъ другихъ вѣроисповѣданій“!.. Если бы съ приведенной точки зрѣнія разсматривать вопросъ о сохраненіи ст. 63-й и 185-й Осн. Зак., то ихъ упраздненіе явилось бы прямо необходимымъ. Кто же не знаетъ, что принципъ „свободы совѣсти“ никоимъ образомъ не можетъ мириться съ принужденіемъ кого бы то ни было исповѣдывать опредѣленную вѣру?!. Кто не знаетъ, что запрещеніе кому бы то ни было исповѣдывать, напримѣръ, католичество, или протестантство является нарушеніемъ интересовъ этихъ исповѣданій?!. А если принять во вниманіе, о Комъ говорятъ вышеозначенныя статьи, то станетъ слишкомъ понятнымъ интересъ каждаго исповѣданія въ обладаніи этимъ Лицомъ! Нѣтъ, не по мотивамъ, чуждымъ конфессіональнаго оттѣнка, занесены и хранятся въ Основн. Законахъ статьи 63-я и 185-я. Въ нихъ сказывается верховенство въ Государствѣ души и идеала строителя Русской Земли православнаго русскаго народа. На это верховенство русскій народъ ни отъ кого не получалъ „привилегій“; онъ самъ его создалъ подъ сѣнью Православной Церкви и вмѣстѣ съ нею владѣетъ этимъ верховенствомъ по принадлежащему ему и Церкви *праву*. Всякое посяга-

тельство на это право явится насиліемъ надъ душою русскаго народа и вызоветъ со стороны послѣдняго еще большій протестъ, чѣмъ какимъ онъ отвѣтилъ врагамъ своего физическаго верховенства въ Государствѣ въ формѣ *Самодержавной* и *Неограниченной* власти Русскаго Царя. Въ Православіи Государя русскій народъ всегда видѣлъ верховенство своей души въ Русскомъ Государствѣ, а въ Самодержавіи—верховенство тѣла или своей физической мощи. Вотъ гдѣ скрывается причина „неизмѣннаго сохраненія“ статей 63-й и 185-й Основныхъ Законовъ, а не въ требованіяхъ пресловутой „свободы совѣсти“, самое упоминаніе о которой совершенно чуждо текста нашихъ законовъ.

Перейдемъ теперь къ привилегіямъ Православной Церкви *въ отношеніи пропаганды устной и письменной*. Извѣстно, что, по дѣйствующимъ законамъ, право проповѣди своего вѣроученія, съ цѣлью склоненія въ него лицъ другихъ вѣръ и исповѣданій, принадлежитъ только Православной Церкви. Правда, уже до разсматриваемыхъ нами министерскихъ законопроектовъ наше государство, какъ мы сказали, почти совсѣмъ уничтожило уголовную наказуемость пропаганды нехристіанами и инославными христіанами своего вѣроученія, признавъ уголовно преступной только пропаганду съ цѣлью совращенія православныхъ и то не всякую пропаганду, а исключительно *публичную*. Но все же въ соотвѣтствующихъ уставахъ въ полной силѣ и доселѣ остается привилегія Православной Церкви на исключительное пользованіе правомъ проповѣди и всякое посягательство на эту привилегію должно и теперь караться мѣрами административными.

И вотъ Министерство въ своемъ законопроектѣ уничтожаетъ исключительное право Православной Церкви на проповѣдь ею своего вѣроученія всѣмъ иномыслящимъ. Къ этому оно подготовляло почву уже на первыхъ страницахъ законопроекта, когда, напримѣръ, освобожденіе переписки объ учрежденіи православныхъ монастырей отъ гербоваго сбора причислило къ преимуществамъ, главнымъ образомъ, придающимъ Православной Церкви значеніе господствующей, а о правѣ Церкви на проповѣдь не упо-

мянуло въ перечнѣ главныхъ преимуществъ Церкви. Во имя „свободы совѣсти“ и на основаніи ряда самопротиворѣчивыхъ сужденій Министерство предлагаетъ „*предоставить право проповѣди всѣмъ признаннымъ въ Имперіи вѣроисповѣданіямъ, а въ томъ числѣ и старообрядчеству и отпавшимъ отъ православія сектамъ*, отмѣнивъ дѣйствіе статей 4, 256, 779, 1102 и 1110 Уст. Ин. Исп. и 45, 70 и 77 Уст. Пред. Прест.“ *).

Лишивъ Православную Церковь ея главнаго преимущества и предоставивъ право проповѣди всѣмъ признаннымъ въ Имперіи вѣроисповѣданіямъ, Министерство тѣмъ самымъ не только быстро перешло на путь такъ-называемаго „общаго христіанства“, но не сдѣлало различія даже вообще между христіанствомъ. То и другое для него явились равноцѣнными, что тоже безразличными по своей религіозной основѣ. Здѣсь правительственный внѣконфессіонализмъ обрисовался полностью. Упоминаніе Министерства о сохраненіи ст. 90-й „Уг. Ул.“ нисколько не мѣняетъ дѣла, такъ какъ эта статья является ничтожнымъ осколкомъ разрушеннаго министерствомъ фундамента; притомъ и самое сохраненіе 90-й ст. Уг. Ул. должно быть признано сомнительнымъ, въ виду заявленія въ законопроектѣ за № 1476-мъ, что „вѣроисповѣднымъ обществамъ

*) Министерство указываетъ на то, что „каждое религіозное общество имѣетъ вполнѣ естественную тенденцію распространенія и расширенія“ и что ограниченіе этой тенденціи или ея совершенное воспрещеніе является существеннымъ умаленіемъ свободы совѣсти. Но тогда почему Министерство совершенно воспрещаетъ проявленіе „естественной тенденціи къ распространенію и расширенію“ у хлыстовъ и скопцовъ?!. Ясно, что рѣшать подобные вопросы съ точки зрѣнія потребностей „естества“ каждаго религіознаго общества отнюдь нельзя!.. На такой почвѣ можно слишкомъ далеко зайти!.. Часто „естественное проявленіе религіознаго чувства“ извѣстной секты является въ то же время насиліемъ надъ „естественнымъ проявленіемъ религіознаго чувства“ лицъ, принадлежащихъ къ другимъ сектамъ. Да притомъ и самое понятіе „естественный“ является крайне неопредѣленнымъ. Оцѣнивать же достоинство извѣстныхъ религіозныхъ „тенденцій“ соотвѣтствіемъ ихъ „естеству“ лицъ, проводящихъ въ жизнь эти тенденціи, крайне рискованно, потому что самое „естество“ является грѣховнымъ. Отсюда происходятъ изувѣрства и развратъ сектъ, какъ „естественныя проявленія религіознаго чувства“ такихъ сектантовъ!..

предоставляется право *безпрепятственнаго* распространенія своего ученія"!..

Останавливаясь далѣе на тѣсно связанномъ съ религіозною пропагандою вопросѣ о религіозномъ совращеніи, Министерство довершаетъ совершенное изгнаніе конфессіи изъ этой сферы нашего законодательства. Весьма важными въ данномъ случаѣ являются тѣ мотивы, на которыхъ Министерство обосновало изгнаніе религіознаго совращенія изъ числа самостоятельныхъ преступленій. „Въ государствѣ, не признающемъ теократическаго начала (?!) и допускающемъ хотя нѣкоторую степень вѣротерпимости (?!), заявляетъ Министерство, всякая мѣра, направленная противъ совратителей въ дѣлахъ религіи, не прибѣгавшихъ къ преступнымъ средствамъ для совращенія, является непослѣдовательною и логически несостоятельною". Такое утвержденіе Министерства, однако, справедливо только относительно государства, „не признающаго теократическаго начала", т.-е. чуждаго какой-либо конфессіи или связи съ какою-либо Церковью. Но вѣдь Министерство не разъ заявляло, что оно якобы противъ отдѣленія государства отъ Церкви! Тогда къ чему оно въ вопросѣ о религіозномъ совращеніи обосновалось на принципахъ внѣконфессіональнаго государства, допускающаго хотя нѣкоторую степень вѣротерпимости, то въ такомъ государствѣ всегда преступность религіозныхъ совращеній оцѣнивалась не только съ точки зрѣнія средствъ совращенія, но, что особенно важно, и съ точки зрѣнія чисто-конфессіональной, т.-е. съ точки зрѣнія качества самаго совращенія, — въ какую вѣру, исповѣданіе или секту произошло совращеніе: въ признанную, терпимую или недозволенную. Въ зависимости отъ этого стоитъ въ такомъ государствѣ и степень наказанія или взысканія за религіозныя совращенія. Если отвергнуть наказуемость религіознаго совращенія, независимо отъ средствъ совращенія, которыя могутъ быть признаны преступными и съ общей точки зрѣнія, а не религіозной только, то прежде необходимо отвергнуть то различіе достоинства вѣръ и сектъ, которымъ обусловленъ въ государственномъ законодательствѣ самый фактъ религіознаго совращенія. Лишь когда государство усвоитъ систему полнаго безразличія

къ вѣрѣ, т.-е. станетъ безрелигіознымъ, чего на дѣлѣ никогда и нигдѣ не было и не можетъ быть, тогда для него не будетъ существовать и факта религіознаго совращенія. А пока государство держится извѣстной религіи, пока оно покоится только на началахъ „вѣротерпимости“, оно должно считаться и съ фактомъ религіозныхъ совращеній и оцѣнивать его съ точки зрѣнія пользы, вреда или безразличія для содержимой имъ религіи, или религіи господствующей, привилегированной, а также и съ точки зрѣнія на другія, существующія въ государствѣ религіи и секты, которыя могутъ быть признанными, терпимыми и запретными.

Не можемъ мы согласиться и съ слѣдующимъ соображеніемъ Министерства, на которомъ оно обосновало свое отношеніе къ вопросу о религіозномъ совращеніи. „Логически послѣдовательнымъ представляется, по мнѣнію Министерства, или совершенное воспрещеніе въ государствѣ всѣхъ непринадлежащихъ къ господствующей церкви вѣроисповѣданій, или непреслѣдованіе совратителей, поскольку они не пользовались при совращеніи средствами, самими по себѣ преступными“. Къ сожалѣнію, никакой „логической послѣдовательности“ въ приведенномъ соображеніи мы не видимъ! Если бы мы стали искать на земномъ шарѣ такое государство, которое признало бы приведенную Министерствомъ дилемму для себя дѣйствительно существующей, то мы обрекли бы себя на безплодную работу Данаидъ. Какъ съ научной точки зрѣнія, такъ равно и съ точки зрѣнія практической вѣроисповѣдной политики всѣхъ государствъ, *исповѣданіе* вѣры никогда не отожествляется съ *совращеніемъ* въ нее другихъ. Исповѣданіе вѣры существуетъ вполнѣ самостоятельно и есть *личное* общеніе человѣка съ Богомъ, въ то время какъ совращеніе есть актъ, направленный на другихъ лицъ. Отсюда возможна свобода исповѣданія вѣры на ряду съ воспрещеніемъ религіозной пропаганды и совращеній. Напримѣръ, у насъ магометане и евреи пользуются свободой исповѣданія своей вѣры, но не совращенія въ нее иномыслящихъ, что было бы невозможно при тожествѣ понятій: „исповѣданіе вѣры“ и „совращеніе въ вѣру“. Даже въ классической странѣ пресловутой „свободы со-

вѣсти" — въ Сѣв. Америкѣ на ряду съ свободой вѣроисповѣданія стоятъ и мѣры запрета совращеній въ секты, религіозное ученіе которыхъ несовмѣстимо съ моралью государства, хотя бы совращеніе, напримѣръ, въ мормонство произошло и путемъ убѣжденій. Да и само Министерство не находитъ же возможнымъ допустить совращеніе въ хлыстовство или скопчество, признавая наказуемой самую принадлежность къ этимъ сектамъ?!.

Въ дальнѣйшей мотивировкѣ своего отношенія къ совращеніямъ Министерство является также вполнѣ несостоятельнымъ. Такъ, оно исходитъ изъ той мысли, что на совращеніе нельзя смотрѣть, какъ на особый видъ подстрекательства къ отступленію отъ вѣры, потому что самое отступленіе отъ вѣры нынѣ не является воспрещеннымъ дѣяніемъ. Но кто же смотритъ на совращеніе какъ на подстрекательство къ отступленію отъ вѣры?!. Наше законодательство да и здравый смыслъ смотрятъ на совращеніе, какъ на заключительный актъ проповѣди кѣмъ-либо своего ученія другому, съ нимъ до того разномыслящему. Вотъ почему и дѣйствующее уголовное уложеніе признаетъ совращеніе *цѣлью* проповѣди. Такъ смотрѣло нѣсколько выше въ томъ же законопроектѣ и само Министерство, когда говорило о 90 ст. Угол. Улож.!.. Но если проповѣдь съ цѣлью совращенія уголовно наказуется, то какъ же оставить безнаказаннымъ достиженіе цѣли, т.-е. состоявшееся совращеніе?!. Чувствуя полную несостоятельность своего взгляда на совращеніе, Министерство сочло долгомъ дать удивительное по своей нелогичности объясненіе того некрасиваго положенія, въ какое оно поставило себя признаніемъ ст. 90-й Угол. Улож. и въ то же время отмѣною наказуемости религіозныхъ совращеній. По ст. 90-й Угол. Улож., говоритъ Министерство, наказуется лишь публичная проповѣдь съ цѣлью совращенія православныхъ. Отсюда и совращеніе можетъ быть наказуемо, какъ слѣдствіе только публичной проповѣди. Но и въ этомъ случаѣ оно будетъ наказываться по той же 90-й ст., какъ и самая публичная проповѣдь съ цѣлью совращенія. Словомъ, для наказанія совращенія не требуется особой статьи, и наказуемость собственно за совращеніе не должна имѣть мѣста въ уголовномъ кодексѣ. Но, оче-

видно, Министерство упустило изъ виду, что этимъ попиралось самое главное въ законѣ — чувство мѣры и справедливости въ опредѣленіи степени наказанія, такъ какъ стремленіе къ преступной цѣли и самое достиженіе цѣли наказуются одинаково, болѣе того, такъ какъ, собственно говоря, покушеніе на совращеніе наказуется, а самое совращеніе остается безнаказаннымъ!.. Отсюда недалеко до потери уваженія къ законамъ!..

Стоитъ ли такою цѣною насаждать въ Россіи и притомъ еще пресловутое благо „свободы совѣсти“?!. Но еще болѣе насъ удивляетъ полное отсутствіе даже тѣни логической послѣдовательности, когда мы въ томъ же законопроектѣ черезъ нѣсколько строкъ читаемъ о сохраненіи ст. 84-й и 85-й Уг. Ул., предусматривающихъ совращеніе въ изувѣрныя ученія, при чемъ Министерство уже говоритъ о „естественныхъ границахъ“ для права религіозной пропаганды, опредѣляемыхъ соображеніями *общегосударственнаго свойства*?!.

И вотъ, на основаніи произвольныхъ и самопротиворѣчивыхъ соображеній, несогласныхъ ни съ наукою ни съ жизнью государствъ, Министерство предлагаетъ Думѣ „совершенно исключить совращеніе изъ числа самостоятельныхъ преступленій“! Послѣдствіемъ этого является исключеніе изъ Уголовнаго Уложенія говорящихъ о религіозныхъ совращеніяхъ статей 82—83; 86—87. Въ совращеніи усматривается уже лишь особый видъ посягательства на личную свободу, составляющаго само по себѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, запрещенное закономъ дѣяніе.

Уничтоживъ въ уголовномъ кодексѣ преступность совращеній, Министерство предлагаетъ отмѣнить и тѣ статьи, которыя хотя и съ большими натяжками могутъ быть истолкованы въ смыслѣ совращеній. Здѣсь оно также не останавливается предъ тѣмъ соображеніемъ, что извѣстныя статьи говорятъ исключительно о привилегіяхъ Православной Церкви. Такъ, оно отмѣняетъ ст. 95 Уг. Ул., которая караетъ виновнаго въ воспрепятствованіи, посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы, принять Православную вѣру желающему къ ней присоединиться. На ряду съ отмѣною уголовной наказуемости совращеній, Министерство отмѣняетъ и постановленія зако-

на, направленныя къ предупрежденію совращенія, какъ-то: ст. 298, 299, 725 п.п. 6 и 8 Общ. Учр. Губ., 295 ст. Уст. Ин. Исп. и 78—81 ст. Уст. пред. прест. При чемъ должно замѣтить, что, напримѣръ, въ ст. 298-й Общ. Учр. Губ. отмѣняется и первая часть статьи, говорящая, что „губернаторы обязаны, во всякомъ случаѣ и всею предоставленною имъ властью, содѣйствовать Православному духовному начальству въ охраненіи правъ Церкви и незыблемости самой вѣры". Эта часть признана „архаической", хотя она въ сущности является осуществленіемъ губернаторами въ предѣлахъ губерніи правъ и обязанностей Государя по отношенію къ Церкви, о которыхъ говорятъ „Основные Законы"!.. Къ нашему удивленію полностью отмѣненъ и п. 8-й ст. 725 Общ. Учр. Губ., говорящій, между прочимъ, объ обязанности полиціи принимать мѣры къ тому, чтобы отпадшіе отъ православія не дозволяли себѣ дерзости противъ Церкви или духовенства!..

Такъ Министерство, ставъ на путь западно-европейскаго „новаго государства" съ его „свободою совѣсти", въ своемъ основномъ законопроектѣ объ отношеніи государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ, съ достаточною полнотою осуществило цѣли и стремленія внѣконфессіональнаго государства. Оно въ большей мѣрѣ выбросило изъ нашего законодательства вѣроисповѣдный элементъ. Прежде всего, конечно, и, главнымъ образомъ, министерскій вѣроисповѣдный либерализмъ осуществился за счетъ правъ и преимуществъ первенствующей въ Государствѣ Православной Церкви. Уничтоживъ главныя преимущества Церкви, — исключительно ей принадлежащее право проповѣди своего вѣроученія всѣмъ иномыслящимъ въ предѣлахъ Имперіи и наказуемость совращеній изъ православія,—а равно, отмѣнивъ всѣ постановленія закона, прямо или косвенно связанныя съ правами Православной Церкви на проповѣдь (ст. 4, 256, 779, 1102, 1110 Уст. Ин. Исп. съ наказуемостью вообще религіозныхъ совращеній (ст. 82, 83, 86, 87, 95 Уг. Ул.) и съ предупрежденіемъ совращеній (ст. 298, 299, 725 пп. 6 и 8-й Общ. Губ. Учр.; 295 ст. Уст. Ин. Исп.; 78, 81 Уст. Пред. Прес.), Министерство не только перешло на *общехристіанскую* почву, не сдѣлавъ различія между православіемъ, съ

одной стороны, и инославными исповѣданіями и сектами съ другой, но и обосновалось на *общерелигіозномъ началѣ*, когда предоставило право проповѣди или безпрепятственнаго распространенія своего ученія всѣмъ признаннымъ въ Имперіи вѣроисповѣданіямъ, въ томъ числѣ и отщепенцамъ отъ Православной Церкви, не сдѣлавъ различія между христіанствомъ и нехристіанскими ученіями, и уничтожило наказуемость всякаго совращенія, будетъ ли то совращеніе въ христіанское ученіе или въ нехристіанство. Общерелигіозное начало, какъ основной принципъ Министерскаго законопроекта, ярко сказалось и въ измѣненіи Министерствомъ текста ст. 76 и 77-ой Уг. Улож. относительно посягательствъ на нехристіанскія вѣроисповѣданія. Эти статьи редактированы Министерствомъ въ строгомъ соотвѣствіи ихъ съ текстомъ статей 74 и 75-й относительно посягательствъ на христіанскія исповѣданія. Различіе осталось уже не въ составѣ преступленій противъ христіанства и нехристіанства, а только въ степени наказаній за одни и тѣ же преступленія, въ измѣненной же Министерствомъ редакціи 81 ст. Уг. Улож. уже полностью уравнено нехристіанство съ христіанствомъ, такъ какъ Министерство признало несправедливымъ, что въ предусмотрѣнномъ 81 ст. отношеніи „христіанамъ предоставлены нѣсколько большія гарантіи по сравненію съ лицами нехристіанскихъ исповѣданій"!.. Словомъ, Министерство признало несправедливымъ, что свободное исполненіе христіанами своихъ религіозныхъ обязанностей защищено закономъ больше, чѣмъ то же относительно нехристіанъ, и что празднованіе воскреснаго дня ограждено закономъ больше, чѣмъ еврейской субботы!..

Перейдя на общерелигіозное основаніе, Министерство, конечно, оставило въ силѣ тѣ постановленія закона, которыя карають различныя посягательства вообще на религію. Объявить теперь же государственный внѣконфессіонализмъ или атеизмъ и выбросить изъ нашего законодательства весь вѣроисповѣдный элементъ Министерство не рѣшилось. Но пройденный имъ путь отъ православнаго христіанства къ общему христіанству и отъ общего христіанства къ общерелигіозному началу, на которомъ Министерство усиленно обосновалось, ведетъ въ концѣ-кон-

цовъ къ государственному религіозному „индиферентизму“ или атеизму, какъ то мы и видимъ на Западѣ, въ царствѣ излюбленной Министерствомъ „свободы совѣсти“. Самое уничтоженіе многихъ постановленій закона по дѣламъ вѣры, какъ слѣдствіе перехода государства на общерелигіозное основаніе, облегчаетъ для государства возможность и полнаго упраздненія въ законодательствѣ вѣроисповѣднаго элемента, когда преступленія противъ вѣры теряютъ конфессіональный характеръ и трактуются въ общемъ законодательствѣ. Такъ же поступило наше Министерство съ цѣлою серіею религіозныхъ преступленій, прямо или косвенно говорящихъ о совращеніи. Въ вопросѣ о религіозныхъ совращеніяхъ Министерство стало внѣ всякой конфессіи, усвоивъ и проявивъ безразличное отношеніе къ религіи атеистическаго государства.

Если мы примемъ во вниманіе, что Дума, подобно западнымъ парламентамъ, всегда будетъ стоять лѣвѣе назначеннаго Монархомъ правительства, если вспомнимъ, что первая Дума уже высказалась, было, за государственный атеизмъ въ своемъ законопроектѣ о свободѣ совѣсти (ст. 3-я), если, наконецъ, взглянемъ на доминирующую роль въ дѣйствующей Думѣ такъ-называемыхъ октябристовъ, и на польско-еврейско-могометанскій составъ думской вѣроисповѣдной комиссіи, то придемъ къ неоспоримому заключенію, что для атеизма у насъ уже настала думско-министерская весна!..

Такова новая вѣроисповѣдная система нашего государства. Наиболѣе ярко она сказалась въ разобранномъ нами основномъ законопроектѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Печать этой системы носятъ и остальные законопроекты Министерства по дѣламъ вѣры, о которыхъ мы на этотъ разъ не будемъ говорить, вслѣдствіе ихъ меньшей важности для возбужденнаго нами вопроса.

Въ разсмотрѣнномъ же нами основномъ законопроектѣ, во-1-хъ, попраны законы элементарной логики; во-2-хъ, нарушены основные законы о первенствующей и господствующей въ Имперіи Православной Церкви, когда господство и первенство послѣдней сведены почти къ нулю; въ-3-хъ, поколеблены основныя права и обязанности Государя Императора по отношенію къ Православной Церкви

(Осн. Зак. ст. 64-я), когда сведена до нуля реализація въ жизни Государства верховныхъ правъ и обязанностей Государя быть защитникомъ и хранителемъ догматовъ господствующей вѣры и блюстителемъ правовѣрія и всякаго въ Церкви Святой благочинія. Чрезъ это неизмѣримо умалено значеніе для Церкви и Государства и 63-й ст. Осн. Зак. объ обязательномъ исповѣдываніи Государемъ православной вѣры, такъ какъ Русскій Императоръ исповѣдываетъ православіе, главнымъ образомъ, какъ носитель души и идеаловъ русскаго народа, а не какъ обычное физическое лицо. Отсюда вытекаютъ и поименованныя въ 64-й ст. Осн. Зак. Его права и обязанности по отношенію къ Православной Церкви— этой души русскаго народа, создавшаго великую и святую Русь. Далѣе, тотъ же законопроектъ отвергъ и основное право Государя дѣйствовать въ управленіи Церковнымъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода (65 ст. Осн. Зак.), когда самъ переложилъ фундаментъ отношеній Русскаго Государства къ Православной Церкви, переоцѣнилъ созданную и закрѣпленную вѣками вѣроисповѣдную систему нашего Государства, а затѣмъ свои заключенія внесъ на усмотрѣніе Государственной Думы!.. Наконецъ, законопроектъ уничтожилъ указанные и закрѣпленные основными законами предѣлы государственной вѣротерпимости и правила охраненія ея (ст. 66-я, 67-я и примѣч. 68-й Осн. Зак.) и сталъ въ необъяснимое противорѣчіе съ Высочайше утвержденнымъ 17 апрѣля 1905 г. яснымъ мнѣніемъ Комитета Министровъ *о неизмѣнномъ* сохраненіи за Православною Церковью исключительно ей принадлежащаго права на свободное привлеченіе послѣдователей!..*)

*) Замѣчательное явленіе наблюдаемъ мы въ прославленномъ нынѣ у насъ „правовомъ“ государствѣ. Обычно, самою характерною чертою „правового государства“ считаютъ неуклонное соблюденіе въ немъ *дѣйствующихъ* законовъ, впредь до измѣненія или даже отмѣны ихъ въ установленномъ законами порядкѣ. Между тѣмъ на дѣлѣ происходитъ иное. Преобладаніе силы надъ правомъ выступаетъ въ поразительной мѣрѣ, и чувство законности какъ бы атрофируется. Такъ, напримѣръ: внесенный въ Думу и разсмотрѣнный нами законопроектъ, предлагающій отмѣну самыхъ главныхъ преимуществъ Православной Церкви, поименованныхъ въ ст. 4, 256, 779, 1102, 1110

Обосновавшись на чуждомъ нашимъ Основнымъ Закономъ началѣ „свободы совѣсти“, законопроектъ ведетъ неуклонно,—сознательно или безсознательно, это другой вопросъ,—нашъ государственный корабль къ роковой развязкѣ, когда, обуреваемый разбушевавшимися стихіями, онъ теряетъ руль, становится игралищемъ морскихъ страстей и выбрасывается разбитымъ на берегъ для топлива прибрежныхъ рыбаковъ. Православная вѣра искони была спасительнымъ рулемъ для нашего государственнаго корабля. Когда государство терпѣло кораблекрушеніе въ вѣрѣ,—трещалъ и весь корпусъ, все строеніе государственнаго корабля. И мы съ ужасомъ смотримъ, какъ руками корабельныхъ слугъ рубится руль корабля, какъ Русское Государство—этотъ грандіозный корабль отдѣляется отъ Православной Церкви—своего спасительнаго руля! Немного еще останется послѣ одобренія Думою Министерскихъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ до полнаго отдѣленія у насъ Государства отъ Церкви. А вмѣстѣ съ этимъ порвется и та цѣпь, которая связуетъ русскій народъ и носителей государственной власти въ Россіи въ одно тѣло и въ одну душу. И звенья этой цѣпи явятся мощнымъ тараномъ противъ Русскаго Государственнаго корабля. Печальнымъ и ненадежнымъ станетъ положеніе государственной власти, потому что всѣ ея распоряженія и дѣйствія по предметамъ вѣры совѣсть народная вмѣнитъ въ ложь и причтетъ къ безвѣрію. Канетъ въ Лету прошлое, потускнѣетъ настоящее, и невозможнымъ станетъ великое будущее Русскаго Народа!..

И. Айвазовъ.

Уст. Ин. Исп. и въ ст. 45, 70, 77, Уст. Пред. Прест.,—еще не проведенъ въ установленномъ Законами порядкѣ и не утвержденъ Волею Государя, а между тѣмъ въ жизни государства онъ уже осуществляется министерствомъ, когда послѣднее разрѣшило публичную пропаганду неправославныхъ ученій, чѣмъ отмѣнило дѣйствіе вышеозначенныхъ статей!.. Далѣе, Высочайше утвержденныя „временныя правила объ обществахъ и союзахъ“ и такія же „правила о собраніяхъ“, отъ 4 Марта. 1906 г., ясно говорятъ, что *„дѣйствіе настоящаго узаконенія не распространяется на союзы и общества, преслѣдующіе религіозныя цѣли“ и „на религіозныя либо молитвенныя собранія“*, а между тѣмъ министерство, на основаніи этихъ „временныхъ правилъ“, утверждаетъ 16 Мая 1908 г. „Уставъ Русскаго Евангельскаго Союза“ и разрѣшаетъ публичныя религіозныя собранія?!. Sapienti sat!..

Церковь.

I.

Силы обновленія жизни.

Христіанство не напрасно именуется *новымъ завѣтомъ* (2 Кор. III, 16), *новою* заповѣдью (Іоанн. XIII, 34), путемъ *новымъ* и живымъ (Евр. X, 19); не напрасно оно называетъ каждаго своего послѣдователя *новою* тварью (2 Кор. V, 17 ср. Галат. 1, 15,) *новымъ* человѣкомъ (Еф. II, 15, IV, 24 ср. Колос. III, 10), не напрасно требуетъ отъ насъ не только единичнаго, но постояннаго, непрерывнаго, повседневнаго обновленія (Римл. VI, 4; 2 Кор. IV, 16; 1 Петр. II, 9; 1 Кор. V, 7), и въ немъ полагаетъ задачу нашей нравственной дѣятельности на землѣ дотолѣ, пока, въ завершеніе жизни міра, мы не увидимъ новаго неба и новой земли (2 Петр. III, 13), новаго города—скиніи Бога съ человѣками (Апок. XXI, 1—4), и пока не услышимъ вѣчнаго слова Бога, полагающаго конецъ видимому порядку вещей: *се творю все новое* (Апок. XXI, 5)... Итакъ, если всегда ко времени и всегда полезно и необходимо размышлять намъ о нашемъ непрерывномъ обновленіи, то Новолѣтіе жизни по преимуществу обращаетъ нашу мысль къ этому предмету.

Христіанство увѣнчало собою пять съ половиною тысячъ лѣтъ пламенныхъ ожиданій возрожденія и обновленія; о немъ, какъ о новомъ завѣтѣ, лучшемъ и совершеннѣйшемъ, какъ о величайшей радости и грядущей замѣнѣ ветхаго завѣта, говорили древніе пророки еврейскому народу (Іерем. XXXI, 31—34); о немъ, какъ о новомъ порядкѣ вещей, мечтали философы и поэты древняго языческаго міра, который былъ объятъ процессомъ нравственнаго разложенія и стоялъ на краю гибели (Сократъ, Платонъ, Виргилій, Тацитъ, Сенека); о немъ же го-

ворили и древнія языческія религіи, научившія народы Востока и Запада ожидать пришествія новаго Учителя, новаго Царя міра и Искупителя, имѣющаго сообщить людямъ волю небесъ, избавить отъ грѣховъ и дать основы новой, блаженной жизни. Но причины, вызвавшія грѣхъ и заблужденіе въ древнемъ мірѣ и заставлявшія человѣчество ждать обновленной жизни, не умерли въ злой и грѣховной волѣ человѣка, и въ исторіи христіанскаго міра время отъ времени мы замѣчаемъ періоды упадка духа, отчаянія, сомнѣнія и слабости, періоды, когда нравственныя начала какъ бы теряютъ силу въ жизни человѣчества, и лучшіе его представители начинаютъ съ тоскою озираться вокругъ, ища средствъ вдохнуть въ людей упавшую бодрость, поднять принизившееся нравственное состояніе общества.

Едва ли мы ошибемся, если назовемъ и наше время ищущимъ этого обновленія: оно стоитъ предъ многими вопросами, предъ многими язвами, требующими разрѣшенія и врачеванія. Не въ наше ли время учащенные случаи самоубійства показываютъ общее недовольство жизнью и даже какое-то притупившееся чувство жизни? Не наше ли время характеризуется особымъ разливомъ преступленій, иногда дикихъ и совершенно необъяснимыхъ, паденіемъ основъ жизни семейной, общественной, государственной? Не въ наше ли время раздалась эта проповѣдь философіи смерти—это апатичное отношеніе къ дѣятельности, это ученіе о „недѣланіи“, о непротивленіи злу“, отрицающее и бракъ, и общество, и государство, и науку, и искусство, и свидѣтельствующее тѣмъ самымъ о глубокомъ отчаяніи, къ которому пришелъ современный человѣкъ? И, вмѣстѣ съ тѣмъ, не въ наше ли время наблюдаются эти отчаянные поиски за смысломъ жизни, свидѣтельствующіе о томъ, что старыя позитивныя и матеріалистическія воззрѣнія, и основанныя на нихъ и вѣра въ силу и спасительность „правового строя“, и соціалистическія попытки заново передѣлать жизнь людей въ ея глубочайшихъ основахъ, и прошумѣвшее увлеченіе реформами и „обновленнымъ строемъ“,—все это принесло только тяжелыя разочарованія и не дало человѣку ни радости, ни покоя? Кто хочетъ убѣдиться въ этомъ, пусть

вспомнитъ облетѣвшія весь міръ и повторенныя во всѣхъ литературахъ воззрѣнія на науку Карпентера, Брюнетьера или нашего Толстого, пусть прислушается къ откровеннымъ признаніямъ государственныхъ людей Европы и Америки, къ пессимистическимъ выводамъ современной философской мысли, къ невольнымъ вздохамъ руководителей соціализма. Всего нѣсколько лѣтъ назадъ соціалъ-демократическая „Народная Газета“, предъ праздникомъ Рождества Христова, завидуя вѣрѣ вѣрующихъ, ихъ радости и полнотѣ жизни, съ рѣдкою добросовѣстностью сдѣлала характерное признаніе: „Нѣтъ загробной жизни, нѣтъ воскресенія, нѣтъ никакой сверхъестественной божественной силы... Какой же смыслъ жить и мучиться“?!

Но, можетъ-быть, скажутъ, что это люди крайностей. Пусть такъ; но вотъ авторитеты, неспоримые въ наукѣ: Бунге, Дю-буа-Реймонъ, фонъ-Беръ, Вирховъ, Др. Вольфъ, Гельмгольцъ и Пастеръ.... Одинъ изъ нихъ, Дю-буа-Реймонъ, выразительно сравниваетъ современнаго человѣка, гордаго научными пріобрѣтеніями, съ жалкимъ нищимъ, стоящимъ предъ неизмѣримымъ полемъ мірозданія со своею котомкою знаній; этотъ нищій о многомъ долженъ сказать ignoramus, а о многомъ — ignorabimus... Литтре, извѣстнѣйшій позитивистъ, наперсникъ и преемникъ Канта, несмотря на все свое преклоненіе предъ силою знанія, говоритъ: „Безпредѣльность тѣсно связана съ нашимъ знаніемъ, и, однакоже, недоступна для знанія. Это океанъ, волны котораго вѣчно бьютъ о наши берега, но пуститься въ который мы не можемъ, такъ какъ у насъ нѣтъ для этого ни лодки ни паруса“...

Между тѣмъ и донынѣ, въ поискахъ за средствами исцѣленія общепризнанной язвы, фанатики вѣры во всеисцѣляющую силу научнаго знанія и основанныхъ на немъ государственно-общественныхъ реформъ обращаютъ взоры человѣчества туда, гдѣ оно не разъ уже потерпѣло крушеніе. Не христіанство, конечно, и не нашу православную Церковь винить въ отрицательномъ отношеніи и къ наукѣ и къ улучшеніямъ общественной жизни. — „Вопреки этому ложному воззрѣнію, мы,—говоритъ извѣстный ученый, датскій богословъ Мартенсенъ,—должны съ особеннымъ удареніемъ заявить, что культура, искусства и науки сами

по себѣ не составляютъ зла, а напротивъ составляютъ неизбѣжное условіе полнаго и совершеннаго бытія человѣка; даже нужно сказать, что культура, образованіе есть одно изъ условій для полнаго развитія нравственности и религіозности, которыя при варварскомъ, некультурномъ состояніи могутъ развиваться только весьма несовершенно, почему христіанство въ странахъ, гдѣ не существовало культуры, всегда само насаждало начатки ея“[1]). Вѣдь не вопреки, а благодаря христіанству, христіанская Европа — въ то же время и цивилизованная Европа.

Что касается, въ частности, православной нашей Церкви, то даже такой изслѣдователь, какъ Дрэперъ, котораго меньше всего можно заподозрить въ пристрастномъ преувеличеніи заслугъ христіанства или православія, въ своемъ извѣстномъ трудѣ объ отношеніяхъ между религіей (собственно католицизмомъ) и наукой, отдаетъ полную дань уваженія и благодарности восточной православной Церкви, и ея образъ дѣйствій въ этой области признаетъ выше похвалъ. Но, при всемъ уваженіи къ культурѣ и образованію, нельзя ожидать и требовать отъ нихъ того, чего они дать не въ состояніи; нельзя думать, что люди и міръ могутъ сдѣлаться лучшими только и исключительно чрезъ знаніе и прогрессивную культуру. Есть культура—и культура; если подъ нею не лежитъ здоровой духовной основы, если знаніе наклоняетъ человѣка только къ жизненнымъ удобствамъ, а не ведетъ его къ истинѣ, Верховной Истинѣ—Богу, то это еще мало говоритъ о человѣческой, въ истинномъ смыслѣ слова, сторонѣ жизни; здѣсь, примѣняясь къ выраженіямъ Священнаго Писанія, человѣкъ душевный, а не духовный, здѣсь только усовершенствованная жизнь животнаго. Прекрасно говоритъ древній пророкъ о такомъ знаніи: „мудрость твоя и знанія твои—они сбили тебя съ пути, и ты говорилъ въ сердцѣ своемъ: я и никто, кромѣ меня“ (Ис. XLVII, 10).

Но если знаніе обращено и къ вопросамъ нравственнымъ, и тогда еще не въ немъ одномъ спасеніе. Какъ наивно и горячо вѣрили и вѣрятъ, что простое знаніе добра есть

---

[1]) Мартенс. I, 48.

надлежащее и вѣрное средство сдѣлаться добродѣтельнымъ, что борьба—неизбѣжный спутникъ нашъ въ нравственномъ восхожденіи, есть только борьба противъ заблужденій и предразсудковъ! Знаніе, можетъ-быть, спасетъ отъ глупости, хотя и здѣсь на всякаго мудреца довольно простоты, но не можетъ оно спасти отъ безнравственности. Кто изъ насъ не испытывалъ моментовъ искушенія ко злу, когда страсть пользуется правомъ сильнаго, когда грѣхъ манитъ обѣщаніемъ наслажденія и счастія, обѣщаетъ уплатить наличною монетою—непосредственнымъ и немедленнымъ удовлетвореніемъ нашего ли гнѣва, гордости или чувственности, и мы, тысячи разъ обманутые, снова и снова легкомысленно вѣрили обѣщанію? Неужели здѣсь были моменты только невѣдѣнія? Нѣтъ, здѣсь было при знаніи какое-то безсиліе — та грѣховность, о которой учитъ насъ Священное писаніе, возводя насъ ко временамъ перваго грѣхопаденія и къ глубокомысленному міровому ученію о грѣхѣ первородномъ, то зло, „неистребимо живущее въ насъ“, о которомъ говорили древніе философы отъ Гераклита до Сократа и Платона, и которое новый философъ Кантъ такъ выразительно называетъ зломъ радикальнымъ. По мнѣнію Канта, въ своемъ умозрѣніи проникшаго необыкновенно глубоко, стоявшаго у вратъ христіанства и совпадающаго въ этомъ пунктѣ съ классическимъ мѣстомъ VII главы посланія апостола Павла къ Римлянамъ, это зло радикальное, „требуетъ не частичнаго улучшенія или преобразованія, а цѣлостнаго переворота въ насъ, который можно сравнить только съ новымъ твореніемъ“. Здѣсь и припоминаются слова апостола Павла, что христіанинъ — „новая тварь“ (2 Кор. V. 17, Гал. VI, 15). Такимъ образомъ, въ виду этой грѣховности, и при совершенномъ знаніи человѣкъ часто „не въ силахъ бороться въ исполинской битвѣ долга“, потому что одно знаніе не можетъ сдѣлать слабыя силы крѣпкими, нездоровыя— здоровыми. Стоитъ прочитать знаменитую „Исповѣдь“ блаженнаго Августина, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ. По словамъ апостола Павла, „законъ святъ, и заповѣдь свята, и праведна, и блага, а я плотянъ, преданъ грѣху. Ибо не понимаю, что дѣлаю: потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю.

Если же дѣлаю то, что не хочу, то соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ. А потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо знаю, что не живетъ во мнѣ, т.-е. въ плоти моей доброе; потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Итакъ, я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежитъ мнѣ злое. Ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“ (Римл. VII, 12, 14—18, 21—24).

И вотъ, тяжкій житейскій опытъ развѣ не свидѣтельствуетъ, что, находясь въ средѣ образованныхъ людей, дѣятели, которымъ ввѣрена судьба обществъ и государствъ, не находятъ себѣ надежныхъ въ смыслѣ нравственномъ сотрудниковъ, и развѣ не раздаются ихъ горькія жалобы: „нѣтъ людей“?.. И развѣ рѣдко люди пользуются изощренностью своего ума и обширными свѣдѣніями для совершенія и сокрытія преступленія? Всегда ли многоученость ведетъ за собою съ необходимостью честность и любовь? „Даже въ самыхъ интеллигентныхъ средахъ нерѣдко обнаруживаются со всей, отталкивающей насъ, силою крайнее своекорыстіе, грубая заносчивость, безпокойная зависть, черная неблагодарность, даже открытое издѣвательство надъ правами и заслугою ближняго, адская мстительность, интригантство, способность къ самой гнусной лжи и клеветѣ изъ-за эгоистическихъ цѣлей и тому подобные отвратительные пороки. Обращаясь къ народной средѣ, подвергающейся вліянію научнаго знанія, не близорукіе и честные люди не могли же не замѣчать аналогичныхъ указаннымъ явленій. Крайнее себялюбіе, безсердечное отношеніе къ ближнему, страсть къ неразборчивой на средства наживѣ, половая распущенность, пренебрежительное отношеніе къ родителямъ и вообще старшимъ, склонность къ обману и плутовству, способность къ вопіющимъ злодѣяніямъ и вообще нравственная уродливость нерѣдко отмѣчаютъ собою преимущественно тѣхъ лицъ изъ народа, которыя получили сравнительно выдающуюся умственную дресси-

ровку и нахватались тѣхъ или другихъ знаній“[1]). Посмотримъ на древній міръ въ лучшихъ его представителяхъ, въ мыслителяхъ, честно говорившихъ и мыслившихъ, и услышимъ то же разочарованіе въ силѣ знанія. Какимъ востогомъ звучитъ рѣчь Цицерона о философіи: „О, философія, руководительница жизни и открывательница добродѣтели и гонительница пороковъ! Мы находимъ убѣжище въ тебѣ, отъ тебя мы ожидаемъ помощи. Мы предаемся тебѣ всѣмъ нашимъ сердцемъ, всецѣло! Къ чьей помощи скорѣе обратиться мнѣ, какъ не къ твоей“?! Послушаемъ, однако, тѣхъ, кого считаютъ образцами этой философской праведности. Маркъ Аврелій въ своемъ сочиненіи „Къ самому себѣ“ говоритъ: „О, душа моя! можешь ли ты когда-либо сдѣлаться настолько доброй, правдивой, неизмѣнной, чтобы хватило у тебя смѣлости показаться нагою (т.-е. безъ притворства и маски)“?. „Ты скоро умрешь“, говоритъ онъ дальше себѣ самому, „и доселѣ ты не сдѣлался ни праведнымъ ни свободнымъ отъ безпокойствъ и опасенія, чтобы тебѣ не повредило то, что стоитъ внѣ тебя“. Этотъ разладъ между тѣмъ, что есть и что должно быть, у другого извѣстнаго стоика, Эпиктета, вызываетъ горькую жалобу: „Ахъ, покажите мнѣ стоика! Клянусь богами, я жажду видѣть его! Но вѣдь совершенно внѣ вашей власти показать мнѣ человѣка, который бы дѣйствительно былъ отчеканенъ (т.-е. законченъ). Покажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, человѣка, который лежитъ въ плавильнѣ, чтобы быть вылитымъ и отчеканеннымъ. Окажите мнѣ хотя эту милость. Не откажите же въ этомъ благорасположеніи къ старцу—показать мнѣ зрѣлище, котораго я еще не видѣлъ доселѣ“[2]). Впрочемъ, довольно здѣсь сказать одно: вѣдь Сенека, а не иной кто, мудрый и благородный Сенека воспиталъ Нерона... Къ этому стоитъ присоединить слова Гёте, этого оптимиста, „счастливца и избранника судьбы“, какъ его называли, этого поэта гармоніи. „Стоитъ,—говоритъ онъ,—вдуматься въ угнетенное состояніе, въ бѣдственность нашего времени, и иному часто можетъ представиться, насколько міръ мало-по-малу подготовляется

---

[1]) Проф. Гусевъ. „Религіозность, какъ опора нравственности“.
[2]) Мартенс. II, 31, 37.

къ страшному суду. И зло это все болѣе накопляется отъ поколѣнія къ поколѣнію. Мало того, что мы должны страдать за грѣхи нашихъ отцовъ, мы и сами передаемъ эти унаслѣдованныя прегрѣшенія потомкамъ, подкрѣпляя ихъ своими собственными. Человѣчество, конечно, становится умнѣе и проницательнѣе, но отнюдь не лучше, не счастливѣе и не дѣятельнѣе, или, если и становится таковымъ, то только на время. Я предвижу наступленіе времени, когда Богъ болѣе уже не будетъ имѣть никакой радости отъ человѣческаго рода, и все твореніе разобьетъ въ прахъ, чтобы всецѣло возобновить его". Таковы выводы и заключенія тѣхъ, кого идолопоклонники знанія, во всякомъ случаѣ, не могутъ признать ни невѣждами ни гонителями просвѣщенія. Все это показываетъ, что кромѣ знанія, которое, несомнѣнно, необходимо, несомнѣнно же требуется и другая сила, чрезъ которую знаніе могло бы становиться дѣятельнымъ.

Эту силу и думаютъ найти въ государственно-общественныхъ преобразованіяхъ; думаютъ, что они, взятыя сами по себѣ, независимо отъ другой какой-либо силы, независимо, между прочимъ, и отъ какой бы то ни было религіи, способны дать вѣрную основу внутренняго благоденствія царствъ и народовъ. Еще и доселѣ глубоко вѣрятъ въ то, что въ смѣнѣ однѣхъ реформъ на другія, болѣе жизненныя и плодотворныя, въ широкомъ развитіи и правильной постановкѣ законодательства и устройства общественной жизни можно почерпнуть силу обновленія и возрожденія и спасенія человѣчества. Мы знаемъ въ прошломъ много энтузіастовъ этой вѣры. Свѣтлыя картины рисовались воображенію такихъ вѣрующихъ: улучшаются законы, предусматриваются взаимныя отношенія; подъ вліяніемъ законовъ и реформъ воспитываются люди; хорошее законодательство, въ концѣ-концовъ, поставитъ человѣка въ невозможность быть худымъ и порочнымъ, въ невозможность совершить преступленіе.... Соціологія дастъ для этого помощь; изучена будетъ психологія массъ и управленіе людьми; урегулированіе ихъ жизни станетъ просто механическимъ, оттого легкимъ и въ то же время вѣрнымъ и достигающимъ цѣли. Какъ химикъ, зная сродство веществъ и ихъ взаимное вліяніе другъ на друга, можетъ достигнуть путемъ соединенія

ихъ того или другого желаемаго результата, такъ правитель народовъ, блюститель законовъ, а лучше сказать— само человѣчество будетъ безошибочно управлять своею внутреннею жизнью по тѣмъ или другимъ найденнымъ и подмѣченнымъ законамъ.... Преступленій не станетъ, взаимныя отношенія урегулируются, жизнь человѣчества потечетъ ровно и спокойно... Правда, при ближайшемъ разсмотрѣніи предполагаемыхъ мѣръ, въ воззрѣніяхъ на характеръ и сущность нужныхъ преобразованій расходились и расходятся до полной противоположности: одни мечтаютъ объ усиленіи власти, другіе о широкой общественной иниціативѣ, считая власть только стѣсненіемъ личности и свободы; иные всѣ упованія возлагаютъ и всѣхъ благъ ждутъ отъ введенія такъ-называемаго „правового“ порядка, или общенія имуществъ, господства или ниспроверженія „капитализма“; находятся и такіе, которые словомъ и дѣломъ хотѣли бы насильственно и вообще во что бы ни стало уничтожить теперешній строй жизни какъ зло, и на мѣсто его создать другой, а то и никакого—анархію; при этомъ и анархія одна въ воззрѣніяхъ западно-европейскихъ, до убійства „такъ себѣ“ никому не мѣшавшей и жившей благотворительностью престарѣлой Императрицы, другая — въ воззрѣніяхъ русской толстовщины и т. п. Тѣмъ не менѣе, при всемъ этомъ разнообразіи стремленій и предполагаемыхъ мѣръ, остается вѣра въ то, что стоитъ только дать тотъ или другой желанный строй жизни человѣчеству, и оно исцѣлѣетъ отъ своихъ язвъ и заживетъ счастливою жизнью.

Такъ говорили и говорятъ восторженные теоретики и мечтатели, но совершенно обратному учатъ жизнь и исторія всякаго, имѣющаго глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать.

Увы, лѣтописи міра громко проповѣдуютъ ту истину, что въ то время, какъ всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, въ томъ числѣ законодательство и правленіе, достигли высшаго развитія, въ то же время и зло, живущее въ природѣ человѣка, развивалось со свойственною ему силою и обнаруживалось разложеніемъ нравовъ, потрясая и сокрушая самыя внутреннія основанія общественнаго благоденствія и счастья, все, что было созидаемо въ те-

ченіе вѣковъ напряженною дѣятельностью цѣлаго ряда поколѣній. Положеніе Сократа: „знаніе есть добродѣтель“, какъ извѣстно, Аристотель дополнилъ тѣмъ, что въ силѣ знанія считалъ нужнымъ прибавить и силу привычки, которая удерживала бы въ людяхъ какъ бы накопившееся добро. Вслѣдъ за этимъ мнѣніемъ древности то же повторяли многочисленные голоса и новаго времени. Опытъ, однако, показываетъ иное. Дѣйствительно, подъ вліяніемъ долговременнаго воздѣйствія законовъ и общественнаго строя силою привычки и внѣдреннаго обычая удерживалось добро; но тою же силою привычки удерживалось и зло, также дѣлаясь „второю природою“ и обращая въ органы служенія себѣ и умъ и волю человѣка. Оттого и случалось не разъ, что эпохи высшаго и научнаго и государственнаго развитія народовъ совпадали съ эпохою высшаго развращенія ихъ нравовъ и часто служили началомъ ихъ гибели и паденія. А вѣдь, повидимому, должно было случиться какъ разъ наоборотъ... Между тѣмъ, вотъ факты. Царство Соломона, блиставшее славою, мудростью и богатствомъ, вслѣдствіе нравственнаго разложенія, привело народъ къ раздѣленію, потомъ къ гибели. Вавилонъ, этотъ млатъ всея земли, по выраженію пророка (Іерем. L, 22), погибъ въ грубой чувственности и порокахъ непосредственно послѣ всемірнаго могущества. Та же судьба постигла въ свое время и Египетъ и Ассирію. Древняя Персія, достигши мірового господства, измѣнила вошедшей въ свое время въ пословицу чистотѣ своихъ нравовъ, и пала. Спарта, Аѳины и древне-греческія республики послѣ расцвѣта силъ стали клониться къ упадку,— а у нихъ ли не испробованы были всѣ способы управленія? Между тѣмъ, извѣстенъ жалкій конецъ развратившейся и продажной Спарты, нѣкогда неподкупной, славной своими нравами, извѣстно свидѣтельство ученаго грека Полибія о томъ, что въ его время не было среди его соотечественниковъ человѣка, которому бы при всѣхъ клятвахъ и распискахъ можно было повѣрить хоть два обола... Царствованіе Александра Македонскаго, это совмѣщеніе всего блистательнаго, могущественнаго, ученаго, было, вмѣстѣ съ тѣмъ, совмѣщеніемъ всего безумно-роскошнаго, сладострастнаго, грубо-деспотическаго и едва пережило

себя. Блистательный вѣкъ Людовика XIV, вѣкъ всего изящнаго, утонченнаго, вѣкъ расцвѣта поэзіи и философіи, какъ извѣстно, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ самаго глубокаго и сильнаго развращенія, заражавшаго всю Европу, и предварилъ ужасы революціи [1]). Древній Римъ, безъ сомнѣнія, по словамъ своего національнаго поэта, отличался особымъ умѣньемъ „править народами“ (Виргилій); Римъ служилъ и доселѣ служитъ образцомъ законодательства, онъ и самъ пережилъ самые разнообразные виды управленія. Однако, тяжело смотрѣть на картину его нравовъ, которую рисуютъ не Горацій, Ювеналъ или Персій, способные, быть-можетъ, сгущать краски въ своихъ сатирахъ, а трезвый Сенека: „все полно разврата и преступленія, ежедневно теряется стыдъ, порокъ не скрывается болѣе, а явно выступаетъ предъ глазами всѣхъ. Развратъ сдѣлался до того открытымъ и такъ исполнилъ сердца всѣхъ, что невинность не только рѣдка, но ея совсѣмъ нѣтъ“. Брутъ, послѣдній римскій характеръ, съ восклицаніемъ: „добродѣтель, я думалъ, что ты значишь что-нибудь, но теперь вижу, что ты одна тѣнь“, бросился на свой мечъ и убилъ себя. Тацитъ говоритъ, наконецъ, что въ Римѣ „добродѣтель стала порокомъ“. По словамъ Марка Аврелія, „вѣрность и честность, справедливость и истина отлетѣли на небо“. Эти женщины, считавшія мужей по консуламъ; эти знатныя матроны, во избѣжаніе наказанія, налагаемаго за прелюбодѣяніе, записывавшіяся въ официальные списки падшихъ женщинъ, которымъ развратъ былъ позволенъ; эти времена, при которыхъ возможны были Тиверіи, Калигулы, Клавдіи, Агриппины, Мессалины, Нероны, „изобрѣтатели преступленій“— все это составляетъ яркую иллюстрацію къ огненно-обличительнымъ словамъ апостола Павла, рисующаго картину древняго міра въ посланіи къ Римлянамъ. И все это было при славномъ законодательствѣ... Тяжело, значитъ, жилось, когда философы восклицаютъ: „лучшее счастье — никогда не родиться“; когда Плиній говоритъ: „прекраснѣйшій исходъ изъ жизни — лишить себя жизни“; когда Сенека, первый министръ, славный именемъ, обладатель

[1]) Пятницкій, „Нравств. богословіе“ стр. 37.

состоянія въ 16 милліоновъ рублей на наши деньги, поучаетъ: „цѣль всякой философіи — научить презирать жизнь". „Видишь ли ты,—говоритъ онъ,—тѣ крутыя высоты? Оттуда внизъ—дорога къ свободѣ... Видишь ли ты то море, ту рѣку, тотъ колодезь? Тамъ, въ ихъ глубинѣ, живетъ свобода. Видишь ли ты то низкое сухое дерево? Тамъ на немъ виситъ свобода. Видишь ли ты свое горло, свое сердце? Это мѣсто для кинжала, мѣсто спасенія противъ рабства". У Плутарха читаемъ: „Приди, смерть, приди, смерть, вѣрный врагъ нашихъ золъ; ты—пристань всѣхъ людей отъ бури страданій". Оттуда, изъ Рима, перенеситесь въ современность: говорить ли о подкупахъ, подлогахъ, измѣнахъ, шпіонствѣ, о страшной путаницѣ нравственныхъ понятій, о полной невозможности, за множествомъ лжи и взаимныхъ извѣтовъ, узнать праваго и виноватаго, что̀ мы нынѣ видимъ въ Европѣ и у себя дома при всѣхъ „правовыхъ" порядкахъ, при всемъ господствѣ „великихъ идей", „великихъ реформъ" и т. д. Такъ, при самомъ лучшемъ, гуманнѣйшемъ и справедливѣйшемъ законодательствѣ всегда найдутся люди, которые, пользуясь этимъ же законодательствомъ, дѣлаютъ его средствомъ нечистой наживы, оправданія преступленія въ судахъ, и чрезъ это — орудіемъ народнаго развращенія. Это, кажется, такъ понятно и такъ бросается въ глаза, что излишне называть и явленія жизни и учрежденія законодательныя... Всякій, кто хоть сколько-нибудь слѣдилъ за жизнью, знаетъ, что такія слова, какъ: законъ, любовь, милость, правда, свобода, братство, гуманность, великодушіе и т. п.,— все, за что человѣчество полагало душу, нерѣдко обращается въ прикрытіе зла, опошляется въ устахъ людей и не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ красиваго слова и весьма некрасиваго намѣренія...

Нѣтъ, никакое законодательство внѣшнее, если оно не опирается на законодательство внутреннее, нравственное, если оно не освящено высшимъ Божественнымъ авторитетомъ, никогда не приведетъ человѣка къ счастью, не упорядочитъ его жизни, не дастъ ему вѣры въ будущее торжество добра надъ зломъ,— а безъ этой вѣры жизнь человѣка и жалка и безсмысленна... Есть отношенія, есть стороны жизни, гдѣ внѣшнее законодательство безсильно.

Поступки человѣка—плодъ его мысли, его сердечнаго настроенія и направленія: праведность, къ которой мы стремимся, не есть только праведность дѣйствія, но и чувства, которое является душою всего внѣшняго разнообразія дѣйствій. Нужно получить доступъ въ эту сокровенную внутреннюю область, чтобы изъ нея, какъ изъ исходнаго пункта, управлять внѣшними дѣяніями. Но эта область закрыта для внѣшняго закона. Юридически нельзя упорядочить отношеній мужа и жены, отцовъ и дѣтей, братьевъ и сестеръ, старшихъ и младшихъ въ семьѣ и въ жизни; внѣшнимъ закономъ нельзя внушить любви, уваженія и повиновенія по совѣсти, а не по страху; подъ статью закона нельзя подвести нечистой мысли, грязнаго желанія, завистливаго намѣренія, зложелательства и корня зла — себялюбія. Внѣшнему закону всегда суждено будетъ имѣть дѣло только съ внѣшними же обнаруженіями дѣятельности человѣка. Только нравственно-религіозное Божественное законодательство имѣетъ полноту власти войти въ духъ, въ сердце, оно властно сказать повелительное: „не помысли“, „не пожелай“; оно уполномочено потребовать: „сынъ мой,—дай мнѣ твое сердце и всякимъ храненіемъ храни свое сердце, ибо въ немъ исходище жизни“... Только оно, вмѣсто того, чтобы сразу пересозидать общество и человѣчество, пересозидаетъ сначала каждое отдѣльное сердце каждаго отдѣльнаго человѣка, и тѣмъ безошибочно можетъ улучшить и общество. Это законодательство, дѣйствительно, можетъ уничтожить не одни листья дурныхъ растеній, но самый ихъ корень: и это потому, что въ своей созидательной дѣятельности оно пользуется не одними только человѣческими, ненадежными средствами.

Человѣкъ внутренно поврежденъ грѣхомъ, этимъ „радикальнымъ зломъ“, какъ называетъ его философія; такимъ образомъ, причина зла лежитъ глубоко въ самомъ человѣкѣ, и причина не внѣшняя, не случайная и преходящая, а глубочайшая внутренняя, заключающаяся въ ненормальномъ состояніи самой нашей природы. Зло дѣйствуетъ уже въ ребенкѣ... Очевидно, самъ человѣкъ избавить себя отъ такого зла не можетъ, потому что и въ наукѣ и въ законодательствѣ не уйдетъ онъ отъ себя, не

уйдетъ отъ грѣховности, своего постояннаго спутника. Нужна сила Божественная, чрезвычайная, нужно возрожденіе грѣховнаго духа и омовеніе его въ очистительныхъ водахъ благодати,—а все это даетъ и даетъ христіанство. Въ естественномъ своемъ состояніи и въ отдѣльности отъ религіи христіанской человѣчество никогда не достигнетъ прочнаго и твердаго нравственнаго улучшенія, сколько бы ни напрягало къ тому естественныхъ силъ ума и искусства; таковъ выводъ всей исторіи древняго міра, голосъ всего дохристіанскаго человѣчества. „Нужно, говорилъ Сократъ, ожидать того, кто,—Богъ ли онъ, или одушевленный Богомъ человѣкъ,—научитъ насъ религіознымъ обязанностямъ, взаимнымъ добрымъ отношеніямъ и прогонитъ мракъ отъ очей нашихъ“. По словамъ Платона, „не быть на землѣ порядку, развѣ придетъ Богъ подъ образомъ человѣка, и разъяснитъ намъ наши отношенія къ Нему и наши взаимныя обязанности“ [1]). Даже индѣйцы вѣровали, что въ концѣ грѣховнаго вѣка Богъ явится на землѣ во плоти, растерзаетъ великаго змія, врага людей, устроитъ великое царство, истребитъ все зло на землѣ и возстановитъ то счастливое время, которое было на землѣ, когда люди еще не согрѣшали [2]). Въ Римѣ поэтъ Виргилій воспѣвалъ имѣющаго родиться Младенца: „Онъ будетъ жить жизнью безсмертныхъ, Онъ будетъ вселенною править; миръ вѣчный устроитъ Божественный Отрокъ“. „Подъ твоимъ покровомъ, обращается къ Нему поэтъ, изгладится всякій слѣдъ нашего преступленія, и земля освободится отъ вѣчныхъ тревогъ“[3]). Такъ общечеловѣческое сознаніе говорило, что своими собственными силами люди не могутъ сдѣлаться чистыми сердцемъ. Человѣчество ждало искупленія. Для достиженія нравственнаго совершенства намъ нужно стоять на совершенно независимой отъ врожденной грѣховности почвѣ, внѣ нашего естественнаго я. Архимедъ сказалъ: „дайте мнѣ опорный пунктъ внѣ земли, и я поверну всю землю“. Вотъ этого-то опорнаго пункта, этого рычага для того, чтобы повернуть, измѣнить, возродить себя, человѣкъ, поврежденный глу-

[1]) Шикопъ. Апологет. бесѣды. 46.
[2]) Геттингеръ. Аполог. Христова. 1, 236.
[3]) Рождественскій. Апологетика. II, 374.

боко и внутренно грѣхомъ, не находитъ въ себѣ, но находитъ его въ чистой и могучей религіи Христа, искупившаго людей и даровавшаго имъ чрезъ вѣру силы высшія, благодатныя,—всѣ потребныя Божественныя силы, яже къ животу и благочестію (2 Петр. 1, 3). По словамъ поэта,

„Божество вы въ вашу воспримите волю,
И оно сойдетъ къ вамъ съ мірового трона".

(*Шиллеръ.*)

И когда Оно было воспринято, совершилось то, чего не могъ сдѣлать древній міръ съ своею философіей и государственною жизнью: человѣчество процвѣло великимъ сонмомъ праведныхъ, преподобныхъ, самоотверженныхъ, чистыхъ и святыхъ... Воистину, *новая* сила сошла къ людямъ и во всѣхъ возрастахъ, полахъ, званіяхъ и состояніяхъ дѣла величайшихъ представителей и героевъ нравственности. Въ христіанствѣ почерпнуло силы обновленія и возрожденія древнее человѣчество: въ христіанствѣ же оно найдетъ ихъ и теперь; этихъ силъ не изжить, не исчерпать. Оно вѣдь и теперь то же, чѣмъ было при первомъ своемъ появленіи въ мірѣ: „Христосъ Іисусъ вчера и днесь, той же и во вѣки (Евр. XIII, 8); Я съ вами, сказалъ Христосъ, во всѣ дни до скончанія вѣка (Мѳ. XXVIII, 20)".

Не въ углу (Дѣян. XXVI, 26), не въ скрытомъ мѣстѣ совершилось спасеніе міра: его видѣли и испытали всѣ народы. Не на небѣ, не за моремъ это слово спасенія: оно „въ устахъ нашихъ, оно въ сердцѣ нашемъ, чтобы исполнить его" (Второз. XXX, 11—14). Даже древній язычникъ Софоклъ въ своей „Антигонѣ" говоритъ о какомъ-то „неписанномъ и неразрушимомъ" законѣ религіи и нравственности: „онъ ни отъ сегодня, онъ ни вчера, онъ живетъ во вѣки, и никто не знаетъ, откуда онъ". Выразительнѣе же всѣхъ объ этомъ сказалъ древній христіанскій учитель Тертулліанъ: „душа по природѣ христіанка" — и рано или поздно она къ нему обратится, какъ блудный сынъ къ отцу послѣ скитаній по распутіямъ міра. Блаженный Августинъ, опытно познавшій и грѣхъ, и благодать возрожденія, обращается къ Богу съ такою молитвою: „Ты сотворилъ насъ для Тебя Самого: посему и мятется

наше сердце, пока не обрѣтетъ Тебя". Святитель Василій Великій говоритъ, что любовь и стремленіе къ Богу такъ глубоко вкоренены въ насъ, что отказаться отъ нихъ даже при всемъ желаніи человѣчество не можетъ, ибо „вмѣстѣ съ устроеніемъ живого существа, разумѣю человѣка, вложено въ насъ прирожденное стремленіе, въ себѣ самомъ заключающее побужденіе къ общенію съ Богомъ".

И если современное образованное человѣчество желаетъ свой вѣкъ сдѣлать вѣкомъ врачеванія старыхъ ранъ и исправленія старыхъ ошибокъ, то залогомъ исправленія старыхъ немощей и залогомъ будущаго обновленія жизни оно должно избрать обращеніе къ Богу, ко Христу и къ Церкви. И снова повторится тогда великое чудо исцѣленія разслабленнаго... Ибо въ христіанствѣ и теперь тотъ же духъ, та же жизнь, что дарована ему на вѣчные вѣки. Своимъ небеснымъ свѣтомъ оно и наукѣ поможетъ въ ея изслѣдованіяхъ и предохранитъ ее отъ опрометчивыхъ выводовъ; своимъ духомъ оно согрѣетъ и воодушевитъ государственное и общественное законодательство и дастъ ему величайшее достоинство авторитетности и силу внутренней обязательности; своею жизнью оно обновитъ нашу жизнь земную, освѣтитъ и облаженствуетъ загробную. Слишкомъ ужъ много боролся новый Прометей противъ Божества, и слишкомъ много накопилось у него и горечи, и разочарованія: исцѣленіе будетъ въ самой болѣзни, которая надежнѣе всего научитъ смиренію, научитъ искать высшей помощи и принять ее не духомъ гордыни и отрицанія, свойственнымъ научному самомнѣнію или сектантскому христіанству, а духомъ любви и смиренія, свойственнымъ истинной Христовой Церкви. И только въ этой помощи, предлагаемой въ христіанствѣ, усталая мысль и истомленная жизнь человѣчества найдутъ возрожденіе; только при ней мы, по словамъ апостола „въ обновленіи жизни ходити начнемъ (Римл. VI, 4)", и среди несовершенствъ міра будемъ почерпать силы жизни и утѣшенія въ томъ отрадномъ вѣрованіи, что, по неложному обѣтованію христіанства, мы увидимъ въ грядущемъ новое небо и новую землю (2 Петр. III, 13), гдѣ будетъ жить вѣчная правда. Истина—въ Іисусѣ, говоритъ апостолъ (Ефес. IV, 2). Во Христѣ „сокрыты всѣ сокро-

вища премудрости и вѣдѣнія (Кол. II, 3)". Онъ и донынѣ стоитъ предъ міромъ и глаголетъ: „Я есмь путь и истина и жизнь (Іоан. XIV, 6)"; „Пріидите ко Мнѣ всѣ (Мѳ. XI, 28)".

Протоіерей *І. Восторговъ.*

II.

Противъ тѣхъ, которые утверждаютъ, будто Іисусъ Христосъ былъ революціонеромъ.

Какъ ни страннымъ представляется причисленіе Господа Іисуса къ числу революціонеровъ, но оно настойчиво повторяется людьми легкомысленными, не освѣдомленными съ Евангеліемъ; иногда же людьми, сознательно лгущими и вводящими въ обманъ другихъ. А потому благовременно, съ полнымъ безпристрастіемъ, разсмотрѣть это мнѣніе.

Разбирать его можно съ точки зрѣнія ученія Христова и съ точки зрѣнія жизни Его, ибо въ событіяхъ Его жизни воплотилось и Его ученіе. Сообразно этимъ двумъ точкамъ зрѣнія, можно доказать, что въ ученіи Іисуса Христа не было ничего революціоннаго и отсюда сдѣлать выводъ, что Онъ не былъ революціонеромъ; или разсмотрѣть жизнь Іисуса Христа и изъ нея сдѣлать положительный выводъ, что Онъ чуждъ подобнаго наименованія. Впрочемъ, ученіе Христа такъ явно указываетъ высшія побужденія для нашей нравственности въ жизни будущей и такъ ясно учитъ о безропотномъ перенесеніи въ настоящей жизни бѣдности, скорбей и всякихъ золъ, что затѣя находить въ Его ученіи побужденіе къ революціи до очевидности нелѣпа. Поэтому „христіанскіе соціалисты-революціонеры" говорятъ: „въ ученіи Христосъ, пожалуй, и не революціонеръ, но зато Самъ вездѣ былъ защитникомъ простого народа, и за это былъ распятъ". Одинъ довольно извѣстный публицистъ, бывшій священникъ Петровъ, пишетъ: „Христосъ былъ демократъ; черносотенцы учинили надъ нимъ полевой судъ, приговорили къ повѣшенію и повѣсили". Французскій писатель Ренанъ представлялъ жизнь и дѣятельность Іисуса Христа, какъ

постоянный протестъ противъ власти, а казнь Его, какъ наказаніе за этотъ протестъ. У насъ еще въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ эти мысли были распространены, какъ мы знаемъ, изъ Достоевскаго: мальчикъ Коля Красоткинъ, начитавшись Герценовскаго Колокола, былъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что Христосъ былъ революціонеръ и соціалистъ. Устремимъ же свое вниманіе на святое Евангеліе и посмотримъ, есть ли въ немъ какое-нибудь основаніе усматривать въ ученіи и жизни Іисуса Христа что-либо благопріятное соціализму и революціи.

Никогда и нигдѣ стремленіе къ свободѣ не было такъ сильно, какъ въ Еврейскомъ народѣ. Еще за 500 лѣтъ до Рождества Христова, когда этотъ народъ былъ порабощенъ Навуходоносоромъ, и тогда жажда политической свободы въ немъ была неутолимая и превосходила всякіе предѣлы. Побѣжденный народъ не оставлялъ своихъ свободолюбивыхъ замысловъ, хотя противъ нихъ шелъ самый почитаемый, или, говоря по современному, популярный пророкъ Іеремія. Напрасно пророкъ постоянно и со скорбію осуждалъ эти замыслы и убѣждалъ покориться Навуходоносору: его не слушали и въ негодованіи бросили его въ тинистый ровъ. Пророкъ убѣждалъ, что времена политической свободы для іудеевъ прошли навсегда; съ 26-й по 38-ю—всѣ главы книги этого пророка-народолюбца наполнены увѣщаніями, чтобы покоренный народъ не противился иноплеменному царю. Народъ не слушался, измѣнилъ покорителю, вошелъ въ тайныя сношенія съ египтянами для того, чтобы съ ихъ помощью свергнуть иго Навуходоносора. Тогда послѣдовало второе и третье разореніе страны и Іерусалима. Царь Седекія былъ отведенъ въ плѣнъ, его дѣти были заколоты на его глазахъ, и самъ онъ былъ ослѣпленъ; въ Іерусалимѣ же былъ оставленъ царскій намѣстникъ Навузарданъ. Но, несмотря на все это, эти придавленные люди возмутились: Годолію, еврея, намѣстника Навузардана, они убили, Іеремію насильно схватили и увели въ Египетъ, гдѣ и обрѣли себѣ могилу. Выпущенные изъ Вавилонскаго плѣна черезъ 70 лѣтъ, іудеи съ изумительнымъ геройствомъ защищали дарованную имъ свободу, строили стѣны вокругъ Іерусалима, не-

смотря на всевозможныя помѣхи этой постройкѣ со стороны самарянъ и другихъ враговъ. Впослѣдствіи, когда подпали подъ греческое иго Антіоха Епифана, они съ безумной отвагой рѣшились защищать свободу; не только рискуя, но и прямо жертвуя своей жизнью, дѣйствовали Маккавеи; терпя большой недостатокъ въ хлѣбѣ и воинахъ, сражаясь съ врагомъ въ сто разъ сильнѣйшимъ ихъ, они оказывались нерѣдко побѣдителями, благодаря своей неукротимой храбрости. Пришли другія времена: оскудѣлъ князь отъ Іуды, и Іудея была сдѣлана римскою провинціей. Но стремленіе къ свободѣ оставалось господствующимъ стремленіемъ въ народѣ, было господствующей его страстью. Всѣ пророчества о будущихъ блаженныхъ временахъ толковались въ такомъ смыслѣ, что евреи должны будутъ покорить всѣ другіе народы, и вездѣ водворить правду и судъ. Ученіе соціалистовъ, которое проповѣдуется главнымъ образомъ еврейской расой, является лишь повтореніемъ чаяній тогдашняго еврейства. Судите сами: въ такое время, когда революція и свобода стали религіей народа, могъ ли бы пострадать отъ этого народа такой учитель, который бы самъ требовалъ подобной свободы? Это было бы совершенно невозможно. Наоборотъ, онъ сталъ бы народнымъ героемъ въ гораздо большей степени, чѣмъ тѣ двѣ личности, о которыхъ говорятъ іудейскій историкъ Іосифъ Флавій и книга Дѣяній Апостольскихъ: Іуда Галилеянинъ и Ѳевда. Въ Дѣяніяхъ (5, 36—37) сказано: *„явился Ѳевда, выдавая себя за кого-то великаго,* за посланника Божія, *и къ нему пристало около четырехъ сотъ человѣкъ; но онъ былъ убитъ, и всѣ, которые слушались его, разсѣялись и исчезли. Послѣ него, во время переписи, явился Іуда Галилеянинъ и увлекъ за собою довольно народа; но и онъ погибъ, и всѣ, которые слушались его, разсыпались“.* Однако, этотъ урокъ не былъ усвоенъ народомъ іудейскимъ. Какъ извѣстно, черезъ 33 года послѣ вознесенія Спасителя началось возстаніе іудеевъ противъ римлянъ, возстаніе велось съ безумною отвагою и постоянствомъ, хотя концомъ его были разгромъ Іерусалима, ссылка іудеевъ въ Египетъ и разсѣяніе ихъ по всему свѣту, во исполненіе еще древнихъ пророчествъ Моисея. Но всѣ изображенныя бѣдствія не

вразумляли свободолюбиваго народа. Въ 135 году повторилось опять возстаніе іудевъ, но и оно было подавлено римлянами, и съ тѣхъ поръ еврейство, какъ народъ, прекратило свое существованіе.

Возможно ли теперь допустить, чтобы Христосъ погибъ отъ еврейскаго народа, если бы и самъ имѣлъ одушевлявшія этотъ народъ мысли о свободѣ и революціи. Напротивъ, изъ дальнѣйшаго показанія Евангелія увидимъ, что Онъ принялъ смерть, разсуждая по-земному, какъ жертва революціоннаго движенія евреевъ. Этимъ, конечно, не исключается, что для Его добровольной жертвы за животъ міра были и другія земныя причины: корыстолюбіе Іуды, недовольство Имъ старцевъ за нарушеніе законныхъ преданій, малодушіе Пилата. Но изъ этихъ земныхъ причинъ смерти Христовой главнѣйшею была еврейская революція, которая мстила Христу за то, что Онъ не стоялъ съ нею заодно въ ея стремленіи свергнуть иноплеменное иго съ народа и пріобрѣсти ему политическую свободу.

Прежде чѣмъ перейти къ обоснованію сей мысли, нужно замѣтить, что это же движеніе было и причиной казни Крестителя. Въ Евангеліи самъ Господь указываетъ на эту причину. Когда, послѣ преславнаго преображенія Христа, Апостолы сходили съ горы, и, размышляя о прославленіи Христа, спросили Его: *„какъ же книжники говорятъ, что Иліи надлежитъ прійти прежде“? Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: „правда, Илія долженъ прійти прежде и устроить все. Но говорю вамъ, что Илія уже пришелъ и не узнали его, а поступили съ нимъ, какъ хотѣли: такъ и Сынъ Человѣческій пострадаетъ отъ нихъ“. Тогда ученики поняли, что Онъ говорилъ имъ объ Іоаннѣ Крестителѣ* (Мат. 17, 10—13). Въ приведенныхъ словахъ Спаситель указывалъ апостоламъ, что тѣ же самые люди будутъ виновниками и Его смерти, которые были виновниками смерти и Іоанна Крестителя. И преданіе церковное подтверждаетъ намъ, что Иродіаду, негодовавшую на Іоанна за обличенія ея беззаконій съ Иродомъ, вооружали противъ Предтечи именно книжники за то, что онъ обличалъ ихъ и отвлекалъ вниманіе народа отъ интересовъ политическихъ въ область

чи столичной добродѣтели. Нужно знать, что когда какое-либо увлеченіе овладѣваетъ толпой народа, тогда эта толпа не столько вооружается противъ простого реакціонера, который отстаиваетъ старый порядокъ, вращаясь въ области тѣхъ же политическихъ понятій, сколько противъ такого человѣка, который отвлекаетъ народное сознаніе совершенно въ другую сторону, хотя бы онъ и не противодѣйствовалъ прямо задуманному дѣлу. Партія иродіанъ, жившая при не сочувствіи народа, но покровительствомъ властей, была ненавистна, но иродіанъ на крестъ не возводили. Также были ненавистны и другіе прислужники Рима: мытари, грабившіе народъ, и воины, обижавшіе его; но противъ нихъ не столько возбуждалась ненависть книжниковъ и фарисеевъ, какъ противъ проповѣдниковъ совершенно новыхъ истинъ, новыхъ горизонтовъ, говоря посовременному,—каковыми были Іоаннъ Креститель и Христосъ Спаситель. На вопросъ народа, что намъ дѣлать?—на который ожидался отвѣтъ въ агитаціонномъ, организаціонномъ духѣ,—Іоаннъ отвѣчалъ: *„у кого двѣ одежды тотъ дай неимущему; и у кого есть пища, дѣлай то же“* (Лук. 3, 11). Этотъ и подобные отвѣты страшно раздражали книжниковъ. Они поняли, что такой проповѣдникъ для нихъ гораздо опаснѣе, чѣмъ иродіане, мытари и воины, которые, огорчая народъ, усиливаютъ его жажду къ возстанію. И вотъ они поступили съ нимъ, какъ хотѣли.

То ожиданіе будущаго царства, которое соединялось у евреевъ съ революціонными замыслами, имѣло гораздо болѣе тѣсную связь съ началомъ нравственнымъ, съ религіей, чѣмъ у современныхъ намъ соціалистовъ. Они такъ толковали древнія пророчества, какъ ихъ толкуютъ современные намъ раввины, и какъ ихъ толковалъ, къ сожалѣнію, нашъ философъ Соловьевъ. Они приводятъ въ доказательство своихъ понятій такія слова, которыя дѣйствительно есть у пророковъ, и если ихъ попытаетъ опровергать собесѣдникъ неопытный, то его побьетъ всякій мало-мальски начитанный раввинъ. Всѣ принятыя у насъ толкованія пророчествъ онъ разобьетъ въ какихъ-нибудь пять минутъ, и если вы не подготовлены къ мысли, что пророчество объ установленіи новаго царства надо понимать въ смыслѣ установленія духовнаго царства на землѣ

или Христовой церкви, а разрушеніе царствъ въ смыслѣ нравственномъ, какъ разрушеніе ложныхъ вѣръ,—если вы не сумѣете доказать правильность такого пониманія пророчествъ, то всѣ ваши положительные доводы встрѣтятъ быстрое опроверженіе.

Насколько былъ увлекателенъ тотъ идеалъ мірского царства, какимъ жили іудеи, можно видѣть изъ того, что и теперь многіе христіанскіе юноши и даже люди болѣе зрѣлаго возраста увлекаются имъ, забывая для него истиннаго Христа. И вотъ это будущее царствованіе евреевъ надъ множествомъ народовъ называлось то „царствомъ святыхъ“, то „царствомъ Божіимъ“. Почему и Христосъ, проповѣдавшій на основаніи пророчествъ совсѣмъ иное ученіе, чѣмъ раввины, нарочно избралъ эти термины, чтобы постепенно вытѣснять изъ сознанія народнаго прежнее настроеніе и прежнее направленіе мысли. Для той же цѣли Онъ наименовалъ себя Сыномъ Человѣческимъ, чтобы, отстраняя мысль о возстаніи противъ римлянъ, пріучить мысль народа къ пониманію Мессіи, какъ царя духовнаго. У Даніила содержатся пророчества, что нѣкогда взамѣнъ земныхъ царствъ, олицетворенныхъ въ видѣ страшныхъ звѣрей, наступитъ вѣчное царство и честь и власть Сына Человѣческаго (гл. 7). Въ этомъ образѣ пророкъ хотѣлъ показать, что іудейскій народъ, который поганые язычники держали въ своихъ рукахъ, долженъ дать человѣчеству идею и типъ совершенства нравственнаго, коему и суждено осуществить древнее обѣтованіе о томъ, что въ потомствѣ Авраама благословятся всѣ племена земныя. Исполняя сіе обѣтованіе, и Господь намъ называлъ себя Сыномъ Человѣческимъ. Особенно тогда любилъ Господь употреблять это имя, когда говорилъ о славѣ Своей. Такъ, на вопросъ первосвященника Каіафы: *заклинаю тебя Богомъ живымъ, скажи намъ, Ты ли Христосъ, Сынъ Божій? Іисусъ говоритъ ему: Ты сказалъ, даже сказываю вамъ, отнынѣ узрите Сына Человѣческаго, сидящаго одесную силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ.* (Матѳ. 26, 63-64, ср. Марк. 14, 62. Первосвященникъ отлично понялъ, что утверждаетъ этими словами Христосъ и, чтобы оставить допросъ, сказалъ: Онъ богохульствуетъ. Тогда всѣ закричали: смерть Ему. Но какое же богохульство повто-

рять пророчество? Точно такъ же и Стефанъ, апостолъ и первомученикъ, говорилъ въ Семедріонѣ: *„вотъ я вижу небеса отверсты и Сына Человѣческаго, стоящаго одесную Бога“* (дѣян. 7, 56). Всѣ эти выраженія имѣли цѣлью напомнить іудеямъ истинное ученіе пророковъ о Христѣ и разбить ихъ ложное ученіе о Мессіи, какъ о земномъ царѣ, хотя бы и посланномъ отъ Бога.

Если вы будете разсматривать различныя рѣчи, въ которыхъ Христосъ касался вопроса о царствѣ Божіемъ, съ этой точки зрѣнія, то вы поймете связь мыслей въ рѣчахъ Христовыхъ тамъ, гдѣ она совершенно неуловима, внѣ этой точки зрѣнія, поймете, почему Онъ иногда совершенно неожиданно переходитъ отъ одного предмета къ другому, къ полному недоумѣнію современныхъ нѣмецкихъ толкователей, заявляющихъ, что въ этихъ рѣчахъ ничего не разберешь,—гдѣ кончаются слова Спасителя и гдѣ начинается рѣчь самого повѣствователя—апостола Іоанна. Но вы скоро возстановите связь рѣчи, когда поставите предъ сознаніемъ тѣ вопросы, какіе были на умѣ у собесѣдниковъ Христа, которые они вѣроятно держали про-себя, а можетъ быть, и высказывали ихъ, но они остались невнесенными въ текстъ евангелія. Для поясненія нашей мысли мы возьмемъ двѣ такихъ рѣчи, въ которыхъ связь рѣчи Господней признается неуловимой.

Кто не помнитъ бесѣды Христовой съ Никодимомъ? Никодимъ пришелъ ко Христу и сказалъ Ему: *Равви! мы знаемъ, что ты учитель, пришедшій отъ Бога, ибо такихъ чудесъ, какія Ты творишь, никто не можетъ творить, если не будетъ съ нимъ Богъ. Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: истинно говорю тебѣ: если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть царствія Божія“*. Но развѣ это отвѣтъ на вопросъ Никодима? Конечно, отвѣтъ, но не логическій, а отвѣтъ на внутренній смыслъ обращенія, на то чаяніе, съ какимъ говорилъ Никодимъ. Онъ признавалъ Христа Мессіею; но, представляя Мессію земнымъ царемъ, избавителемъ евреевъ отъ римскаго рабства, и не видя, чтобы Христосъ предпринималъ что-либо къ осуществленію ихъ мечты, въ недоумѣніи спрашивалъ: почему же Ты, учитель, отъ Бога посланный освободить насъ отъ нашихъ враговъ, не собираешь рати изъ насъ

для сверженія языческаго ига и для образованія нашего собственнаго царства? Вотъ на этотъ-то недоговоренный, но ясно чувствуемый вопросъ Никодима и отвѣчаетъ Христосъ: чтобы войти въ Мое царство, необходимо новое рожденіе: *истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится свыше, не можетъ видѣть царствія Божія*". Никодимъ на это отвѣчаетъ: „*какъ можетъ человѣкъ родиться, будучи старъ? неужели онъ можетъ въ другой разъ войти въ утробу матери своей и родиться*"? Обыкновенно толкователи представляютъ, что Никодимъ ничего не понялъ изъ отвѣта Христова, забывая, что Никодимъ былъ не только не ребенокъ, но и ученый человѣкъ. На самомъ же дѣлѣ онъ отлично понялъ отвѣтъ Христовъ, но ему представляется совершенною фантастичностью тотъ пріемъ, какимъ Христосъ хочетъ собрать и устроить свое царство. Если для одного человѣка трудно очень возродиться, то тѣмъ большая трудность для цѣлаго народа. Нравственное возрожденіе человѣчества, которое проповѣдуетъ Іисусъ, какъ условіе для входа въ Его царство, показалось Никодиму не меньшей фантазіей, какъ и для современныхъ намъ соціалистовъ ученіе объ этомъ возрожденіи. Христосъ, повторяя свою мысль, сказалъ: „Мы говоримъ не о томъ, чего не знаемъ, а о томъ, что знаемъ. Т.-е., да, возрожденіе, по плотскому разумѣнію, дѣло невозможное, но Я сошелъ съ неба на землю и знаю, что говорю: правда, донынѣ было невозможно полное возрожденіе честнаго человѣка, но я принесъ новыя истины съ неба и новыя силы, о коихъ говорю по опыту, по высшему вѣдѣнію: „*какъ вѣтеръ дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ: такъ бываетъ со всякимъ рожденнымъ отъ Духа*". Потомъ, Христосъ, повидимому, совершенно неожиданно и необъяснимо почему, заговорилъ о судѣ. Но эти слова Его будутъ для насъ ясны, если мы опять вспомнимъ, что Христосъ отвѣчаетъ на чаянія собесѣдника, хотя не высказанныя, но всегда ему близкія. Въ ветхомъ завѣтѣ понятія о судѣ и справедливости были нѣсколько иными, чѣмъ въ наше время. Мы съ понятіемъ о судѣ соединяемъ представленіе о чемъ-то грозномъ и карающемъ. Такъ о судѣ говорили люди угнетенные и

оскорбленные. Вся проблема жизни сводилась къ вопросу: какъ примирить, что въ здѣшнемъ мірѣ праведные и благочестивые страдаютъ, а грѣшные и нечестивые наслаждаются? Этотъ вопросъ встрѣчается во псалмахъ, въ книгѣ Іова и въ другихъ священныхъ книгахъ. Вездѣ настойчиво ждутъ и требуютъ суда. *„Вотъ отрокъ мой, котораго Я держу за руку; избранный Мой, къ Которому благоволитъ душа Моя. Положу духъ Мой на Него, и возвѣститъ народамъ судъ; не возопіетъ, и не возвыситъ голоса Своего, и не дастъ услышать его на улицахъ; трости надломленной не переломитъ и льна курящагося не угаситъ, пока не доставитъ суду побѣду“* (*Ис. 42. 1-4*). Чаяніе суда или справедливости составляло жажду еврейской души и ветхозавѣтной мысли. Когда Господь говорилъ о возрожденіи, какъ необходимомъ условіи для вступленія въ Его духовное царство, Никодимъ думалъ: гдѣ же тотъ обѣщанный пророками судъ, который совершитъ надъ народами Мессія? И Господь отвѣчалъ ему: *„Не послалъ Богъ Сына Своего въ міръ, чтобы судить міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ Него“*. Это есть отвѣтъ на напряженное чаяніе народа о судѣ. Но гдѣ же судъ и въ чемъ онъ? *„Вѣрующій въ Него не судится, а не вѣрующій уже осужденъ, потому что не увѣровалъ во имя Единороднаго Сына Божія. Судъ же состоитъ въ томъ, что свѣтъ пришелъ въ міръ; но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы“. Ибо всякій, дѣлающій злое, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ ко свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ содѣланы“*. И конецъ бесѣды. Ясно, что здѣсь въ своихъ отвѣтахъ Никодиму Спаситель согласуется съ высказаннымъ или продуманнымъ его собесѣдникомъ. О судѣ говорили пророки, и онъ долженъ былъ наступить. Да,—отвѣчаетъ Христосъ,—судъ пришелъ уже и наступилъ, но онъ въ томъ, что свѣтъ пришелъ въ міръ и прочее... Онъ придаетъ этому пророками предсказанному суду значеніе нравственное: Господь пришелъ обличить и посрамить грѣшниковъ, а наказаніе имъ будетъ въ другомъ мірѣ.

Теперь обратимся къ такому Евангельскому сказа-

нію, въ которомъ съ особенною ясностью выразился духовный характеръ устроеннаго Христомъ на землѣ царства, противоположнаго ожидаемому евреями царству земному. Сказаніе это—о чудѣ насыщенія пятью хлѣбами пяти тысячъ человѣкъ. Оно разсказано въ трехъ евангеліяхъ, но освѣщеніе этого событія мы находимъ только въ евангеліи отъ Іоанна. Оно не такъ поразительно, какъ напр., воскрешеніе Лазаря, или сына Наинской вдовы, или исцѣленіе бѣсноватыхъ. Но ни одно изъ тѣхъ столь страшныхъ чудесъ не произвело на народъ такого дѣйствія и впечатлѣнія, какъ это болѣе скромное чудо насыщенія людей, предавшихся въ волю Божію. Почему же это такъ? Тѣ чудеса, хотя и были радостны, но не имѣли никакой связи съ излюбленными стремленіями народа къ свободѣ, какую усмотрѣли евреи въ этомъ чудѣ. Это чудо въ глазахъ іудеевъ съ чаяніями имѣло такое же значеніе, какъ если бы, напр., какому-либо государству подарить нѣсколько десятковъ броненосцевъ. На войнѣ, какъ, извѣстно, никакая храбрость, никакая сила не можетъ имѣть значенія, если будетъ достатокъ въ оружіи и особенно въ пищѣ. Іуда Маккавей при всей храбрости своего войска, часто не могъ имѣть успѣха по недостатку въ пищѣ. И вотъ теперь явился учитель, который можетъ однимъ словомъ насытить нѣсколько тысячъ человѣкъ. Вотъ почему, когда народъ понялъ, какое совершено предъ нимъ чудо, то хотѣли прійти и нечаянно взять Христа и сдѣлать царемъ. Но Іисусъ узналъ о семъ и удалился, употребивъ для этого новое чудо, чтобы избѣгнуть ихъ рукъ, пройдя по водамъ, какъ по-суху.

Что было дальше? Замѣтьте, что хотя это чудо было въ Галилеѣ, но за Христомъ пошли іудеяне, іерусалимляне, которые наиболѣе враждебно относились къ Нему. Это была передовая часть націи, съ особенною жаждою стремившаяся къ бунту противъ римлянъ. Послѣ этого чуда они вскорѣ встрѣтились со Христомъ въ Іерусалимѣ, но еще раньше обнаружили свое недовольство Имъ. Зная, что Христосъ не сѣлъ съ апостолами въ лодку послѣ чуда насыщенія и однако оказался въ Капернаумѣ вмѣстѣ съ ними, народъ спрашивалъ: *„учитель, когда ты прибылъ сюда?“ Іисусъ имъ отвѣчалъ: „истин-*

но, истинно говорю вамъ: вы ищите Меня не потому, что видѣли чудеса, но потому, что ѣли хлѣбъ и насытились. Старайтесь не о пищѣ тлѣнной, но о пищѣ, пребывающей въ жизнь вѣчную, которую дастъ вамъ Сынъ Человѣческій". И какъ только сказалъ Господь эту мысль, бывшую такъ далеко отъ воображенія народа, тотчасъ же началось раздраженное возраженіе противъ нея и требованіе, чтобы благодать Христова постоянно соединялась съ этимъ чудеснымъ хлѣбомъ, подобно тому, какъ это уже однажды было при Моисеѣ. Но Господь начинаетъ говорить, что вмѣсто этого чудеснаго чувственнаго питанія Онъ дастъ вѣрующимъ въ Него другое, духовное питаніе, свою плоть и кровь. Услышавъ эти слова, они говорятъ: „жестоко слово сіе, и кто можетъ послушати Его", и отходятъ отъ Него, не только іудеи, но и многіе изъ учениковъ Его. Тогда Іисусъ обратился къ двѣнадцати: „не хотите ли и вы отойти?" Апостолы дали отвѣтъ устами Петра: *„Господи! куда намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни. И мы увѣровали и поняли, что Ты Христосъ Сынъ Божій. Іисусъ отвѣчалъ имъ: не двѣнадцать ли васъ Я избралъ и одинъ изъ васъ діаволъ*". Видимъ, что въ сердцѣ Іуды совершился теперь впервые рѣшительный переворотъ, когда онъ изъ этой бесѣды увидѣлъ, что отъ учителя нельзя ждать удовлетворенія его страсти къ земнымъ стяжаніямъ. И сами іудеи окончательно поняли, что Христосъ никакого сочувствія и участія въ возстаніи противъ римлянъ не приметъ. Послѣ сего Іисусъ ходилъ по Галилеѣ, ибо по Іудеѣ не хотѣлъ ходить, потому что іудеи искали убить Его (Іоан. 7, 1). И даже на праздникъ, когда братья Его пришли въ Іерусалимъ, Онъ пришелъ туда не явно, но тайно. На праздникѣ о Немъ произошелъ въ народѣ споръ: одни говорили, что Онъ добръ, а другіе,—что обольщаетъ народъ. Христосъ снова начинаетъ убѣждать въ духовномъ пониманіи царства Божія. *„Въ послѣдній день праздника стоялъ Іисусъ и возгласилъ: кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей. Кто вѣруетъ въ Меня, у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева потекутъ рѣки воды живой*" (Іоан. 7, 38). Нѣкоторые, доселѣ не вѣрова-

вшіе въ Него, начинаютъ теперь вѣровать. Но, видимо, колебаніе между сомнѣніемъ и вѣрою въ этого Учителя, Который говорилъ такъ, какъ „никогда никто не говорилъ изъ людей“, еще продолжается. Отвѣчая на эту колеблющуюся вѣру народа, Господь опять говорилъ, повидимому, внѣ связи съ предметомъ: *если пребудете въ словѣ Моемъ, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными*“ (8, 31—32). Почему тутъ вдругъ рѣчь о свободѣ? Конечно, въ отвѣтъ на недоумѣніе начавшихъ вѣровать іудеевъ: если ты истинный Мессія, то почему ты отказался стать во главу нашего освобожденія?—Господь и говорилъ имъ о свободѣ нравственной. Разочарованные слушатели заявляютъ, что они и безъ того свободны. Они могли говорить такъ, когда имъ отказали въ страстно желаемой дѣйствительной свободѣ политической. Кажущуюся политическую свободу они имѣли, имѣли свое еврейское духовное начальство, своихъ воиновъ. Словомъ, по видимости имъ была предоставлена почти полная автономія. Но давно имъ пришлось убѣдиться въ томъ, что они, юридически свободные, фактически были безправными рабами. Люди, находящіеся въ такомъ положеніи, хотя и бываютъ въ высшей степени недовольны имъ, но очень оскорбительно принимаютъ, когда кто-либо напоминаетъ имъ объ этомъ рабствѣ. Такъ и іудеи оскорбились словами Господа о томъ, что „Сынъ Человѣческій освободитъ ихъ“.—„Мы никогда не были ничьими рабами. Мы дѣти Авраама. Какъ же Ты говоришь: сдѣлаетесь свободными“. Христосъ имъ отвѣтилъ: „истинно, истинно говорю вамъ: всякій дѣлающій грѣхъ, рабъ есть грѣха.“ Послѣ этихъ словъ іудеи спорятъ все напряженнѣе, наконецъ, хватаютъ камни и хотятъ убить Того, Кого нѣсколько недѣль назадъ хотѣли сдѣлать царемъ надъ собой.

Итакъ, вражда іудеевъ противъ Христа все болѣе усиливается; іудеи хотятъ неоднократно убить Его; уже ученики Его, которые недавно мечтали, что скоро должно наступить царство ихъ Учителя,—теперь, когда Онъ зоветъ ихъ въ Іерусалимъ, въ Іудею на воскрешеніе Лазаря, говорятъ Ему: „Равви, давно ли іудеи искали убить Тебя

камнями? и Ты опять идешь туда“,—и боятся идти съ Нимъ, и только одинъ Ѳома мужественно говоритъ: *„пойдемъ и мы умремъ вмѣстѣ съ Нимъ“* (Іоан. гл. II).

Впрочемъ Господь показывалъ, что, при всей кажущейся неизбѣжности смертнаго исхода, при этой разгорѣвшейся ненависти іудеевъ, Онъ идетъ на смерть свободно. Въ часъ преданія, когда Іуда, взявъ отрядъ воиновъ и служителей отъ первосвященниковъ и фарисеевъ, пришелъ въ Геѳсиманскій садъ, гдѣ былъ Господь съ тремя избранными апостолами, съ фонарями и свѣтильниками и оружіемъ, Іисусъ, зная все, что съ Нимъ будетъ, вышелъ и сказалъ имъ: кого ищете? Ему отвѣтили: Іисуса Назорея. Іисусъ говоритъ имъ: „это Я“. И когда сказалъ имъ: это Я,—они отступили назадъ и пали. И когда ясно стало, что не физическая невозможность сопротивляться была виною взятія Его, Онъ отдался врагамъ въ руки, по писанію пророковъ, во исполненіе пророчествъ... Это видѣли Его ученики. Но еще раньше Господу было угодно показать предъ всѣми, что сами по себѣ ненависть и невѣріе не могутъ сокрушить Его силу. Чтобы явить это, Онъ воскрешаетъ Лазаря на глазахъ народа. Въ началѣ Своего служенія совершаетъ Онъ такія чудеса тайно и рѣдко, руководясь жалостью, какъ воскрешены были дочь Іаира, сынъ Наинской вдовы. Воскресивъ дочь Іаира, Господь не хочетъ, чтобы о чудѣ разглашали и, какъ бы желая утаить его, говоритъ, что дѣвица не умерла, но спитъ (Мат. 9, 17). А Лазаря воскрешаетъ торжественно при множествѣ народа, послѣ того, какъ сестры его, Марѳа и Марія, засвидѣтельствовали, что онъ мертвый и уже смердитъ. Это чудо имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что многіе увѣровали въ Него. Тутъ, при этомъ чудѣ, въ умахъ людей, конечно, совершился страшный переворотъ. Прежде имъ казалось, что болѣе высокаго и заманчиваго идеала, какъ покореніе іудеямъ всѣхъ народовъ, водвореніе въ этомъ всемірномъ царствѣ правды и справедливости, быть не можетъ. Но когда передъ этимъ Учителемъ отверзаются двери гроба и по одному Его слову воскресаетъ мертвецъ, то предъ такою властью блѣднѣетъ всякій человѣческій замыселъ: а вѣдь и слава, и царство, и судъ—

все это до гроба, и до смерти, а потомъ надъ всѣмъ воцаряется смерть, и всякая слава подвергается гніенію въ могилѣ, а душа суду. А тутъ Учитель владычествуетъ надъ самой смертью. Кто же Онъ и не истинно ли Его слово и ученіе? Не подобаетъ ли оставить всѣ прежнія чаянія и отдаться въ Его волю? *„Тогда многіе изъ іудеевъ, пришедшихъ къ Маріи и видѣвшихъ, что сотворилъ Іисусъ, увѣровали въ Него. А нѣкоторые изъ нихъ пошли къ фарисеямъ и сказали имъ, что сдѣлалъ Іисусъ“*. Тутъ-то и былъ произнесенъ приговоръ надъ Іисусомъ: *„съ этого дня положили убить Его“* (11, 53), т.-е. послѣ воскрешенія Лазаря непосредственно. Обратите вниманіе на значеніе этого чуда для земной участи нашего Господа. Изъ-за него именно и былъ произнесенъ Синедріономъ смертный приговоръ надъ Спасителемъ. Отрицателямъ этого чуда трудно найти окончательный поводъ для сего приговора въ жизни Спасителя, и они выдумываютъ такой поводъ совершенно произвольно. Таковъ извѣстный Ренанъ. Онъ отрицаетъ это чудо и представляетъ его какъ обманъ со стороны Іисуса Христа, Который будто бы дозволилъ Своему другу притвориться мертвымъ и лечь въ гробъ, а потомъ и было продѣлано мнимое воскрешеніе. Правда, Ренанъ писалъ для французовъ, у которыхъ настолько стерлось различіе между ложью и истиной, что для нихъ обманъ и шантажъ не противны: лишь бы было красиво исполнено. Но настолько гнусно и невѣроятно для понимающихъ Христа такое толкованіе, это видно изъ того, что, желая сохранить довѣріе читателей къ автору, русскіе переводчики пропустили это мѣсто въ книгѣ Ренана. Желая сдѣлать изъ Христа подобнаго современникамъ своимъ джентльмена, Ренанъ дѣлаетъ причиной осужденія іудеями Христа прощеніе имъ грѣшницы: іудеи будто бы не могли извинить Христу этого прощенія и осудили Его на смерть. Но прощеніе, дарованное Христомъ грѣшницѣ, было въ полномъ соотвѣтствіи съ Моисеевымъ закономъ. Въ 17 главѣ Второзаконія повелѣвается, чтобы свидѣтели преступленія первые бросили камень въ преступника для того, чтобы нести на себѣ отвѣтственность предъ родственниками убитаго, въ несправед-

ливой казни*). Вотъ почему книжники не могли видѣть ничего оскорбительнаго въ словахъ Христа: кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый броситъ въ нее камень, и удалились обличаемые совѣстью поодиночкѣ. Привлечь это событіе, какъ конечную причину осужденія Христа, Ренанъ постарался только для того, чтобы навязать Спасителю видъ современнаго свободнаго рѣшителя женскаго вопроса. Итакъ, приговоръ противъ Христа былъ произнесенъ въ то время, когда Онъ воскресилъ Лазаря. Нѣкоторые изъ свидѣтелей чуда воскрешенія пошли къ фарисеямъ и сказали имъ, что сдѣлалъ Іисусъ „*Тогда первосвященники и фарисеи собрали совѣтъ и говорили: что намъ дѣлать? Этотъ человѣкъ творитъ много чудесъ. Если оставимъ Его такъ, то всѣ увѣруютъ въ Него; и пріидутъ римляне, овладѣютъ мѣстомъ нашимъ и народомъ*“. Съ своей точки зрѣнія они были правы. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, если бы всѣ увѣровали въ Христа, тогда для нихъ революція и возстаніе противъ римской власти представилось бы дѣломъ совершенно ничтожнымъ. Увлеченный чудесами въ область жизни загробной, народъ пересталъ бы ревниво оберегать даже ту тѣнь автономіи, которую онъ сохранялъ еще въ то время, и тогда римляне безпрепятственно бы стерли остатокъ его самобытности. „*Одинъ же изъ нихъ, нѣкто Каіафа, будучи въ тотъ годъ первосвященникомъ, сказалъ имъ: „вы ничего не знаете; и не подумаете, что лучше намъ, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за людей, нежели весь народъ погибъ*“... *Съ этого дня положили убить Его*“ (Іоан. 11, 53). Въ этихъ словахъ евангелиста видно прямое указаніе на то, что здѣсь состоялся приговоръ.

---

*) Такъ, когда казнили первомученика Стефана, Савлъ какъ написано, былъ свидѣтелемъ казни: свидѣтели, снявши одежды свои, положили ихъ у ногъ юноши, именемъ Савла (Дѣян. 7, 58). Не думайте, что значеніе Савла было здѣсь малое. Стефанъ обвинялся въ страшномъ преступленіи, въ богохульствѣ и прельщеніи новою вѣрой, что по закону (Втор. 13, 8, 9) каралось смертью. Одежды обвинителей, сложенныя у ногъ особаго человѣка, служили доказательствомъ, что они не отопрутся отъ своихъ показаній. Одежды ихъ были закладомъ или залогомъ ихъ участія въ казни, за что они должны были понести наказаніе передъ римскимъ правительствомъ.

Далѣе мы видимъ, что, когда Господь за это чудо былъ встрѣченъ съ такимъ восторгомъ всѣмъ народомъ въ Іерусалимѣ, злоба фарисеевъ, рѣшившихся уже расправиться съ Іисусомъ, усилилась еще болѣе. Первосвященники положили убить и Лазаря, потому что ради его многіе изъ іудеевъ приходили и вѣровали въ Іисуса. Церковная исторія говоритъ намъ, что Лазарь, спасаясь отъ злобы іудеевъ, бѣжалъ изъ своего отечества на островъ Кипръ, гдѣ былъ впослѣдствіи епископомъ, а Синаксарь въ Лазареву субботу объясняетъ, почему объ этомъ чудѣ говоритъ только одно четвертое евангеліе. У двухъ первыхъ евангелистовъ не поясняется, почему встрѣтилъ Его народъ съ такой славой. У Луки сказано: за всѣ Его чудеса (19, 37). Почему же они молчатъ объ этомъ послѣднемъ чудѣ? Лазарь очень тяготился вопросомъ о томъ, что было съ нимъ во время четырехдневнаго его пребыванія въ аду. Упоминаніе о немъ въ евангеліи могло умножить эти разспросы, могло открыть мѣсто его удаленія, поэтому три евангелиста, писавшіе свои евангелія еще при жизни Кипрскаго епископа, не упомянули объ его воскрешеніи въ своихъ евангеліяхъ, а четвертый, описывая уже послѣ второй смерти Лазаря торжественный входъ Господа въ Іерусалимъ, объяснилъ причину такой встрѣчи: *Народъ, бывшій съ Нимъ прежде, свидѣтельствовалъ, что Онъ вызвалъ изъ гроба Лазаря и воскресилъ его изъ мертвыхъ. Поэтому и встрѣтилъ Его народъ, ибо слышалъ, что Онъ сотворилъ это чудо*“ (12, 17-18). Евангелистъ какъ бы такъ говоритъ своимъ читателямъ: „вы знаете изъ первыхъ евангелій, какъ народъ встрѣтилъ Христа; но не знаете, почему онъ такъ сдѣлалъ; теперь знайте, что сдѣлалъ народъ это потому, что видѣлъ, какъ Христосъ сотворилъ такое знаменіе“.

Итакъ, ненависть іудеевъ, толпы народной, которая недавно заставляла учениковъ удерживать Іисуса Христа отъ вступленія въ Іерусалимъ, какъ бы исчезла совсѣмъ, подъ вліяніемъ этого чуда: эта толпа теперь восторженно встрѣчаетъ Христа, какъ Сына Давидова, какъ посланника Божія,—и „потрясеся весь градъ“.

Затѣмъ еще одно событіе, изъ котораго видно, что слава Христова въ это время дошла до апогея. Изъ при-

шедшихъ на поклоненіе въ праздникъ были эллины. Они просили Филиппа: „Господинъ! намъ хочется Іисуса видѣть“. Филиппъ говоритъ объ этомъ Андрею и вмѣстѣ съ нимъ сказываютъ о томъ Іисусу. *Іисусъ же сказалъ имъ въ отвѣтъ: „Пришелъ часъ прославиться Сыну Человѣческому. Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно*“, и прочее. Почему связываетъ Христосъ эллинскую вѣру въ Него съ Своей скорой смертью? Главная причина ненависти іудеевъ противъ Христа была та, что они чувствовали, что устрояемое Христомъ царство не будетъ національностическимъ, а всемірнымъ. Какъ раньше, когда Онъ говорилъ имъ о Своей смерти, они спрашивали, не хочетъ ли Онъ идти къ эллинамъ, такъ и здѣсь, когда эллины увѣровали въ Него, Онъ тотчасъ начинаетъ говорить о смерти. Ясно, что и Онъ связываетъ Свою кончину съ еврейскимъ національнымомъ, съ его ненавистью къ чужеземцамъ и желаніемъ не мириться съ ними, но покорить ихъ себѣ.

Еще яснѣе представимъ мы себѣ эту причинность, когда всмотримся въ обстоятельства суда надъ Спасителемъ.

Духовные проповѣдники обыкновенно истощаютъ свое краснорѣчіе, оплакивая непостоянство іудейскаго народа, который въ вербное воскресенье восторженно встрѣчалъ Господа криками „осанна“, а въ пятницу уже кричалъ Пилату: „распни, распни Его“. Но на самомъ дѣлѣ переломъ совершился еще въ менѣе продолжительный срокъ. Еще въ четвергъ вечеромъ народъ былъ на сторонѣ Христа, потому что первосвященники должны были искать Его наединѣ и ночью. Ночью же, вопреки закону своему, судили его, и рано утромъ пошли къ Пилату, чтобы просить его утвердить ихъ приговоръ надъ Христомъ. Спрашивается, какимъ образомъ, если все дѣлалось безъ участія народа, у дворца Пилата оказалась огромная толпа народа? На этотъ вопросъ въ существующихъ толкованіяхъ нѣтъ разрѣшенія, и я самъ добрался до него только въ прошломъ году! Надѣюсь, что мои слушатели, выслушавъ меня, раздѣлятъ со мной мою догадку. Обыкновенно мы представляемъ, что народная толпа собралась по дѣлу Іисуса Христа къ Пилату, вмѣстѣ съ его предателями, Пилатъ, желая отпустить невиннаго Іисуса, предлагалъ народу оправ-

дать Его, а народъ требовалъ оправдать Варавву. Однако дѣло обстояло не такъ. Замѣтимъ, что сперва отношенія народа къ Іисусу не особенно враждебны; обвиняющими передъ Пилатомъ являются книжники и фарисеи; народъ сначала молчитъ, а потомъ вдругъ остервенился и народъ и кричитъ: „распни, распни его“. Чтобы понять эту неожиданную перемѣну въ настроеніи народа, нужно обратиться къ евангелисту Марку. Тамъ дѣло представлено нѣсколько яснѣе. *„Немедленно по утру первосвященники со старѣйшинами и книжниками и весь синедріонъ составили совѣщаніе и, связавъ Іисуса, отвели и предали Пилату. Пилатъ спросилъ Его: Ты царь іудейскій? Онъ же сказалъ ему въ отвѣтъ: ты говоришь. И первосвященники обвиняли Его во многомъ. Пилатъ же опять спросилъ Его: Ты ничего не отвѣчаешь? видишь, какъ много противъ тебя обвиненій. Но Іисусъ и на это ничего не отвѣчалъ, такъ что Пилатъ дивился. На всякій же праздникъ отпускалъ онъ имъ одного узника, о которомъ просили. Тогда былъ въ узахъ нѣкто, по имени Варавва, со своими сообщниками, которые во время мятежа сдѣлали убійство. И народъ началъ кричать и просить Пилата о томъ, что и онъ всегда дѣлалъ для нихъ“.* (Марк. 15, 1-8). Всѣ наши затрудненія разрѣшатся, если мы, согласно съ евангеліемъ отъ Марка, представимъ дѣло такъ, что въ то время, когда первосвященники и фарисеи привели Христа къ Пилату на судъ, народъ уже собрался у Пилата по другому дѣлу, именно для того, чтобы требовать у Пилата, по обычаю, одного изъ узниковъ. Тутъ станетъ понятно, откуда взялся у Пилата народъ, понятно, почему онъ не столько враждебно, сколько благодушно на первыхъ порахъ относился къ Іисусу. Не Пилатъ заговариваетъ первый о Варавѣ,—онъ только отвѣчаетъ на требованіе народа, предлагая вмѣсто Варавы отпустить Іисуса. Но когда Пилатъ спросилъ: хотите ли, отпущу вамъ царя іудейскаго?—*Первосвященники возбудили народъ просить, чтобы отпустилъ имъ лучше Варавву.* Слѣдовательно, народъ самъ по себѣ относился ко Христу не враждебно. Вѣроятно народъ, собравшійся совершенно по другому дѣлу и вначалѣ вовсе не знавшій, что и Іисусъ въ узахъ (Его взяли ночью и тайно, безъ народа),—

думалъ, что Іисуса и такъ, безъ его просьбы, отпустятъ. Ему было извѣстно, что начальники ненавидятъ Христа, стараются его завинить, но онъ никакъ не думалъ, что дѣло такъ ужасно окончится. Онъ видѣлъ, что и самъ Пилатъ старается Его оправдать, и думалъ, что Христа и такъ отпустятъ. Они просятъ отпустить имъ Варавву, но Пилатъ не хочетъ отпустить Варавву, онъ хочетъ отпустить Христа. Но чѣмъ же полюбился народу Варавва? Вѣдь Варавва былъ, какъ написано (Іоан. 18, 40), разбойникъ. Такъ,—но это былъ не обыкновенный разбойникъ, а бунтовщикъ. Прямо сказано въ евангеліи (Лук. 23, 19), былъ посаженъ за ковъ (возмущеніе) и убійство. Итакъ, это не догадка, а прямой фактъ: Варавва былъ бунтовщикъ. И, конечно, народъ, который былъ весь одной революціонной бандой, потому такъ настойчиво и просилъ за этого бунтовщика. За простого разбойника народъ не сталъ бы просить; вѣдь и теперь когда судьи, по какимъ либо, иногда чисто формальнымъ причинамъ, напр., по недостатку уликъ освобождаютъ, напр., конокрада, народъ возмущается этимъ оправданіемъ, и нерѣдко казнитъ такого преступника своимъ собственнымъ судомъ. Утвердивъ положеніе, что народъ пришелъ просить Пилата за Варавву и неожиданно встрѣтился съ желаніемъ Пилата отпустить не Варавву, а Іисуса, мы поймемъ, почему онъ сталъ постепенно ожесточаться на Іисуса, къ которому не имѣлъ вражды. Апостолъ Петръ въ Дѣяніяхъ (3, 13-14) говоритъ, обращаясь къ іудеямъ: „вы предали Сына Божія Іисуса и отреклись отъ Него, предъ лицомъ Пилата, когда онъ полагалъ отпустить Его“. Но вы отъ святого и праведнаго отреклись, и просили даровать вамъ человѣка убійцу, а начальника жизни убили“. Апостолъ указываетъ на тотъ моментъ, когда народъ, встрѣтившись съ Іисусомъ, повидимому колебался, кого просить у Пилата: Іисуса или Варавву, и еще не былъ враждебно настроенъ къ Спасителю. Напротивъ, по первому и третьему евангелію выходитъ, будто народъ сталъ требовать распятія Господня. Но тамъ описывается моментъ, когда Христосъ возвратился отъ Ирода въ одеждѣ поруганія. Въ евангеліи Іоанна возрастаніе злобы народной описывается постепенно, опредѣленно и ясно. Сначала только одни

книжники требуютъ казни Іисусовой, а затѣмъ и народъ. Сперва народъ относится къ Іисусу довольно спокойно, а затѣмъ крайне озлобленно. Приводятъ Іисуса отъ Каіафы въ преторію. Пилатъ вышелъ къ нимъ и сказалъ: въ чемъ вы обвиняете человѣка сего? Они сказали ему въ отвѣтъ: *„если бы Онъ не былъ злодѣй, мы не предали бы Его тебѣ“*. Тутъ именно проявилось то столкновеніе автономіи іудейской съ дѣйствительнымъ ихъ рабствомъ Риму, которое было имъ такъ несносно. Не рѣдко, быть-можетъ, бывало, что римскія власти относились къ приговорамъ іудейскихъ властей совершенно формально, не вникая въ ихъ существо, и утверждали ихъ безъ спора. Но на этотъ разъ Пилатъ не захотѣлъ такъ поступить, онъ отвѣтилъ: *„если такъ, то возьмите Его вы и судите по закону вашему“*. Пришлось покориться и докладывать обвинительные пункты. Тогда начался формальный судебный процессъ. Быть-можетъ, дерзкій отвѣтъ первосвященниковъ, быть-можетъ, жалость къ обвиняемому побудили Пилата отнестись къ дѣлу серьезнѣе. Начинается у Пилата бесѣда со Христомъ по обвиненію. Пилатъ спросилъ у Христа: Ты царь іудейскій? Господь не отрицаетъ того, что Онъ царь, но только поясняетъ, что царство Его не отъ міра сего, и что Онъ родился и пришелъ въ міръ для того, чтобы свидѣтельствовать истину. Пилатъ вышелъ къ іудеямъ и сказалъ, что онъ не нашелъ въ Іисусѣ никакой вины. Потомъ Онъ велитъ бить Іисуса и изводитъ Его іудеямъ въ терновомъ вѣнцѣ и въ багряницѣ, и опять объявляетъ, что не находитъ въ Немъ никакой вины. Начинается рѣчь о Варавве. Но еще ничего враждебнаго Іисусу народъ не говоритъ. *„И воины сплетше терновый вѣнецъ, возложили ему на главу, и одѣли Его въ багряницу. И говорили: радуйся, Царь Іудейскій, и били Его по ланитамъ. Пилатъ опять вышелъ и сказалъ имъ: вотъ, я вывожу Его къ вамъ, чтобы вы знали, что я не нахожу въ Немъ никакой вины“*. Въ это время Іисусъ былъ водимъ къ Ироду, воротился, подвергшись тамъ вторичному поруганію. *„Тогда вышелъ Іисусъ въ терновомъ вѣнцѣ и въ багряницѣ. И сказалъ имъ Пилатъ: се человѣкъ!“* Пилатъ надѣялся разжалобить народъ. Онъ зналъ, что этотъ народъ прославлялъ Исаію, Іеремію,

Маккавеевъ, которые страдали за истину. Это не были гордые римляне, для которыхъ одинъ видъ угнетеннаго внушалъ презрѣніе. Одного Пилатъ не догадался, что нельзя было показывать народу въ позорной одеждѣ мнимаго царя іудейскаго, когда все желаніе народа было видѣть настоящаго царя. Народъ сначала молчитъ. Тогда первосвященники и служители закричали: распни! Кричали одни, народъ пока не кричалъ. Пилатъ опять объявляетъ, что онъ никакой вины во Христѣ не находитъ. Тогда іудеи говорятъ: по нашему закону Онъ долженъ умереть, потому что сдѣлалъ себя Сыномъ Божіимъ. Тогда Пилатъ, убоявшись еще больше, опять вводитъ Іисуса въ преторію. Но теперь въ сердцѣ народномъ начинается колебаніе. Видъ Царя Іудейскаго оплеваннаго, заушеннаго, униженнаго былъ страшнымъ оскорбленіемъ для національнаго народнаго чувства. Этимъ Пилатъ погубилъ Іисуса въ глазахъ народа. Пилатъ взываетъ къ народу объ освобожденіи Іисуса, безжалостные книжники и первосвященники требуютъ Его казни. Не дождавшись отвѣта, Пилатъ снова старается отпустить Іисуса. Іудеи кричатъ: если отпустишь Его, то ты не другъ кесарю. Пилатъ снова садится на лиѳостротонъ. Христосъ стоитъ все въ одеждѣ поруганія. Пилатъ имѣлъ неосторожность сказать: „вотъ Царь вашъ“. И тогда всѣ закричали: возьми, распни Его. Кому не извѣстно, что озлобленное настроеніе толпы, когда не можетъ быть направлено противъ главнаго виновника своего озлобленія, устремлятся хоть на кого-нибудь для своего выхода. Толпа видитъ Того Іисуса, Которому подчинялась сама смерть, Который пятью хлѣбами насытилъ пять тысячъ народа, отъ одного слова Котораго падали пришедшіе взять Его воины, и этотъ самый Іисусъ позволилъ поругаться надъ собою и надругаться надъ идеей Іудейскаго царя. Народъ не могъ перенести, чтобы нечестивые язычники въ лицѣ этого человѣка оплевывали и поругали эту идею. При видѣ Христа, какъ поруганнаго царя іудейскаго, страшное бѣшенство овладѣло толпой, и вотъ они закричали: распни Его. Насколько сильна была злоба на Христа, насколько она убила всякое состраданіе къ Нему за то, что Онъ позволилъ въ Своемъ лицѣ надругаться надъ національно-революціонной идеей, видно изъ того,

что, когда даже Онъ висѣлъ на крестѣ, они кричали: „если ты Сынъ Божій, сойди со креста. Другихъ спасалъ, Себя ли не можешь спасти“. Ихъ ожесточало, что такой чудотворецъ оставался въ поруганномъ видѣ, унижалъ идею царя. Пилатъ, неохотно отпустившій бунтовщика Варавву, въ надписи надъ крестомъ Христовымъ хотѣлъ отмстить іудеямъ со всею силою, за ихъ заступничество за революціонера,—онъ написалъ: „Іисусъ Назорей, Царь Іудейскій“. Книжники и фарисеи упрашивали Пилата пощадить хоть въ этомъ народное самолюбіе. Надпись читали многіе, и она вызывала новыя кощунства. Но Пилатъ отвѣчалъ: „еже писахъ, писахъ“, а подстрекаемый этою надписью народъ съ книжниками, изливалъ свою злобу на Спасителя: другихъ спасалъ, а Себя не можетъ спасти: *„Христосъ, царь Израилевъ, пусть сойдетъ теперь съ креста“*, Марк. 15, 31, 32.—Когда Господь умеръ, многіе возвращались отъ креста; видя мракъ и землетрясеніе, они били себя въ перси, но злоба первосвященниковъ не насытилась и самой смертью Христа. Самое воскресеніе Его изъ мертвыхъ не прекратило этой злобы. Чтобы затмить свѣтъ воскресенія, книжники выдумали невѣроятную басню о кражѣ учениками тѣла Іисусова, и эта басня разошлась по народу сейчасъ же. Воины, не устерегшіе гроба Христова и не воспрепятствовавшіе мнимому похищенію, остались ненаказанными, тогда какъ другіе воины, которые стерегли апостола Петра въ темницѣ, когда Ангелъ вывелъ его оттуда, были казнены Иродомъ (Дѣян. 12, 12). Ясно было, что Христосъ самъ воскресъ, но Іудеи не хотѣли увѣровать въ Того, въ комъ язычники поругали ихъ излюбленную мечту.

Чудеса святыхъ апостоловъ, когда они получили на свои главы Духа Святого въ огненныхъ языкахъ и стали проповѣдывать на разныхъ неизвѣстныхъ имъ дотолѣ языкахъ, на долгое время, на нѣсколько лѣтъ какъ бы парализовали злобу книжниковъ. Они не смѣли вооружать на апостоловъ народъ, чтобы погубить ихъ, какъ погубили ихъ Учителя. Многіе священники увѣровали во Христа, и величали, ублажали апостоловъ люди. Но настроеніе народа измѣнилось, когда онъ справедливо увидѣлъ въ апостолахъ смерть іудейскому человѣконе-

навистѝичеству, когда язычники стали допускаться апостолами въ церковь. Въ народѣ продолжалось напряженное стремленіе къ революціи, разрѣшившееся прямымъ возстаніемъ при Титѣ и Веспасіанѣ, которые и разрушили за это Іерусалимъ. Собирались для возстанія необходимые для него припасы и деньги не только съ жившѝхъ въ Палестинѣ іудеевъ, но и съ отдаленны̀хъ пришельцевъ, которые приходили въ Іерусалимъ на великіе праздники. Іудеи увидѣли, что къ христіанству, которое они считали доселѣ все же своею сектою, присоединяются язычники и что оно открываетъ новые виды, новые горизонты, и вотъ они всюду ходятъ за апостолами; лишь только тѣ обращались къ язычникамъ, какъ іудеи доносятъ на нихъ язычникамъ, или возбуждаютъ противъ нихъ толпу. Но съ особенною силою ненависть противъ христіанства, какъ противъ общечеловѣческаго ученія, сказалась въ исторіи апостола Павла. Когда апостолъ былъ въ Іерусалимѣ, то его оклеветали, что онъ повсюду учитъ противъ народа и закона и мѣста сего, притомъ и эллиновъ ввелъ въ храмъ и осквернилъ святое мѣсто сіе. Апостолъ былъ схваченъ и, если бы не заступничество тысяченачальника, то былъ бы убитъ. Когда начальникъ позволилъ ему говорить народу, то Павелъ началъ рѣчь на еврейскомъ языкѣ. Конечно, одушевленное слово апостола показывало, что его нельзя считать лжецомъ. И Павелъ съ восторгомъ началъ свое оправданіе. Сказавъ о своемъ происхожденіи и о воспитаніи при ногахъ знаменитаго Гамаліила, онъ разсказалъ о томъ, какъ онъ гналъ христіанъ и какъ явился ему на пути въ Дамаскъ Господь, какъ осіялъ его около полудня великій свѣтъ съ неба, и онъ упалъ на землю и слышалъ голосъ, говорившій ему: „Савлъ, Савлъ, что ты гонишь меня? Я отвѣчалъ: кто ты, Господи?— Я Іисусъ, котораго ты гонишь, но трудно тебѣ идти противъ рожна“. Разсказавъ про это видѣніе ему Господа, Павелъ продолжалъ, какъ онъ пришелъ въ Дамаскъ, какъ былъ крещенъ Ананіей, какъ прозрѣлъ народъ, внималъ ему. Но вотъ Павелъ дошелъ въ своей рѣчи до того мѣста, когда въ храмѣ Іерусалимскомъ явился ему Господь и сказалъ: *„Поспѣши и выйди скорѣе изъ Іерусалима, потому что здѣсь не примутъ твоего свидѣтельства обо*

Мнѣ. Я сказалъ: Господи! имъ извѣстно, что я вѣрующихъ въ Тебя заключалъ въ темницы и билъ въ синагогахъ; и когда проливалась кровь Стефана, свидѣтеля Твоего, я тамъ стоялъ, одобрялъ убіеніе его и стерегъ одежды побивавшихъ его. И онъ сказалъ мнѣ: иди. Я пошлю тебя далеко къ язычникамъ" (Дѣян. гл. 21, 22). *До сего слова и времени слушали его, а за симъ подняли крикъ, говоря: истреби отъ земли такого, ибо ему не должно жить. Смерть ему!..* Вскорѣ болѣе сорока человѣкъ поклялись не пить, не ѣсть, доколѣ не убьютъ Павла (Дѣян. 23, 12). Вы видите, что продолженіе іудейской злобы на учениковъ Христовыхъ происходитъ не за уничтоженіе ими преданій старцевъ, закона Моисеева, это было только предлогомъ, чтобы дать законное основаніе ихъ ненависти и преслѣдованію апостоловъ. Они возстаютъ противъ апостоловъ даже не за проповѣдь о воскресеніи Христовомъ. Объ этомъ они терпѣливо выслушиваютъ апостольское слово. Но вотъ когда всенародное, космополитическое, а не національное только значеніе христіанства излагалось апостолами все яснѣе и яснѣе, тогда іудеи не могли примириться уже съ самыми явными чудесами и вооружались противъ апостоловъ съ тою же ненавистью, съ какой возстали противъ своего благодѣтеля, исцѣлителя и учителя Господа Іисуса Христа.

Теперь, вспомнивши все сказанное, нельзя не понять и не согласиться со мной, что ненависть противъ Іисуса Христа возникла потому въ народѣ іудейскомъ, что Онъ не хотѣлъ принять и возглавить собою возстаніе ихъ противъ римлянъ. Разочарованіе во Христѣ и огорченіе за то, что Онъ обѣщалъ имъ вмѣсто политической свободы нравственную и вмѣсто питанія ихъ тѣлесной пищей — пищу и питіе духовное, смѣнились въ ихъ душахъ прямою злобою противъ Него, когда Онъ отказался быть земнымъ царемъ и сталъ обличать ихъ въ ихъ невѣріи и, наконецъ, когда, было, поколебалось ихъ упорство, когда Онъ воскресилъ Лазаря, книжники рѣшили убить Его, опасаясь, что иначе ихъ затѣя разстроится. Христосъ былъ тайно схваченъ и приведенъ къ Пилату. Народъ не зналъ объ этомъ, когда явился къ Пилату ходатайствовать за Варраву и тутъ случайно встрѣтилъ Христа. Народъ

увидѣлъ, что Христосъ-Чудотворецъ не борется, а позволяетъ нечестивому язычнику надругаться надъ идеей національнаго царя. Тогда онъ возненавидѣлъ Христа страшною ненавистью и потребовалъ у Пилата его смерти, пока, наконецъ, сошествіе Св. Духа на апостоловъ не смягчило нѣсколько этой ненависти. Апостолы также пали отъ злобы іудейской, когда въ нихъ народъ увидѣлъ помѣху ихъ національнымъ мечтаніямъ. Не римская власть умертвила Христа, а народъ еврейскій. На смерть Христа осудилъ Пилатъ, но онъ сдѣлалъ это вопреки собственному желанію,—онъ хотѣлъ все время отпустить его,—а по требованію народному; безъ этого требованія съ угрозой, что, если не осудитъ, будетъ недругъ кесаря, онъ видѣлъ бы, что нечего бояться, и отпустилъ бы. Этого требованія не было бы, если бы на Христа не возстали книжники и первосвященники, настроившіе и народъ просить у Пилата Варраву, а не Христа. Конечно, возгорѣвшаяся къ Христу ненависть не была единственною причиной Его осужденія. Безъ предательства Іудина не могли бы взять Христа. Не будь противъ Него давнишней злобной зависти фарисеевъ, не былъ бы Онъ тогда взятъ подъ стражу. Безъ всѣхъ этихъ условій не совершилась бы смерть Господа, а слѣдовательно и наше спасеніе. Но всѣ эти причины были бы безсильны, если бы Христосъ самъ не желалъ пойти на крестную смерть, во исполненіе древнихъ пророчествъ, для нашего искупленія.

Напомню еще разъ, что негодованіе и возмущеніе толпы, охваченной какой-либо идеей, направляется не столько противъ тѣхъ, кто прямо противодѣйствуетъ этимъ ея стремленіямъ и замысламъ, сколько противъ тѣхъ, кто взамѣнъ направленія мыслей и чувствъ народа къ земнымъ и государственнымъ стремленіямъ, выставляетъ возвышенную нравственную и церковную цѣль, которая отвлекаетъ вниманіе народа къ высшимъ стремленіямъ. Вотъ почему и современные намъ революціонеры съ особенною яростью возстаютъ противъ такихъ общественныхъ дѣятелей, какъ недавно скончавшійся отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. Въ 1905—6 годахъ въ красныхъ журналахъ вылилась вся злоба ихъ на этого проповѣдника нравственнаго совершенства и христіанскаго дѣланія.

Пускались въ ходъ всевозможныя клеветы, чтобы унизить его прославленное имя. Его изображали то въ самыхъ отвратительныхъ позахъ, то въ смѣшномъ и тупомъ видѣ. Ненавистники добродѣтелей подвижника забыли, что тотъ, котораго они съ такимъ цинизмомъ злословили, имѣлъ 77 лѣтъ отъ роду. Но злоба такъ слѣпа, что ничего не видитъ.

И вамъ, добрымъ христіанамъ, приходилось вѣроятно въ это печальное время терпѣть озлобленіе и ненависть со стороны не только чужихъ, но и со стороны вашихъ знакомыхъ, родныхъ, даже собственныхъ дѣтей за благочестивую жизнь и за вниманіе къ слову Церкви. Знайте же, что эта ваша горькая участь есть блаженная участь Господа Іисуса. Утѣшайте себя этимъ. И какъ Онъ, будучи распинаемъ, молился за своихъ враговъ: „*Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ*“ (Лук. 23, 34), такъ и вы, когда вамъ за вашу вѣру и благочестіе приходится терпѣть ненависть и насмѣшки, скажите въ вашемъ сердцѣ: „Отче, прости имъ, и они не вѣдаютъ, что творятъ“.

Архіепископъ Волынскій Антоній.

III.

Въ тихой пристани.

(Посвящается братіи Зосимовой пустыни.)

Пересматривая передъ 1500-лѣтнимъ юбилеемъ св. Іоанна Златоуста его творенія и нѣкоторыя статьи о немъ, я встрѣтилъ одну мысль вселенскаго учителя, на которую раньше не обращалъ вниманія. Разумѣю совѣтъ святителя христіанскимъ родителямъ его времени отдавать дѣтей на воспитаніе въ монастыри. Совѣтъ этотъ, предлагавшійся Іоанномъ Златоустомъ очень настойчиво, вызывался сознаніемъ опасности, какой подвергались дѣти-христіане, учась въ языческихъ школахъ, за неимѣніемъ христіанскихъ. Златоустъ полагалъ, что, хотя бы „курсъ ученія“ въ монастырѣ „истинному любомудрію“ продолжался 10 и даже 20 лѣтъ, этому не слѣдовало бы препятствовать; срокомъ пребыванія питомцевъ въ монастырѣ должно, по его мнѣнію, служить достиженіе юношами полной *зрѣлости* въ благочестивомъ настроеніи и нрав-

ственной жизни. Только тогда, утверждаетъ Златоустъ, будетъ отъ нихъ великая польза и имъ самимъ, и родителямъ, и обществу, потому что тогда они явятся *истинными свѣтильниками, всеобщими благодѣтелями, врагами общественныхъ язвъ и неустройствъ.*

Эти сужденія св. Златоуста перенесли мою мысль съ далекаго юга, родины святителя, на дальній сѣверъ, гдѣ и теперь въ одной изъ старѣйшихъ обителей нашихъ совершается систематически воспитаніе подрастающаго поколѣнія сѣвернаго края. Ежегодно въ великую обитель Соловецкую притекаютъ во множествѣ (многіе десятки-сотни) отроки-юноши, чтобы потрудиться на островѣ, освященномъ трудами и молитвами святыхъ Зосимы и Савватія. Обучаясь тамъ всякимъ мастерствамъ, молодые люди обучаются и „истинному любомудрію“, и, прежде всего, столь пренебрегаемой въ наше время и обезцѣниваемой добродѣтели *послушанія* (въ широкомъ смыслѣ этого слова), которая, когда они возвратятся подъ кровъ родительскій, вноситъ въ семью благоуханіе мира, все дальше и дальше отступающаго теперь отъ семейнаго очага. Большая часть этой молодежи проводитъ *годъ* въ обители Соловецкихъ чудотворцевъ, почему они и именуются *годовиками;* другіе остаются на два года и больше, а иные и навсегда.

Но не на нихъ однихъ, дѣтяхъ сѣвера и дѣтяхъ исключительно простого народа, мы можемъ наблюдать воспитательное вліяніе монастырей, оправдывающее взглядъ св. Златоуста, высказанный полторы тысячи лѣтъ тому назадъ. Мы знаемъ, что и для *всего* русскаго крестьянства обители, хранящія великій духъ своихъ основателей, часто даже одни святые останки ихъ, являются духовными питомниками и врачебницами, вдохновляющими, утѣшающими и исцѣляющими смиренныхъ тружениковъ земли родной. Стоитъ вспомнить о лаврахъ Почаевской, Кіевской, Троице-Сергіевой, привлекающихъ ежегодно десятки тысячъ „скорбящихъ и озлобленныхъ“, чающихъ Христова утѣшенія.

За нравственной поддержкой, за „врачествомъ“ для души, за „немерцающимъ свѣтомъ“ Христовой истины идутъ въ эти святыя обители и многіе, многіе интеллигентные люди. И не прославленные только, получившіе

историческое значеніе лавры, съ драгоцѣнными мощами праведниковъ, привлекаютъ къ себѣ этихъ интеллигентныхъ „искателей вѣчной правды“, которой не нашли они ни въ „храмахъ науки ни въ разнообразныхъ мірскихъ сообществахъ“. Можетъ-быть, больше, чѣмъ эти святыни, притягиваютъ ихъ къ себѣ „добрые“ иноки, хранящіе, по прекрасному выраженію Θ. М. Достоевскаго, „образъ Христовъ“. Передо мной лежитъ письмо одной молодой дѣвушки, посѣтившей въ этомъ году одну изъ старѣйшихъ русскихъ обителей, особенно прославившуюся такъ-называемымъ „старчествомъ“. „Старцы“—христіанскіе мудрецы, они-то и составляютъ главное украшеніе и притягательную силу этой замѣчательной пустыни. Ради нихъ посѣщали ее и иногда подолгу живали въ ней выдающіеся русскіе писатели—Достоевскій, Владиміръ Соловьевъ, Толстой, Кирѣевскій и другіе. Что же даетъ душѣ интеллигентнаго пришельца монастырь съ его насельниками, иноками-простецами? На это отвѣчаетъ письмо, о которомъ я упомянулъ. Вотъ какъ передаетъ дѣвушка впечатлѣнія, вынесенныя ею изъ Оптиной: „Не знаю, сумѣю ли передать вамъ, какъ хочется, объ Оптиной. Съ внѣшней стороны было такъ: прожила я тамъ три недѣли, исходила тамошніе лѣса,—долгіе, долгіе часы просиживала надъ тихой Жиздрой, наслаждаясь тишью, возможностью никуда не торопиться—и думать, думать. Отдохнула я тамъ и душой и тѣломъ. И еще больше прелести было въ томъ, что я, тамъ никому неизвѣстная, издалека пріѣхавшая, чувствовала, что ни одна душа меня тамъ не обидитъ, что любятъ меня тамъ, любятъ не за воображаемыя добродѣтели, не за услуги, которыхъ, конечно, не могла имъ оказать я, не по кровному родству, а просто потому, что я—человѣкъ, и они—люди. Только тамъ я поняла, какъ тяжело на насъ ложится внѣшняя жизнь... Самое завѣтное, самое дорогое мнѣ, вѣру, какъ я привыкла прятать отъ людей, боясь, какъ бы они не сдѣлали больно, не тронули неосторожно, не оскорбили! И какая масса силъ уходитъ на это скрытничанье—и все же иногда дѣлаютъ больно. А тамъ я почувствовала, что нечего мнѣ бояться, не отъ кого прятаться—и полной грудью я вздохнула въ первый разъ въ жизни, можетъ-

быть. Ничего, похожаго на матеріальный вопросъ, тамъ нѣтъ. Я думала, что нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ такого угла, гдѣ бы не играли роль деньги, и даже смѣшно, но и умилительно вспомнить, что, когда я расплачивалась, уѣзжая (а платила я тамъ гроши), гостинникъ, не беря денегъ, мрачно такъ, исподлобья поглядывая на меня, спросилъ: „Довольно ли ты на дорогу себѣ оставила? Хватитъ ли?“ Я даже не поняла, о чемъ онъ говоритъ: никогда, нигдѣ еще не случалось мнѣ расплачиваться такъ, чтобы интересовались, остаются ли у меня деньги,—а то, молъ, не отдавай мнѣ всего... *И все въ этомъ духѣ.* Я и не подозрѣвала, чтобы могла быть такая жизнь. Я только теоретически думала, что въ имени Христовомъ разрѣшеніе всѣхъ проблемъ общественныхъ, экономическихъ, но только теперь узнала, что есть крохотная точка на огромномъ пространствѣ земли русской, гдѣ эта теорія воплощена уже, гдѣ можно близко чувствовать вѣяніе духа Христовой любви.

А затѣмъ (это уже о внутреннемъ), только тамъ я въ первый разъ говѣла какъ слѣдуетъ, хотя раньше и имѣла смѣлость думать, что отношусь какъ слѣдуетъ къ этому таинству. Только теперь я поняла, что такое исповѣдь. Въ первый разъ въ жизни поняла, какъ я нуждаюсь въ прощеніи, какъ много, много во мнѣ дурного и стыднаго, и какъ нужны мнѣ милость и снисхожденіе. И воспоминаніе о томъ, какой я себя ничтожной чувствовала тогда и какъ нуждалась въ милости, и какъ мнѣ эту милость дали—совсѣмъ по-новому окрасило жизнь мою. Никогда раньше не случалось мнѣ такъ всѣмъ существомъ все это переживать. Знаете, въ какой-то изъ своихъ статей, въ „Дневникѣ писателя“, Достоевскій, призывая судъ къ помилованію уголовной преступницы, говоритъ, что это помилованіе подѣйствуетъ на нее сильнѣе осужденія, что всю жизнь будетъ она помнить, что она „прощеная“. Я раньше это понимала, но только по отношенію къ той уголовной преступницѣ, а теперь поняла, что значитъ чувствовать себя *прощеной.* И какъ странно, что я, до 21 года дожившая, считая себя христіанкой, только теперь поняла это. А вѣдь здѣсь корень всей философіи жизненной, что ли: гдѣ ужъ мнѣ осу-

ждать другихъ, когда я сама нуждалась въ прощеніи и получила его изъ милости. Иной разъ готово сорваться рѣзкое, гордое слово съ губъ—и вдругъ вспомнишь: „да, вѣдь, я сама прощеная“; иногда, по старой привычкѣ, занесешься мыслями высоко, высоко, и начнешь въ душѣ бунтовать,—да вспомнишь, какой была тогда, въ тѣ минуты, маленькой, и какъ много получила отъ Бога, простившаго все, отъ человѣка, доведшаго меня до сознанія и сумѣвшаго не осудить, не презирать меня тогда, когда я сама себя такъ презирала—и бунтъ прекращается, и боишься, какъ бы ненарокомъ не оторваться отъ Церкви, отъ этихъ людей, отъ Бога... Я не хочу этимъ сказать, что ничего дурного теперь не дѣлаю и не сдѣлаю,—и дѣлаю, и бунтую, и говорю,—да все это иначе освѣщается и иначе оцѣнивается въ свѣтлыя минуты, труднѣе стало оправдывать самое себя со своими недостатками; дѣлаешь дурное, но уже не оправдываешь его, а называешь своимъ именемъ“.

Духовное сокровище, полученное въ монастырѣ, вызвало въ сердцѣ дѣвушки такое влеченіе къ мѣсту, гдѣ обрѣла она сокровище, что, вернувшись домой, она, по ея словамъ, все ходила и твердила: „Я хочу въ Оптину“. „Понимаю, что это нелѣпо, понимаю, что этого нельзя, а иначе чувствовать не могу“.

Къ счастію, не одна Оптина является такимъ благодатнымъ питомникомъ для насъ, русскихъ интеллигентовъ, взыскавшихъ безцѣнный жемчугъ—Христа. То, что дала древняя обитель этой дѣвушкѣ, даетъ десяткамъ, и многимъ десяткамъ, не имѣющихъ здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскующихъ, пустынь, лишь въ послѣднія десять лѣтъ засіявшая свѣтомъ невечерняго дня. Я говорю о Зосимовой пустыни, лежащей въ 15—16 верстахъ отъ Сергіевой Лавры и находящейся въ административной зависимости отъ послѣдней. Это духовный оазисъ, въ которомъ находятъ пристанище и воду живую не только москвичи, все въ большемъ и большемъ количествѣ туда притекающіе, особенно во время постовъ, но и жители далекихъ окраинъ. Мнѣ приходилось встрѣчать тамъ обитателей Олонецкой губерніи, Петербургской, Рижской, Волынской, Кіевской, Херсонской, Казанской, Саратовской,

не говоря о болѣе центральныхъ. Вы можете увидѣть тамъ людей самаго разнообразнаго общественнаго положенія и умственнаго развитія: титулованныхъ аристократовъ, видныхъ общественныхъ дѣятелей, ученыхъ профессоровъ, академистовъ-священниковъ и ученыхъ монаховъ, игуменій, студентовъ духовной академіи, университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, учительницъ, учителей всякихъ школъ, врачей, словомъ, людей всякаго званія и состоянія.

Что же влечетъ ихъ всѣхъ въ эту небольшую, мало примѣтную, обитель? Не красоты природы, не прославленныя святыни: ни тѣмъ ни другимъ не можетъ похвалиться скромная, затерявшаяся въ невысокомъ лѣсу Смоленская Зосимова пустынь. Влекутъ туда тѣ же старцы, тѣ же врачи духовные, тѣ же пѣстуны во Христа, которые украсили собою и пустынь Оптину.

Передо мной сейчасъ уже не письмо юной дѣвушки, а дневникъ зрѣлаго мужа, пережившаго періодъ сомнѣнія и страданія и приведеннаго Богомъ въ келію одного изъ названныхъ старцевъ. Дѣлаю по необходимости лишь краткую выписку изъ этого дневника: „Вѣдь это давно я считаюсь съ голосомъ, взывающимъ о покаяніи! Но довелось мнѣ покаяться только теперь, когда я пришелъ къ человѣку, „власть имѣющему“, помочь мнѣ. Тутъ нечего, конечно, доказывать. Все—дѣло опыта, и я благодарю Бога, что онъ далъ мнѣ такъ сознательно пройти этотъ опытъ. Я не буду говорить о „власти“ этого человѣка, но скажу о своемъ душевномъ переживаніи. Только тутъ, передъ распятіемъ, съ одной стороны, и передъ о. N., съ другой, я уразумѣлъ, какъ трудно и какъ сладостно покаяніе. То, что казалось отошедшимъ въ далекое прошлое (по совѣту о. N. я пересмотрѣлъ свою жизнь съ 7-лѣтняго возраста), стало проясняться, выступать впередъ, принимать образъ и смущать совѣсть. Какъ боязливая душа хотѣла бы закрыть глаза на разныя мелочи! Но, какъ нарочно, чѣмъ больше порывалась она это сдѣлать, тѣмъ ярче становились эти мелочи, и тѣмъ большимъ стыдомъ жгли онѣ ее. Какъ стыдно было выводить на свѣтъ эти мелочи, эти, думалось, забытыя, потерявшія значенія ничтожности. Многое далось съ боя, тяжелой, мучительной

борьбой. Господь услышалъ молитву и помогъ мнѣ обнажить передъ врачомъ позорныя язвы, дабы получить исцѣленіе. Изъ келіи старца я вышелъ въ слезахъ, но это были не удручающія слезы. Вечеромъ въ этотъ день я долго не могъ уснуть, и съ устъ не сходила молитва Іисусова... На другой день я получилъ то, о чемъ и помыслить боялся"...

И здѣсь, какъ и на примѣрѣ дѣвушки, наблюдается претвореніе „ветхаго человѣка", тлѣющаго въ похотяхъ, въ „новую тварь", созиданіе его „по образу и подобію истины".

Одна очень интеллигентная и болѣзненно сложная женщина писала, побывавъ у о. N. и испытавъ на себѣ его благодатное вліяніе: „онъ умирилъ мою душу, покрывъ ея сложность своею простотою, простотою Христова мудрованія". Да, въ этомъ Христовомъ мудрованіи старцевъ и заключается ихъ сила; благодаря ему они и дѣлаютъ приходящихъ къ нимъ причастниками того „истиннаго любомудрія", ради котораго и совѣтовалъ Златоустъ современнымъ ему родителямъ отдавать дѣтей на воспитаніе въ монастыри.

Невольно вспоминаются слова,—не пророческія ли?—упомянутаго нами великаго писателя нашего и серцевѣдца, Ѳ. М. Достоевскаго: „Сколько въ монашествѣ смиренныхъ и кроткихъ, жаждущихъ уединенія и пламенной въ тишинѣ молитвы! На сихъ меньше указываютъ и даже обходятъ молчаніемъ вовсе, и столь подивились бы, если скажу, что отъ сихъ кроткихъ и жаждущихъ уединенной молитвы выйдетъ, можетъ-быть, еще разъ спасеніе земли русской! Ибо воистину приготовлены въ тишинѣ „на день и часъ, и мѣсяцъ и годъ". Образъ Христовъ хранятъ пока въ уединеніи своемъ благолѣпно и не искаженно, въ чистотѣ правды Божіей, отъ древнѣйшихъ отцовъ, апостоловъ и мучениковъ, и, когда надо будетъ, явятъ его поколебавшейся правдѣ міра".

„Невѣрующій дѣятель у насъ въ Россіи ничего не сдѣлаетъ, даже будь онъ искрененъ сердцемъ и умомъ геніаленъ", пишетъ тотъ же Ѳ. М. Достоевскій. „Берегите народъ и оберегайте сердце его. Въ тишинѣ воспитайте его. Вотъ вашъ иноческій подвигъ, ибо сей народъ бого-

носецъ", заключаетъ свое слово объ инокѣ русскомъ православный писатель-художникъ.

Воспитаніе народа и не прекращалось, слава Богу, во многихъ монастыряхъ русскихъ, хотя, конечно, для иныхъ обителей можно бы пожелать большаго успѣха и большаго вниманія къ этому великому и отвѣтственному дѣлу. Но за послѣднее, и странно, столь безрелигіозное время, приходится наблюдать съ отрадой усиленное, хотя и непредумышленное, воздѣйствіе русскаго монастыря на интеллигентный слой народа, такъ много содѣйствовавшій охлажденію этого народа къ вѣрѣ Христовой. Воспитаніе *этого слоя* въ духѣ Христовой истины—дѣло не меньшее, чѣмъ охраненіе въ *народѣ* еще живыхъ началъ этой истины. Да хранитъ же Господь и васъ самихъ, святыя обители, и тебя, дорогая наша Зосимова пустынь, отъ всякой напасти и козни вражіей, преисполняя насельниковъ вашихъ духомъ кротости, смиренія, мира и любви!

М. Н.

Парламентаризмъ и его оцѣнка на Западѣ.

1906 годъ ознаменовался насажденіемъ въ Россіи западно-европейскаго парламентаризма.

Основныя черты этой формы государственнаго правленія опредѣляются наличностью, во 1-хъ, палаты выборныхъ представителей народа, обладающей законодательною, финансовою и контрольною властью, и, во-2хъ, министерства, политически отвѣтственнаго предъ палатою и потому неизбѣжно составляемаго изъ членовъ преобладающей въ ней партіи.

Правда, министерство у насъ пока еще не отвѣтственно передъ Государственною Думой, но при современномъ направленіи нашей внутренней политики—дѣло быстрыми шагами идетъ къ этому.

Первый опытъ созыва всероссійскаго представительнаго собранія оказался въ высшей степени неудачнымъ. Несмотря на изумительное долготерпѣніе Монарха, палату черезъ два съ половиною мѣсяца пришлось распустить.

Можно ли надѣяться, что вторичное созваніе народныхъ представителей, назначенное на 20 февраля 1907 года, будетъ опытомъ болѣе удачнымъ?

Нѣтъ—нельзя надѣяться! Въ то самое время, когда мы заимствуемъ и поспѣшно насаждаемъ у себя западныя парламентарныя формы государственнаго устройства, тамъ, на Западѣ, возникаетъ и быстро растетъ крайнее недовольство этой системой. Множество писателей, въ цѣломъ рядѣ работъ, спеціально посвященныхъ вопросу о парламентаризмѣ, констатируютъ это недовольство *).

---

*) Въ цѣляхъ сбереженія мѣста мы будемъ цитировать этихъ авторовъ, равно какъ и прочіе источники, сокращенно, а здѣсь приведемъ списокъ и разъясненіе этихъ сокращеній:

Sp., M. v. St.=H. Spencer, The man versus the State, 1892 (издано вмѣстѣ съ Social Statics).

Парламентъ работаетъ плохо (Pell., Parl., 88), парламентская система неудачна, „il sistema è spagliato“ (Fava. Princ., 18)—говорятъ *итальянцы*. Парламентаризмъ повсюду переживаетъ кризисъ (Eicht., Souv., 277)—заявляютъ *французы*. Парламентарныя формы правленія не имѣютъ творческой силы, „keine schöpferische Kraft haben“ (Off., Parl.; 5), парламентаризмъ на континентѣ пережилъ самъ себя (Schöff., Parl., 28)—подтверждаютъ *нѣмцы*. Всѣ, даже парламентскіе дѣятели, признаютъ парламентаризмъ никуда негодной формой правленія (die corrupteste Regierungsform), такъ что лишь люди особой породы карьеристовъ-дѣльцовъ (Streber und Macher) чувствуютъ себя въ этомъ тинномъ морѣ (Schlammeer) хорошо и удобно (Schöff., Parl., 2).

Тридцать лѣтъ тому назадъ господствовала всеобщая

Off., Parl.=Alfr. Offermann, Parlamentarismus contra Staat in unserer Zeit, 1898.

Off. Fan.=Alfr. Offermann, Wachsender Fanatismus für allmächtige Staatseingriffe, 1894.

Walck., Gef.=K. Walcker, Die Gefahren des Konstitutionalismus und ihre Gegenmittel, 1896.

Hol., Ach.=Edm. Holenia, Die Achillesferse des Konstitutionellen Systems, 1896.

Schöff., Parl.=Jos. Schöffel, Der Parlamentarismus, 1902.

Zenk., Ref.=E. V. Zenker, Reform des Parlamentarismus, 1902.

Spring., Mehrh.=Rud. Springer, Mehrheits-oder Volksvertretung? 1904.

Grunw. It. Zw. K.=M. Grunwald, Geschichte des italienischen Zwangskurses, Finanz-Archiv, 1894, I Band, S. S. 81—151.

Sen., Parl.=Paul Seneca, Le parlamentarisme, 1897.

Elchth., Souv.=Eug. Eichthal, Souverainete du peuple et gouvernement, 1895.

Pioger, Vie. Soc.=J. Pioger. La vie sociale, la morale et le progres, 1894.

Fava, Princ.=Nicc. Fava Principe, Governo, Popolo, 1895.

Chim., Vita=Pietro Chimienti, la vita politica et la pratica del regime parlamentare, 1897.

Sigh., C. P.=Sighele, Contro il parlamentarismo, 1895.

Pell., Parl.=Lomb. Pellegrino, La Questione del parlamentarismo, 1896.

Stead, Sat.=W. Stead, Satan's iuvisible world displayed, 1898.

Hird, Cry=Frank Hird, The cry of the children, 1898.

Янж., Синд.=Янжулъ, Промысловые синдикаты, 1896.

Ann.=The Annals of American Academy of political and social sciences.

В. Е.=„ВѣстникъЕвропы“.

М. Б.=„Міръ Божій“.

Р. М.=„Русская Мысль“.

Н. Сл.=„Новое Слово“.

непоколебимая вѣра въ спасительную силу парламентаризма; въ теченіе одного поколѣнія эта вѣра уступила мѣсто полнѣйшему скептицизму (Spring., Mehrh., 5). Парламентаризмъ вызываетъ крайнее недовольство въ Австріи (Spring., Mehrh., 6). Германія недовольна своими парламентаріями: Бисмаркъ неоднократно выражалъ изумленіе по поводу политической неспособности Германскаго Рейхстага; „а вѣдь Германія—очень образованная страна“, добавлялъ онъ не безъ горечи (Schöff., Parl., 8).

Англичанинъ Nodley, въ книгѣ „France“, изданной въ 1898 году, отмѣчаетъ, *что Франція* разочаровалась въ парламентаризмѣ (см. М. Б., 1899, I, 93, 99, 112); Emile Faguet въ 1902 году называетъ французскій парламентаризмъ злѣйшимъ врагомъ свободы и не видитъ спасенія ни откуда (см. В. Е., 1903, мартъ, 157, 164).

Итальянцы не менѣе безнадежно смотрятъ на свой парламентаризмъ. Fiamingo полагаетъ единственное спасеніе въ *уничтоженіи парламента* (...sopprimendo le camere parlamentari), какъ учрежденія, вносящаго въ жизнь лишь нравственное разложеніе и поощряющаго соціальный паразитизмъ (Chim., Vita, 325). Извѣстный итальянскій политическій дѣятель, министръ народнаго просвѣщенія Bonghi (см. Schöff., Parl., 5; Pell., Parl., 115), отзывается въ высшей степени рѣзко объ итальянскомъ парламентаризмѣ, отдающемъ страну во власть недобросовѣстныхъ политическихъ дѣльцовъ, и о будущности итальянскаго парламента высказывается словами поэта:

Questi è un uomo che morrà.

Дѣйствительно, *парламентскія злоупотребленія въ Италіи грандіозны;* напримѣръ, съ 1885 по 1889 годъ на постройку желѣзныхъ дорогъ истрачено 898 милліоновъ лиръ, при чемъ желѣзныя дороги по большей части проведены по ущельямъ горъ и по пустыннымъ морскимъ берегамъ, какъ бы умышленно обходя населенныя мѣстности, нуждающіяся для своего развитія въ усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія; и стоимость постройки вдвое превышаетъ смѣтныя предположенія (Pell., Parl., 108—109).

Въ Испаніи конституціонализмъ есть не что иное, какъ

„организованное нападеніе на карманы народа“ (Брунсъ, статья въ North American Review, см. М. Б., 1902, VIII, 65).

Даже *въ Англіи*, классической странѣ парламентаризма, за послѣднее время наблюдается недовольство; „либеральныя“ парламентскія реформы XIX вѣка не только разстроили вѣками сложившійся характеръ государственнаго правленія Англіи, но и подорвали самую основу англійскаго государственнаго устройства—систему Selfgovernment'a (Off., Parl., 51, 52—53, 76). Гербертъ Спенсеръ высказался однажды въ такомъ смыслѣ, что борьба съ парламентаризмомъ есть насущная задача для англійскаго народа (Sp., M. v. St., 403).

Не лучше обстоитъ дѣло въ Америкѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ политическая продажность сдѣлалась явленіемъ обычнымъ; политиканы выступаютъ тамъ открыто въ роли избирательныхъ антрепренеровъ (impressari di voti); голоса продаются съ публичнаго торга; депутаты и сенаторы входятъ въ сдѣлки съ банкирами и желѣзнодорожными компаніями и, за опредѣленное вознагражденіе, обязываются противодѣйствовать всякому закону, для тѣхъ нежелательному. Такъ пишетъ о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ французъ Bourget (см. Pell., Parl., 110), но и сами американцы не лучшаго мнѣнія о своихъ парламентскихъ представителяхъ: напримѣръ, Клаудъ говоритъ, что „Національный Конгрессъ, когда-то самое чистое и патріотическое учрежденіе въ мірѣ, оказался въ данномъ случаѣ (желѣзнодорожное законодательство) какъ бы главной квартирой всѣхъ недобросовѣстныхъ людей американской націи“ (см. Янж., Синд., 164—165, примѣч.).

Въ результатѣ получилось крайнее недовѣріе американцевъ ко всякому выборному управленію, недовѣріе, о которомъ неоднократно и съ особеннымъ удареніемъ упоминаетъ Вильямъ Стэдъ въ своей знаменитой книгѣ—„Разоблаченіе невидимаго царства Сатаны“ (Stead., Sat., 55, 68, 159, 162, 194). Муниципальныя злоупотребленія достигли въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, наконецъ, такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что большіе города для спасенія отъ муниципальнаго парламентаризма обратились ни болѣе ни менѣе, *какъ къ банапартизму!* (Stead, Ib., 162—163, 167). Бонапартизмъ есть не что

иное, какъ плебисцитарная диктатура; и вотъ оказывается, что американскіе города учреждаютъ у себя мэровъ съ диктаторской властью. Впервые такая диктатура городского головы создана была въ Бруклинѣ, въ 1822 году, и такой мэръ съ колоссальными полномочіями называется тамъ—the Tsar-Mayor, т.-е. царьголова (Stead, Ib., 166, 173). Послѣ того такіе же мэры-диктаторы (иногда съ нѣкоторыми ограниченіями власти—и опять-таки изъ-за недовѣрія) созданы въ очень многихъ городахъ: въ Чикаго, въ городахъ штата Иллинойсъ, въ Кливелендѣ, въ Нью-Іоркѣ, въ Бостонѣ, во всѣхъ городахъ штата Индіана, въ четырехъ крупнѣйшихъ городахъ штата Пенсильванія (Stead, Ib., 173, 175, 176, 177; Ann., 1906, I, 141). Сверхъ того образовавшаяся въ Соединенныхъ Штатахъ лига для проведенія муниципальныхъ реформъ (National Municipal League) поставила одною изъ своихъ задачъ—расширеніе власти мэровъ, въ особенности въ дѣлѣ назначенія и увольненія муниципальныхъ служащихъ, исключая контролера (Ann., 1906, I, 141). Многіе предсказываютъ, что подобныя муниципальныя реформы неизбѣжны и въ англійскихъ городахъ (Stead., Ib., 166).

Недовольство парламентаризмомъ замѣчается даже въ наиболѣе демократической странѣ—въ Австраліи (Walck., Gef., Ш).

Не удивительно поэтому, что осужденія парламентаризма, и въ самой рѣзкой формѣ, встрѣчаются на каждомъ шагу. Парламентаризмъ есть никуда негодная форма правленія (Schöff., Parl., 2); лишь слѣпцы не видятъ процесса разложенія, вносимаго въ государственную жизнь парламентаризмомъ (Off., Parl., 98); парламентаризмъ грозитъ опасностью всему обществу (Schöff., Parl., 1), ведетъ къ анархіи (Eichth., Souv., 242), ибо представляетъ собою не что иное, какъ постоянную междоусобную войну (Sén., Parl., 34).

Однако, скажутъ сторонники парламентаризма, система эта въ XIX вѣкѣ распространилась по всему цивилизованному міру, и такое быстрое распространеніе есть лучшее доказательство ея благотворности (Zenk., Ref., 6, 12).

На самомъ же дѣлѣ фактъ этотъ самъ по себѣ ничего не говоритъ въ пользу парламентаризма; быстрое всеобщее распространеніе этой системы объясняется слѣпымъ подра-

жаніемъ, заимствованіемъ внѣшнихъ формъ англійскаго государственнаго устройства—безъ пониманія существеннѣйшихъ характерныхъ особенностей его внутренней организаціи.

Ошибочное пониманіе англійской конституціи начинается съ того момента, когда на нее впервые обратили вниманіе, т.-е. съ появленіемъ книги о „Духѣ Законовъ“ Монтескье, который отнесся къ предмету весьма поверхностно и отмѣтилъ въ англійской конституціи лишь чисто внѣшній фактъ—раздѣленіе властей.

Къ фантастической конституціонной доктринѣ Монтескье присоединено было не менѣе фантастическое ученіе о суверенитѣ народа Руссо, совершенно игнорировавшаго права меньшинства и интересы отдѣльныхъ общественныхъ круговъ въ государствѣ; и вотъ на этой доктринерской основѣ построена вся теорія и практика современнаго конституціолизма (Off., Parl., 56).

Монтескье, какъ сказано, понялъ англійскую конституцію въ высшей степени поверхностно, съ чисто формальной стороны: условія англійской общественной жизни, какъ необходимыя основы этой конституціи, онъ проглядѣлъ; ему не только осталась совершенно неизвѣстной англійская система самоуправленія (selfgovernment), но даже самое понятіе *государственнаго управленія* ему было чуждо *). Сущность англійской конституціи представлялась ему въ видѣ равновѣсія трехъ раздѣленныхъ властей—законодательной, судебной и еще третьей власти, которую онъ назвалъ *исполнительной*; всѣ же остальныя внутреннія, наилучшія, существеннѣйшія стороны англійской государственной жизни ему остались неизвѣстны. (Off., Parl., 56). Вообще, все англійское государственное устройство было понято совершенно превратно —англійскую перію принимали за потомковъ феодальной аристократіи, между тѣмъ какъ она сформировалась изъ представителей дворянскихъ родовъ, участвовавшихъ въ мѣстномъ само-

*) Ученіе о государственномъ управленіи разработано въ XIX вѣкѣ нѣмецкими. государствовѣдами, главнымъ образомъ Лоренцомъ Штейномъ и Робертомъ Молемъ; съ тѣхъ поръ вмѣсто власти исполнительной (vollziehende Gewalt) въ наукѣ государственнаго права говорятъ уже о власти правительственной (Verwaltung).

управленіи; палату общинъ считали представительствомъ народа, свободно группирующагося при выборахъ, сообразно сходству или различію индивидуальныхъ интересовъ, между тѣмъ какъ это было представительство общинныхъ союзовъ; всю англійскую конституцію считали системой равновѣсія трехъ раздѣленныхъ властей, а между тѣмъ она основывалась на selfgovernment'ѣ, какъ системѣ равновѣсія политическихъ правъ и обязаностей (Off., Parl., 57, 85—86).

И вотъ по такому фальшивому, доктринерскому шаблону начали выкраивать европейскую конституцію, забывая, что условія жизни на континентѣ совершенно иныя, чѣмъ въ Англіи, и что англійское государственное устройство не придумано, не сочинено, а выработалось постепенно самою жизнью, развилось историческимъ путемъ (Hol., Ach., 6 Off., Parl., 97).

Когда Іоаннъ Безземельный вынужденъ былъ дать Великую хартію, то политическія права получили только высшія сословія. Но затѣмъ законодательство первыхъ четырехъ Эдуардовъ распространило эти права и на среднія сословія въ составѣ общинныхъ союзовъ; такимъ путемъ создалось знаменитое англійское самоуправленіе—selfgovernment (Off., Parl., 16).

Самоуправляющіяся земскія единицы, графства, получили такое устройство, каторое связывало каждаго члена общества съ высшей государственной властью—какъ въ сферѣ военной организаціи, такъ въ сферѣ отправленія правосудія, равно въ полицейской организаціи и податномъ дѣлѣ.

Лица, подлежащія призыву на военную службу (не освободившіяся отъ нея посредствомъ уплаты особаго нало га) образовали милицію, состоявшую въ мирное время подъ начальствомъ представителя королевской власти въ графствѣ—шерифа; въ случаѣ войны король присылалъ спеціалистовъ военнаго дѣла, которые и придавали окончательную военную организацію этой милиціи, приводили ее въ боевую готовность (Off., Parl., 18).

Въ сферѣ суда образовались суды присяжныхъ; высшая судебная власть принадлежала шерифу же. Замѣчательно, что шерифъ, хотя и назначался королемъ, но

долженъ былъ непремѣнно быть мѣстнымъ землевладѣльцемъ съ опредѣленнымъ цензомъ (Off., Parl., 18—19).

Полицейская власть сосредоточилась въ рукахъ мировыхъ судей, назначаемыхъ королемъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ; потомъ ихъ компетенція очень расширилась, и къ полицейскимъ функціямъ присоединилась власть судебная (Off., Parl., 19).

Въ дѣлѣ взиманія правительствомъ налоговъ графства стали играть также очень важную роль, такъ какъ раскладка налоговъ между плательщиками внутри графства производилась при непремѣнномъ участіи мѣстныхъ выборныхъ людей (Off., Parl., 20).

Такъ сложилось selfgovernment— мѣстное управленіе, въ формѣ службы изъ чести со стороны лицъ высшаго и средняго сословія и на основахъ самообложенія; существо этой системы состоитъ въ распредѣленіи денежныхъ повинностей, личной службы и почетныхъ должностей по опредѣленному масштабу и при наличности строго опредѣленныхъ правъ и обязанностей. Для каждаго было понятно, что его политическія права суть коррелативъ его политическихъ обязанностей; власть, правда, принадлежала лишь высшему и среднему сословію, но обладаніе ею обусловливалось платимыми ими крупными налогами и безвозмезднымъ отправленіемъ должностей, съ которыми связана эта власть (Off., Parl., 21).

Изъ круга лицъ, несшихъ почетную службу въ графствахъ въ качествѣ мировыхъ судей, присяжныхъ и т. д., выходили члены парламента, явившіеся туда съ большимъ запасомъ опыта, на дѣлѣ—путемъ прохожденія службы—ознакомившіеся съ законодательствомъ въ его практическомъ примѣненіи со всѣми его достоинствами и недостатками (Off., Parl., 76). Если мы припомнимъ, что должностныя лица англійскаго самоуправленія, принадлежа къ мѣстнымъ сословіямъ, тѣмъ не менѣе назначались королевскою властью—то намъ станетъ совершенно ясною та неразрывная связь англійской конституціи съ мѣстнымъ самоуправленіемъ (selfgovernment), которая по справедливости считается основою всего англійскаго государственнаго устройства (Off., Parl., 75, 76, 64).

Въ этой организаціи selfgovernment'а лежала и гарантія

противъ злоупотребленія властью со стороны высшихъ чиновниковъ страны или (впослѣдствіи) со стороны господствующей парламентской партіи (Off., Parl., 64); свобода, честь и имущество личности находились подъ охраною мѣстныхъ властей—полицейской, судебной и финансовой, оказывались благодаря этому недосягаемыми для представителей высшей государственной власти (Off., Parl., 44).

Континентальные доктринеры, усердно насаждающіе парламентаризмъ, совершенно не считаются со всѣми этими особенностями англійской конституціи.

Далекіе отъ пониманія роли selfgovernment'a, какъ основы англійской конституціи, связывающаго воедино начало общественное съ государственнымъ и являющагося школою государственныхъ людей, они проповѣдуютъ полную независимость и обособленность различныхъ мѣстныхъ союзовъ, т.-е. провинціальныхъ, земскихъ и общинныхъ учрежденій (Off., Parl., 62).

Упуская, затѣмъ, изъ вида другую въ высшей степени важную особенность англійскаго парламента — тотъ фактъ, что члены его были представителями не всего народа in abstracto, а отдѣльныхъ конкретныхъ общинныхъ союзовъ, члены которыхъ были объединены крѣпкой связью совмѣстной общественной службы и общинной раскладкой денежныхъ повинностей (Off., Parl., 85), современные доктринеры объявили парламентскихъ депутатовъ представителями всего народа, безотвѣтственными передъ своими избирателями.

Затѣмъ гг. доктринеры—сознательно или безсознательно — оставили внѣ своего кругозора аристократическій характеръ англійскаго государственнаго устройства; до половины XIX вѣка англійскій парламентъ былъ правленіемъ высшихъ классовъ (Schöff., Parl., 3). Благодаря такой грубой ошибкѣ—доктринеры отожествили англійскія политическія партіи виговъ и тори съ современными европейскими правыми и лѣвыми партіями (Pell., Parl., 154—156; Off., Parl., 40—42), между тѣмъ какъ виги и тори были лишь консервативной и либеральной фракціями аристократическаго правящаго класса, объединеннаго въ стремленіи къ величію и благу государства.

Конечно, аристократическое парламентское правленіе

Англіи страдало недостатками и очень крупными: интересы низшихъ классовъ игнорировались, латифундіи процвѣтали, мелкая земельная собственность была убита, многочисленные косвенные налоги падали всею тяжестью на бѣдные классы, судопроизводство стоило непомѣрно дорого, законы для бѣдныхъ—были жестокіе и т. д. (Pell., Parl., 59—60); тѣмъ не менѣе подъ этимъ правленіемъ Англія достигла и матеріальнаго процвѣтанія и могущества.

Наличность общаго обѣимъ партіямъ стремленія къ благу государства — весьма характерная черта стараго англійскаго парламентаризма, между тѣмъ какъ въ современномъ конституціонномъ строѣ—отдѣльныя группы населенія и ихъ представители въ палатахъ преслѣдуютъ не общегосударственныя, а узко-партійныя цѣли.

Смѣшно и наивно думать, говоритъ Офферманнъ, будто современные депутаты, избираемые обществомъ безъ подраздѣленія на сословія и на другія группы, будутъ себя чувствовать и вести какъ представители цѣлаго народа (Off., Parl., 88).

Депутаты являются всегда избранниками партій, въ парламентахъ идетъ ожесточенная борьба партій изъ-за собственныхъ интересовъ, общее же благо отступаетъ на задній планъ (Hol., Ach., 7; Eichth., Souv. 232). И это не случайное, не временное, преходящее зло — потому что оно прогрессируетъ; Бисмаркъ подъ конецъ своей жизни говорилъ, что взаимная ненависть отдѣльныхъ партій и стремленіе приносить интересы государства въ жертву интересамъ отдѣльныхъ фракцій усились за послѣднія сорокъ лѣтъ (Schöff., Parl., 8).

Въ современныхъ парламентахъ все дѣлается въ интересахъ отдѣльныхъ партій; законы издаются не такіе, которые необходимы для общаго блага, а тѣ, которые выгодны господствующей въ парламентѣ партіи (Walck., Gef., 5); свобода существуетъ лишь для друзей (см Р. М., 1902, II, 42), противникамъ же своимъ, остающимся въ меньшинствѣ, господствующая парламентская партія кричитъ „vae victis!“ (Pell., Parl., 169).

Если борьба за существованіе между отдѣльными индивидуумами въ современномъ человѣчествѣ приняла болѣе или менѣе мягкія формы по сравненію съ этой

борьбою въ мірѣ животныхъ, то между цѣлыми классами и партіями борьба и до сихъ поръ ведется еще самыми грубыми и жестокими способами (Off., Parl., 10). Правда, на словахъ парламентскіе дѣльцы ни о чемъ иномъ не заботятся, какъ только о благѣ народа, и ничего другого не желаютъ, какъ только осуществить волю народа; но это лишь на словахъ, на дѣлѣ же происходитъ борьба партій за власть (Schöff., Parl., 4), и дѣятельность парламентовъ сплошь и рядомъ идетъ въ разрѣзъ съ интересами страны и даже съ общественнымъ мнѣніемъ: напримѣръ, въ 1894 г. большинство въ англійской палатѣ общинъ стояло за ирландскій гомъ-руль, но общественное мнѣніе было рѣшительно противъ; въ германскомъ рейхстагѣ въ 1895 году большинство высказалось за отмѣну закона о іезуитахъ, а общественное мнѣніе до сихъ поръ — противъ этой отмѣны; и т. д. (Walck., Gef., 19).

Необходимость прикрыть эгоистическія, антигосударственныя стремленія громкими фразами о благѣ общемъ— ведетъ къ тому, что въ парламентахъ царитъ болтовня (Advokatengeschwätz) вмѣсто дѣла (Off., Parl., 6); „tout le monde est pour gesticuler, bavarder, démoraliser, desorganiser. Pour légiférer—personne“ (Sén., Parl., 29). Громкія, крикливыя фразы Жюля-Фавра — „ни пяди нашей земли, ни кирпича нашихъ крѣпостей“! и Гамбетты — „ни одного иностранца во Франціи“! — стали классическими послѣ уступки Эльзаса и Лотарингіи, пятимилліардной контрибуціи и германской оккупаціи до ея уплаты (Sén., Parl., 14). Благодаря этой парламентской болтовнѣ и всякому шарлатанству, парламенты безсильны создать что-либо крупное, истинно-великое (Zenk., Ref., 26).

Къ парламентскому лганью присоединяется лганье газетное (Hol., Ach., 12). Считая, что для достиженія побѣды всѣ средства хороши (Pell., Parl., 169), парламентскія партіи прибѣгаютъ къ услугамъ періодической печати и такимъ образомъ вводятъ въ организмъ государственнаго правленія новый и весьма вредный элементъ (Hol., Ach., 9). Все это вмѣстѣ взятое приводитъ къ такимъ результатамъ, которые во Франціи, напримѣръ, характеризуются весьма короткой фразой—„La 3-me république... c'est... une bâtarde menteuse“ (Sén., Parl., 24). Рѣдко-рѣдко парламент-

скій дѣлецъ обмолвится правдой именно лишь тогда, когда это полезно его партіи (Pell., Parl., 168). Интересы партіи—это Молохъ, которому все приносится въ жертву. Бисмаркъ говорилъ, что партія прощаетъ всякую ложь и всяческія глупости, лишь бы онѣ были въ интересахъ партіи, и партійные дѣльцы думаютъ не объ истинѣ и не объ интересахъ страны, а лишь о томъ, какъ бы не разойтись въ мнѣніи съ своей партіей (Schöff., Parl., 9, 8).

Нельзя, конечно, отрицать, что борьба въ пользу введенія представительнаго правленія ведется нерѣдко изъ благороднаго побужденія — освободиться отъ тираніи; но этотъ либерализмъ, какъ только цѣль достигнута, и представительное правленіе введено, тотчасъ же превращается въ стремленіе политикановъ самимъ сдѣлаться тиранами (Off., Fan., 19). Какъ только извѣстная партія одержала побѣду, тотчасъ начинается притѣсненіе политическихъ противниковъ (Walck., Gef., 5); интересы меньшинства попираются съ нескрываемымъ презрѣніемъ (Walck., Gef., 20); не менѣе безцеремонно торжествующая партія относится вообще къ закону и переступаетъ границы его, совершенно не стѣсняясь (Off., Parl., 6); единственный лозунгъ современныхъ политическихъ партій—произволъ (Off., Parl., 62).

Парламентское правленіе есть многоголовая тиранія, тиранія большинства (Schöff., Parl., 26; Off., Parl., 40).

Если бы—*большинства*! Тогда все-таки торжествовалъ бы хоть какой-нибудь, хоть ложный принципъ. На дѣлѣ, однако, даже и этотъ принципъ ниспровергается.

Принципъ подчиненія большинству есть ложный принципъ, ибо предполагаетъ ошибочную посылку, будто истина всегда на сторонѣ большинства.

Но что же приходится сказать, когда подъ именемъ большинства меньшинство навязываетъ вамъ свою волю?

А между тѣмъ побѣда меньшинства на выборахъ — дѣло обычное „questo caso si può dire ormai ordinario“ (Pell. Parl., 201); парламентское большинство очень часто представляетъ собою меньшинство избирателей (Spr., Mehrh., 9) и, притомъ, меньшинство — ничтожное (Schöff., Parl., 26). Въ Австріи, напримѣръ, половина избирателей не пользуются своимъ избирательнымъ правомъ, питая отвраще-

ніе къ механизму и пріемамъ избирательной кампаніи и парламентской борьбы; остальная половина избирателей подпадаетъ вліянію политическихъ кондотьеровъ, выбираетъ заранѣе ими намѣченнаго кандидата—ничтожнымъ большинствомъ (mit einer verschwindend kleiner Minorität); такимъ образомъ депутатъ можетъ быть избранъ половиною голосующихъ избирателей плюсъ единица, что составитъ одну четверть всѣхъ избирателей; избранные одною четвертью голосовъ депутаты составляютъ парламентъ и рѣшаютъ дѣла по большинству голосовъ — и такимъ образомъ, подъ видомъ большинства, представители одной восьмой всѣхъ избирателей навязываютъ свою волю остальнымъ $^7/_8$ избирателей (Schöff., Parl., 26—27). А такъ какъ число избирателей при всеобщемъ голосованіи, примѣрно, въ пять разъ меньше всей численности населенія, то выходитъ, что, подъ видомъ большинства, судьбою страны распоряжаются представители одной сороковой части всего населенія.

Во Франціи въ началѣ 90-хъ годовъ XIX столѣтія депутаты были избраны въ палату четырьмя съ половиною милліонами голосовъ; число голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ, оказавшихся не избранными, плюсъ голоса лицъ, воздержавшихся отъ участія въ выборахъ, составляло около шести милліоновъ (Sén., Par., 25). Разложите 4 милліона, это меньшинство, претендующее представлять собою всю Францію, и вы найдете, что имъ руководила горсть парламентскихъ дѣльцовъ (Sén., Parl., 28—29), а за этой горстью стоитъ нѣсколько іудейскихъ банкировъ, рѣшающихъ судьбы Франціи; 38 милліоновъ французовъ находятся у нихъ въ рабствѣ (Sén., Parl., 30—31). Конечно, интересы этихъ воротилъ не имѣютъ ничего общаго съ интересами Франціи, и потому въ наше время передъ политическимъ дѣятелемъ во Франціи стоитъ дилемма— „être antisémite ou antifrançais“ (Sén., Parl., 32).

И вотъ, избранники меньшинства входятъ въ парламентъ на правахъ представителей всего народа. Въ парламентѣ продолжается борьба партій, начавшаяся во время выборовъ, и побѣдившая партія всячески угнетаетъ побѣжденныхъ.

Давленіе беззастѣнчиваго произвола парламентскаго

большинства настолько тяжело чувствуется меньшинствомъ, что послѣднее изобрѣло особую тактику, такъ-называемую обструкцію, имѣющую цѣлью сдѣлать парламентскую работу невозможной или, по крайней мѣрѣ, жестоко затруднить ее (Spr., Mehrh., 10). Впервые испробована была тактика обструкціи въ англійскомъ парламентѣ въ концѣ семидесятыхъ годовъ ирландскими депутатами; три года продолжалась борьба; послѣ выборовъ 1881 года она стала еще ожесточеннѣе, такъ какъ въ парламентъ вошло больше депутатовъ-обструкціонистовъ, чѣмъ ранѣе, и во главѣ ихъ сталъ Парнелль. Обструкція была, конечно, побѣждена, такъ какъ большинство все-таки остается большинствомъ, а спикеръ и парламентъ имѣютъ довольно сильную дисциплинарную власть по отношенію къ отдѣльнымъ депутатамъ (Zenk., Ref., 14). Тѣмъ не менѣе обструкція еще разъ примѣнялась къ палатѣ общинъ, именно въ 1893 г., при обсужденіи билля объ ирландскомъ гомъ-рулѣ. Затѣмъ такія же попытки были въ Австріи, Венгріи, Италіи и Германской Имперіи (Zenk., Ref., 15). Само собою разумѣется, что вездѣ меньшинство, въ концѣ-концовъ, должно было подчиниться, такъ какъ при голосованіи большинство несомнѣнно одолѣетъ, а задерживающая тактика меньшинства парализуется разнообразными дисциплинарными мѣрами, въ особенности же примѣненіемъ такъ-называемой „парламентской гильотины“; этотъ маневръ состоитъ въ томъ, что большинство опредѣляетъ заранѣе день, когда должно произойти голосованіе законопроекта, хотя бы къ этому времени не всѣ ораторы высказались и не всѣ поправки были разсмотрѣны (Eichth., Souv., 227—228, note). Такимъ способомъ, напримѣръ, была побѣждена обструкція въ палатѣ общинъ, въ 1893 году, предпринятая противниками Гладстоновскаго билля объ ирландской автономіи. Примѣненіе маневра обструкціи, безполезное само по себѣ, показываетъ лишь отчаяніе, до котораго могутъ дойти люди подъ давленіемъ многоголовой парламентской тираніи.

Служеніе интересамъ партіи не исчерпывается, конечно, изданіемъ законовъ, полезныхъ и выгодныхъ для партіи вообще; *господствующая партія* обезпечиваетъ и

отдѣльнымъ своимъ членамъ всевозможныя выгоды—законныя и незаконныя; каждая партія является въ парламентѣ жадною до *должностей и всякаго рода добычи*—ämterhungig und beutegierig (Schöff., Parl., 22). Прежде всего раздаются мѣста наиболѣе усернымъ членамъ партіи за ихъ „полезную“ дѣятельность (Off., Parl. 65); число такихъ партійныхъ ставленниковъ нерѣдко бываетъ огромно; напримѣръ, президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Джексонъ, какъ только вступилъ въ должность—немедленно уволилъ *всѣхъ* чиновниковъ противныхъ партій и посадилъ своихъ (Pell., Parl., 169). Или, напримѣръ, въ Нью-Іоркѣ въ 90-хъ годахъ было до 27000 различныхъ муниципальныхъ служащихъ, и всѣ они, почти безъ исключенія, были ставленниками политическаго общества Таммани (Stead., Ib., 46).

Само собой разумѣется, что всѣ партійные ставленники дѣйствуютъ не въ интересахъ государства или населенія вообще, а исключительно въ интересахъ своей партіи; и можно себѣ представить, какому извращенію, какимъ передержкамъ подвергается публичное право въ рукахъ такихъ господъ; всѣ законы искажаются произвольными толкованіями, и въ правовую жизнь страны вносится полное разложеніе (Stead., Sat., 67; Off., Parl., 65).

Затѣмъ начинается погоня *за наживой;* стремленіе къ обогащенію своихъ сочленовъ есть обычное явленіе въ жизни парламентскихъ партій (Off., Parl., 16). Создаются синекуры (Walck., Gef., 5); государственные налоги, повинности и вообще всѣ тягосы взваливаются по мѣрѣ возможности на другихъ, для себя же и своихъ присныхъ парламентскіе дѣльцы стремятся обезпечить всѣ возможныя выгоды (Off., Parl., 57); все и всѣхъ, вплоть до министровъ, подчиняютъ они своей волѣ, для себя же не признаютъ никакихъ обязанностей, а лишь одни права (Off., Parl., 61, 68).

Не довольствуясь „законными“ средствами обогащенія, каковы непотизмъ, раздача синекуръ, концессій, привилегій и т. д., этимъ *господствующая партія* прибѣгаетъ и ко всякимъ незаконнымъ средствамъ облагодѣтельствованія—освобождаетъ своихъ членовъ и ихъ близкихъ отъ *воинской повинности* (Walck., Gef., 5), *оцѣниваетъ*, для

взиманія налоговъ, имущества ихъ много ниже дѣйствительной стоимости и т. д. и, наконенъ, не останавливается передъ самымъ обыкновеннымъ воровствомъ; французы говорятъ, что воровство значится въ порядкѣ дня въ палатѣ депутатовъ—„Le vol est à l'ordre du jour“ (Sén., Parl., 31). Чтобы понять, что это—не преувеличеніе, достаточно вспомнить знаменитую „Панаму“, исторію акціонернаго общества для прорытія Панамскаго перешейка, когда милліарды были раскрадены при участіи парламентскихъ воротилъ, подъ благосклоннымъ попустительствомъ палаты депутатовъ.

Въ Австріи нѣчто подобное имѣло мѣсто въ концѣ 60-хъ годовъ XIX столѣтія. Подъ эгидой недавно насажденнаго парламентаризма, разыгралась цѣлая вакханалія биржевыхъ и банковыхъ спекуляцій, закончившаяся, какъ всегда бываетъ, крахомъ, послѣ чего рейхсратъ вотировалъ кредитъ въ 80 милліоновъ гульденовъ „на уврачеваніе тяжелыхъ послѣдствій краха“ (zur Sanierung der durch den Börsenkrach hervorgerufenen finanziellen und wirthschaftlichen Déroute). Это были, конечно, лишь слова, потому что восемьюдесятью милліонами нельзя изгладить послѣдствій краха съ потерями въ нѣсколько сотъ милліоновъ; на самомъ дѣлѣ, деньги пошли въ карманы парламентскихъ, банковскихъ и биржевыхъ дѣльцовъ, притворявшихся, будто и они пострадали отъ краха (Schöff., Parl., 15—19).

Помимо всякаго рода льготъ, поблажекъ и денежныхъ подачекъ, господствующая партія обезпечиваетъ своимъ членамъ *безнаказанность преступленій* (Walck., Gef., 5) и возможность продолжать преступную дѣятельность и впредь.

Напримѣръ, *въ Италіи* въ 1866 и 1867 годахъ *парламентъ явно покровительствовалъ* незаконнымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ. Объединеніе Италіи принесло новому королевству 2.242.000.000 лиръ долговъ прежнихъ правительствъ; войны объединенія стоили очень дорого; новое правительство объединенной Италіи должно было прежде всего озаботиться организаціей національной обороны, на что потребовались огромныя средства; все это вмѣстѣ взятое привело къ тяжкимъ финансовымъ затрудненіямъ, и 1 мая 1866 г. объявленъ былъ принудитель-

ный курсъ бумажныхъ денегъ, каковыми признаны билеты Banca Nazionale. Тотчасъ же появился лажъ на металлическія деньги, средства къ жизни вздорожали, ввозъ сократился на 40%, металлъ сталъ отливать изъ Италіи, и за границу ушло не только золото (часть золота осталась въ рукахъ населенія, но была извлечена изъ обращенія), но даже и серебряная и мѣдная размѣнная монета. Отсутствіе размѣнной монеты страшно угнетало мелкую торговлю, такъ что муниципіи, промышленные союзы, купцы—выпускали въ обращеніе билеты, которые и ходили какъ деньги.

Это было незаконно и для финансовъ государства вредно, но когда министръ финансовъ Мингетти внесъ въ палату проектъ упорядоченія дѣла выпуска мелкихъ билетовъ, то парламентъ не сталъ и разсматривать его, а прямо перешелъ къ другимъ дѣламъ.

Въ 1867 году министръ финансовъ, Камбрэ-Диньи, вошелъ въ палату съ проектомъ упорядоченія билетнаго обращенія вообще; палата сдала проектъ въ комиссію, а докладъ комиссіи начала слушать въ 1868 г., да такъ и не кончила.

Въ 1883 году въ Италіи было возстановлено, съ большимъ трудомъ и расходами, металлическое обращеніе, но дѣло выпуска банковыхъ билетовъ осталось не упорядоченнымъ—банки выпускали ихъ страшно много. *Золото стало* отливать за границу. Въ 1887 г. общественное мнѣніе встревожилось; депутатъ Франкетти внесъ предложеніе по этому вопросу; въ такомъ же смыслѣ, какъ Франкетти, высказалась постоянная комиссія по упорядоченію денежнаго обращенія. Что же сдѣлала палата? Палата *вотировала простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ*! Въ результатѣ почти *все золото ушло за границу*, и появился лажъ; другими словами—уничтожены результаты трудной и дорого стоящей, необходимой для страны реформы денежнаго обращенія 1883 г. (Grunw. It. Zw.-K.). Но бываютъ случаи еще болѣе удивительные, доходящіе до курьеза; когда палата находитъ нежелательнымъ какое-нибудь мѣропріятіе, она не останавливается *даже передъ отрицаніемъ факта*, обусловливающаго необходимость этого мѣропріятія. Напримѣръ, въ началѣ XIX столѣтія

въ Англіи возникли финансовыя затрудненія вслѣдствіе вздорожанія золота и серебра; былъ учрежденъ *особый парламентскій комитетъ—комитетъ о слиткахъ* (bullion-comitee); компетентныя лица доказывали, что вздорожаніе драгоцѣнныхъ металловъ зависитъ отъ излишняго выпуска банковыхъ билетовъ, и что слѣдуетъ принять мѣры къ упорядоченію этого дѣла; но парламентъ не пожелалъ принять никакихъ мѣръ и постановилъ, что всеобщая тревога напрасна, *и что золото и серебро не вздорожали!*

Благодаря всѣмъ вышеуказаннымъ особенностямъ парламентаризма получается такое положеніе дѣлъ, что вмѣсто законодательной работы парламенты занимаются обструкціей, запросами и сверженіемъ министровъ (Eichth, Souv., 254). Во Франціи алчность парламентскихъ дѣльцовъ до должностей, почестей и синекуръ привела къ тому, что со времени учрежденія третьей республики свергнуто болѣе *трехсотъ* министерствъ, а необходимыя, важныя реформы откладываются въ долгій ящикъ (Schöff., Parl., 3—4). Сверженіе министерствъ является для парламентаріевъ чѣмъ-то въ родѣ спорта (Walck., Gef., 5); законопроекты вносятся и вотируются не ради самихъ законовъ, а ради сверженія министерства (Sén. Parl., 30), и все это дѣлается съ такой поспѣшностью, что сами депутаты не способны вдуматься въ степень важности совершающагося и оцѣнить возможныя послѣдствія (Eichth., Souv., 254).

Партійность—это болѣзнь вѣка, червь, грызущій современное общество (Pell., Parl., 166).

Вездѣ, въ Италіи, какъ и во Франціи, духъ партійности обусловливаетъ и вызываетъ преступленія въ пользу своихъ, насилія надъ противниками, всяческіе обманы и притворства, вѣроломство, ловушки, нарушенія честнаго слова и т. д., и т. д.,—и все это ради грязнаго чудовища, именуемаго политической партіей (Pell., Parl., 170).

Сторонники парламентаризма не могутъ отрицать всѣ перечисленные и имъ подобные факты. но заявляютъ, что причина зла лежитъ не въ самомъ парламентаризмѣ, а лишь въ недостаткахъ организаціи, именно въ несовершенствѣ выборной системы. При господствѣ современной системы выборовъ по большинству, дѣйствительно, гово-

рять парламентаріи, возможна тиранія большинства, такъ какъ меньшинство, хотя бы и очень значительное, хотя бы равное половинѣ всѣхъ избирателей минусъ единица, вовсе не получаетъ представителей. Но если для меньшинства будетъ, путемъ введенія пропорціональной системы выборовъ, обезпечена возможность имѣть представителей, то дѣло представится совсѣмъ въ иномъ видѣ: всякая сколько-нибудь значительная группа избирателей, не меньшая частнаго, происходящаго отъ дѣленія общаго числа избирателей на общее число депутатовъ, получитъ возможность послать въ палату извѣстное, пропорціональное своей численности, количество депутатовъ. Положимъ— численность группъ избирателей будетъ 40000, 30000, 20000 и 10000, и надо послать въ палату 100 депутатовъ; тогда первая партія имѣетъ право послать 40 человѣкъ, вторая 30, третья 20, четвертая 10. При такихъ условіяхъ ни одна партія не будетъ имѣть большинства въ парламентѣ; имъ придется итти на компромиссы, группироваться между собою, и въ результатѣ такихъ компромиссовъ получится общее благо, потому что компромиссъ возможенъ лишь на почвѣ такихъ мѣропріятій, которыя полезны и выгодны всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, подавляющему большинству.

Однако, вся эта аргументація оказывается лживою, и вся сложная механика пропорціональныхъ выборовъ— безполезною.

Опытъ конституціонныхъ государствъ показываетъ, что въ результатѣ компромиссовъ партій получаются выгоды для каждой отдѣльной партіи, а не для всего народа; наоборотъ, вмѣсто общаго блага — получается общее зло; крупныя партіи, чтобы обезпечить себѣ большинство, дѣлаютъ уступки сепаратнымъ интересамъ мелкихъ партій, и такимъ образомъ частные интересы цѣлаго ряда партій получаютъ удовлетвореніе, а объ общемъ интересѣ никто не заботится (Zenk., Ref., 56). Напримѣръ, недавно мы видѣли, какъ въ Германскомъ Рейхстагѣ аграріи, чтобы провести выгодныя для себя высокія таможенныя пошлины на хлѣбъ, привлекли на свою сторону ультрамонтановъ (католическая партія) цѣною довольно крупныхъ уступокъ въ законахъ о іезуитахъ (Zenk., Ref., 61). Такіе компро-

миссы, повторяющіеся на каждомъ шагу въ видѣ временныхъ, случайныхъ группировокъ, „блоковъ“ самыхъ разнообразныхъ партій, сдѣлали изъ парламентовъ настоящія торжища—luogni di traffico (Zenk., Ref., 57; Eichth., Souv., 239).

Случайныя временныя коалиціи партій представляютъ собою величайшее зло современнаго парламентаризма и страшно затрудняютъ работу всякаго, хотя бы самыми лучшими намѣреніями одушевленнаго правительства. Широкія задачи, обширные замыслы, даже просто-на-просто заботы о будущемъ, сколько-нибудь отдаленномъ—приходится игнорировать; въ стремленіи обезпечить себѣ большинство — правительство хитритъ, маневрируетъ, пробирается окольными путями, раздаетъ подачки и дѣлаетъ уступки, вредъ которыхъ само отлично сознаетъ, и жертвуетъ мѣропріятіями, полезность которыхъ очевидна (Eichth., Souv., 232—233, 239).

Въ Англіи давно уже существуетъ запрещеніе взаимныхъ уступокъ между правительствомъ и парламентомъ, такъ-называемыхъ tancking dills: парламентъ не имѣетъ права давать свое согласіе на взиманіе налоговъ подъ условіемъ, чтобы правительство взамѣнъ сдѣлало то и то. Но само собою разумѣется, что этотъ законъ весьма легко и удобно обходится (Walck., Gef., 5).

Такимъ образомъ наличность взаимно-противорѣчивыхъ стремленій различныхъ партій въ парламентѣ убиваетъ въ немъ всякую энергію (Off., Parl., 5), особенно въ государствахъ съ разноплеменнымъ составомъ населенія, какъ, напримѣръ, въ Австріи (Schöff., Parl., 11).

Партійная организація, какъ необходимое условіе парламентскаго государственнаго устройства, партійная тактика въ палатѣ, партійная агитація на выборахъ — неизбѣжно обусловливаютъ низкій уровень личнаго состава палатъ такъ-называемыхъ народныхъ представителей.

Истинные патріоты и достойные люди питаютъ отвращеніе къ пріемамъ партійной борьбы и партійной тактики, и потому не идутъ въ депутаты (Fava, Princ., 47; Schöff., Parl., 26); вслѣдствіе этого въ парламенты попадаютъ далеко не лучшіе люди; очень часто масса избирателей поддается обѣщаніямъ льстецовъ, которые выискиваютъ

слабую струну обывателя и играютъ на самыхъ грубыхъ и низкихъ инстинктахъ — жадности, своеволіи и т. д. (Zenker, Ref., 20—22). Уже Токвилль жаловался, что лучшіе люди держатся въ сторонѣ отъ парламентской жизни (Ibid): Лекки въ своей книгѣ „Democraty and Liberty“, 1896, говоритъ, что въ парламентскіе депутаты слишкомъ часто попадаютъ не люди, достойные довѣрія страны, а просто авантюристы (см. Chim., Vita., 301, 322—323), которые на выборахъ не брезгуютъ никакими средствами и обѣщаютъ избирателямъ всякія блага, заранѣе хорошо понимая неисполнимость этихъ обѣщаній (Fava, Princ., 42), а въ парламентѣ прикрываютъ свое гешефтмахерство громкими звучными фразами о благѣ народа. Въ хорошихъ словахъ никогда нѣтъ недостатка, и, чѣмъ безсовѣстнѣе дѣлецъ, чѣмъ онъ беззастѣнчивѣе приноситъ общее благо въ жертву личнымъ и партійнымъ интересамъ, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ разыгрываетъ онъ роль радѣтеля о благѣ народа (Hol., Ach., 8 Pell., Parl., 5—6). Никто, кажется, такъ громко не взывалъ къ свободѣ, чести, честности и народному благу, какъ представители Нью-Іоркскаго политическаго общества Таммани, прославившагося своими колоссальными злоупотребленіями, мошенничествами и грабежами; напримѣръ, нѣкто мистеръ Кохранъ, одинъ изъ членовъ *Таммани*, выражался въ своихъ рѣчахъ такъ: „если въ народѣ начинается деморализація, то свобода становится отравою, проклятіемъ, разрушеніемъ всякаго порядка; деморализація грозитъ гибелью республикѣ—гибелью немедленною, ужасною и непоправимою; въ исторіи нѣтъ примѣровъ спасенія общества, гибнущаго отъ деморализаціи!“ (Stead., ib., 43—44).

Американцы, путемъ горькаго опыта, пришли къ непоколебимому убѣжденію, что всякое выборное должностное лицо при первой же возможности начинаетъ воровать—„that the elect of the people is certain to steal if he gets a chance (Stead., ib., 166), и теперъ заняты изобрѣтеніемъ такой формы муниципальнаго управленія, при которой было бы невозможно воровство (Stead., ib., 167).

Французы съ отчаяніемъ воспоминаютъ, что въ 1870 г. были „патріоты“, радовавшіеся успѣхамъ германскаго оружія; патріотизмъ нашихъ парламентскихъ дѣльцовъ, го-

ворятъ они—„c'est le sang des autres, c'est l'argent des autres, c'est la misère des autres (Sén., Parl., 35, 15, 16).

Помимо недобросовѣстности парламентскихъ дѣльцовъ —поразительно еще ихъ невѣжество. Бисмаркъ отмѣчаетъ заносчивость парламентаріевъ, которые воображаютъ себя знающими все лучше спеціалистовъ (Schöff., Parl., 8) а между тѣмъ какъ часто оказываются они полными невѣждами въ вопросахъ, которые берутся обсуждать и рѣшать (Off., Fan., 33).

Наконецъ, нельзя не отмѣтить того негодованія, съ которымъ европейцы отзываются о грубости, отсутствіи порядочности и элементарной цивилизаціи у парламентскихъ дѣльцовъ; депутаты германскаго Рейхстага считаютъ правила чести и вѣжливости въ парламентѣ для себя не обязательными (Shöff., Parl., 10—11); депутаты австрійскаго Рейхсрата ведутъ себя въ засѣданіяхъ хуже, чѣмъ въ кабакѣ (in gemeinsten und widerlichsten öbelkneibengelagen; Schöff. Parl., 22). Сигэлэ, изслѣдуя психологію парламентовъ, пришелъ къ заключенію, что эта психологія есть психологія женщины—и притомъ истерички (Sigh., C. P., 34).

И такія-то собранія рѣшаютъ судьбу государствъ и народовъ и считаютъ себя великими законодателями—вѣдь такъ лестно мечтать войти въ пантеонъ всемірной исторіи подъ руку съ Солономъ и Ликургомъ (Zenk., Ref., 69); на самомъ же дѣлѣ время въ парламентѣ тратится на пустяки, а законодательство испытываетъ хроническій застой (см. М. Б. 1899, I, 99).

Такъ какъ парламентъ оказываетъ огромное вліяніе на жизнь страны, то можно себѣ представить, какое развращающее дѣйствіе на населеніе производитъ такой составъ представительныхъ палатъ.

Парламентаризмъ ведетъ къ упадку нравственности и развращенію народа, говоритъ Шёффель, тридцать лѣтъ состоявшій депутатомъ австрійскаго Рейхсрата (Schöff., Parl., 27); нравственное разложеніе французскаго народа есть несомнѣнный фактъ, и этимъ Франція обязана парламентаризму (Schöff., Parl., 4). Парламентъ—не школа гражданина, какъ утверждаютъ нѣкоторые, а источникъ

нравственной заразы и политическаго одичанія (Zenk., Ref., 23, 24, 93; Off., Parl., 6).

Въ особенности деморализующее вліяніе оказываютъ *пріемы предвыборной* компаніи; выраженіе „на выборахъ все позволено", стало стереотипной фразой (Chim., Vita, 137). Нодлей, въ своей книгѣ „France", такъ описываетъ предвыборную кампанію *во Франціи:* „Все дѣло находится въ рукахъ кучки спеціалистовъ, мастеровъ избирательнаго искусства. Они составляютъ списки избирателей, по произволу мѣняя на бумагѣ мѣста ихъ жительства, вписывая покойниковъ, вычеркивая живыхъ и снабжая гражданскими правами лицъ безправными по суду и т. д.". Затѣмъ кандидатъ въ депутаты начинаетъ выпускать газету, исключительно на время выборовъ. Всѣ номера очень искусно направлены къ одной цѣли: подъ всевозможными соусами и съ особенно пикантнымъ вкусомъ подать избирателю намѣченное имя. Передовая статья, хроника, фельетонъ, вездѣ царство одного и того же господина, признаннаго благодѣтеля края". Далѣе „на помощь газетѣ являются ораторы, спеціально выдрессировавшіе себя для выборныхъ агитацій. Ихъ услуги принадлежатъ всякому желающему. Ораторъ даже не живетъ въ данномъ округѣ, онъ путешествуетъ по всей странѣ, будто странствующій артистъ". Помимо всего „клевета есть самый обычный пріемъ политической борьбы во Франціи" (см. М. Б., 1899, I, 96—97).

Прекрасную, въ этомъ же родѣ, картину выборовъ во Франціи, набросанную мастерски и съ большимъ юморомъ, даетъ Поль Сенека (Sén., Parl., 26—28).

Весьма дѣйствительнымъ средствомъ партійной борьбы *являются угрозы избирателямъ* какъ со стороны государственныхъ чиновниковъ, принадлежащихъ къ господствующей въ данную минуту партіи, такъ и со стороны всякихъ другихъ партій—ультрамонтановъ, соціалистовъ и т. д. (Walck., Gef., 4).

Еще болѣе могущественнымъ средствомъ воздѣйствовать на избирателей является *подкупъ*.

О подкупахъ избирателей и депутатовъ парламента западно-европейскіе писатели говорятъ, какъ объ обстоятельствахъ обычныхъ и прекрасно всѣмъ извѣстныхъ (см.,

напр., Walck. Gef., 5; Chim. Vita, 133; Sén. Parl, 28; Zenk., Ref., 18). Любопытное признаніе сорвалось *у одного французскаго министра финансовъ*, когда его стали въ палатѣ шумно упрекать по подозрѣнію въ прикосновенности къ панамскимъ хищеніямъ: „*безъ этого васъ не было бы здѣсь!*“ воскликнулъ онъ; „sans celà... vous autres, qui criez le plus fort, vous ne seriez pas ici“ (Sén., Parl, 28).

Наконецъ, когда всѣ средства предвыборной агитаціи исчерпаны, на сцену являются *подлоги и фальсификація самыхъ выборовъ* (Walck., Gef., 4; Sen, Parl, 33; М. Б. 1899, I, 96). Разительнѣйшіе примѣры фальсификаціи выборовъ и всяческихъ безобразій и насилій даютъ разоблаченія дѣятельности Нью-Іоркскаго политическаго общества Таммани, сдѣланныя комиссіей сенатора Lexow'a.

Изслѣдованія этой комиссіи показали, что въ огромномъ числѣ избирательныхъ округовъ Нью-Іорка были примѣняемы всѣ преступныя средства, какія только можно вообразить, въ цѣляхъ стѣсненія свободы выборовъ и обезпеченія побѣды демократическому обществу Таммани: арестъ республиканскихъ избирателей *) и самое грубое и жестокое съ ними обращеніе при этомъ (brutal treatment); арестъ агентовъ и уполномоченныхъ этой партіи при выборныхъ комиссіяхъ; открытыя нарушенія избирательныхъ законовъ въ пользу кандидатовъ Таммани; нападенія на избирательныя комиссіи въ ихъ помѣщеніяхъ; прямыя насилія агентовъ Таммани надъ республиканскими избирателями; общее запугиваніе республиканскихъ избирателей полиціей Нью-Іорка, которая, будучи полиціей муниципальной, а не государственной, почти вся цѣликомъ состояла изъ членовъ Таммани; незаконное перечисленіе избирателей изъ однихъ округовъ въ другіе,—такъ-называемая colonisation of voters; незаконныя, невѣрныя записи и регистраціи и т. д., и т. д., и все, конечно, въ пользу Таммани (Stead Ib., 151).

Слѣдствіе комиссіи Lexow'a надъ злоупотребленіями Таммани обнимаетъ собою данныя за цѣлый рядъ лѣтъ,

---

*) Какъ извѣстно, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ двѣ большія политическія партіи—демократы и республиканцы; общество *Таммани примыкаетъ къ демократамъ*.

свидѣтельствующія, что за все это время правильныхъ выборовъ (honest elections—говоритъ комиссія) въ Нью-Іоркѣ не было, при чемъ выборными злоупотребленіями, это особенно любопытно, одинаково грѣшили и демократическая и республиканская партія (Stead., Ib., 151—152).

Наиболѣе употребительнымъ пріемомъ фальсификаціи выборовъ является *набиваніе* избирательныхъ ящиковъ подложными избирательными записками—ballot-stuffing. Во всѣхъ округахъ,—исключеній почти не было,—въ избирательныхъ ящикахъ оказывалось избирательныхъ записокъ болѣе, чѣмъ зарегистрировано избирателей, явившихся подать голосъ; и въ очень многихъ округахъ количество избирательныхъ записокъ, вынутыхъ изъ ящиковъ, оказывалось болѣе всего числа избирателей въ данномъ округѣ! Достигалось это или путемъ подачи избирателями партіи Таммани вмѣсто одной записки—двухъ или нѣсколькихъ, сложенныхъ вмѣстѣ, избирательныхъ записокъ; или просто—избирательная комиссія, вынимая записки изъ ящика, брала со стола и присоединяла къ нимъ еще цѣлыя груды заранѣе сфабрикованныхъ записокъ (Stead., Ib., 152). Въ одномъ избирательномъ округѣ (26-th Election Distlict of the 2-nd Assembly District) изъ 12770 поданныхъ избирательныхъ записокъ—5000 были фальшивыя; въ другомъ округѣ (7-th Election District of the 3-d Assembly District) 567 избирательныхъ записокъ были найдены въ ящикѣ, между тѣмъ какъ общее число избирателей этого округа,—только 508 (Stead., Ib., 152—153).

Повторное поданіе избирательныхъ листовъ и поданіе ихъ отъ чужого имени—явленіе почти всеобщее (were almost universal). За нѣсколько дней до выборовъ *агенты Таммани* обходятъ хозяевъ меблированныхъ комнатъ и записываютъ имена и фамиліи ихъ жильцовъ; затѣмъ ко дню выборовъ заготовляется потребное число избирательныхъ записокъ съ именами кандидатовъ Таммани, и эти записки раздаются первымъ попавшимся оборванцамъ, „трампамъ“, какъ ихъ называютъ въ Соединенныхъ Штатахъ; каждому сообщается имя, подъ которымъ онъ долженъ явиться въ избирательную комиссію, а также, конечно, извѣстная мзда; трампы идутъ и подаютъ избирательныя записки, при чемъ нерѣдко или забываютъ данное имя, или же-

стоко перевираютъ его, если имя англійское, а трампъ оказывается какимъ-нибудь итальянцемъ или евреемъ; но что за бѣда—въ избирательныхъ комиссіяхъ работаютъ члены того же Таммани, и дѣло идетъ скоро и гладко. Если трамповъ мало, то одинъ и тотъ же субъектъ подаетъ въ нѣсколько пріемовъ нѣсколько избирательныхъ записокъ подъ разными именами. Извѣстенъ случай, когда трампы держали пари, кто больше подастъ избирательныхъ записокъ; побѣдилъ недавно выпущенный изъ тюрьмы рецедивистъ, который при благосклонномъ содѣйствіи Таммани ухитрился подать 18 избирательныхъ записокъ въ двухъ округахъ (Stead., Ib., 153).

И все это дѣлалось *на глазахъ полиціи*, которая не только пальцемъ не двигала для предупрежденія злоупотребленій, но даже прямо имъ содѣйствовала. Напримѣръ, нѣкто г-нъ Эллисъ, членъ избирательной комиссіи въ одномъ изъ округовъ Нью-Іорка (5-th Election District of the Third Assembly), разсказалъ комиссіи Lexow'a нѣсколько случаевъ, когда на прямое указаніе, сдѣланное имъ полицейскому офицеру и подкрѣпленное другими свидѣтелями, что данное лицо явилось подавать вторую или третью избирательную записку, полицейскій офицеръ или смотрѣлъ въ потолокъ и ничего не отвѣчалъ, или отвѣчалъ „не ваше дѣло“. А однажды нѣкто г-нъ Розальскій поймалъ въ избирательномъ участкѣ во время подачи голосовъ какого-то субъекта, который подавалъ избирательную записку, назвавшись его, Розальскаго, именемъ. Розальскій схватилъ его за шиворотъ, но въ это время подбѣжали трое членовъ Таммани и ударили Розальскаго нѣсколько разъ по лицу; Розальскій позвалъ полицейскаго офицера, который, ничего не дѣлая, стоялъ тутъ же, но полицейскій офицеръ отвѣчалъ: „сейчасъ мнѣ некогда, приходите ко мнѣ въ четыре часа, я тогда буду свободнѣе“; члены Таммани опять начали бить Розальскаго, и лишь тогда полицейскій снизошелъ до заступничества, освободилъ Розальскаго изъ ихъ рукъ и посовѣтовалъ ему по добру, по здорову убираться (Stead., Ib., 154). Это случаи далеко не единичные; лица, командированныя республиканскою партіей для наблюденія за выборами, изгонялись на глазахъ полиціи членами Таммани

изъ помѣщенія, гдѣ происходитъ подача голосовъ (Stead., Ib., 156).

Гдѣ же суверенитетъ народа, гдѣ величіе акта выборовъ, гдѣ священныя привилегіи гражданъ?—патетически воскицаетъ по этому поводу Стэдъ (Stead., Ib., 157).

Для американскихъ парламентскихъ дѣльцовъ права гражданъ и суверенитетъ народа—пустой звукъ; своихъ избирателей они цинично называютъ вотирующей скотиной—voting cattle (Walck., Gef., 6).

Вообще нью-іорскіе порядки представляютъ собою чрезвычайно много поучительнаго; городское общественное управленіе этого города, при наличности всѣхъ условій парламентскаго строя, являетъ намъ картину чудовищныхъ злоупотребленій. Нью-Іоркомъ управляло, какъ доказала коммиссія Lexow'a, не городское общественное управленіе, а мошенническое политическое общество Таммани. И всѣ это знали и въ случаѣ необходимости противодѣйствовать какимъ-нибудь беззаконіямъ чиновъ городского управленія—съ жалобами отправлялись не въ City Hall—городскую ратушу, а въ Tammany Hall—главную квартиру общества Таммани (Stead., Ib., 137); иные такъ даже и не подозрѣвали, что Таммани Холлъ и городская ратуша—не одно и то же; Таммани замѣняло собою городское управленіе (ibid). Даже полицейскіе чины, когда требовалось возстановить дисциплину въ средѣ своихъ подчиненныхъ—обращались не къ городскому управленію, а къ Tammany Hall (Stead., Ib., 68).

Какъ выше было сказано—почти всѣ муниципальные чиновники Нью-Іорка, и прежде всего полиція были ставленниками Таммани; всѣ назначенія и увольненія зависѣли отъ Таммани, а высокое покровительство Таммани можно было купить за деньги: во-первыхъ, такъ какъ назначеніе, напримѣръ, по полиціи обусловливалось сдачею извѣстнаго экзамена, то экзаменующіеся получали свидѣтельство о выдержаніи экзаменовъ не иначе какъ за деньги, а знаній не спрашивалось; во-вторыхъ—самый актъ назначенія и всякое дальнѣйшее повышеніе таксировались довольно высокими суммами; напримѣръ, назначеніе полицейскимъ сержантомъ (унтеръ-офицеръ) стоило 1600 долларовъ, назначеніе капитаномъ (соотвѣтствуетъ

частному приставу) оплачивалось 15000 долларовъ (Stead., Ib., 70, 72); повышеніе по службѣ вслѣдствіе заслугъ—совсѣмъ не практиковалось (Stead., Ib., 70). И такъ обстояло дѣло не въ одной только полиціи, но и буквально во всей области муниципальной службы (Stead., Ib., 73).

Ясное дѣло, что деньги за назначеніе и повышеніе въ должности платились не даромъ; должностныя лица стремились и считали себя въ правѣ покрыть свои расходы съ избыткомъ за счетъ обывателя; Нью-Іоркъ привыкъ видѣть мошенниковъ въ полицейской формѣ и на судейскомъ креслѣ—the criminals in uniform and on the judges bench (Stead., Ib., 136). Особенно отличалась полиція; она обложила поборами всѣхъ и вся—и честныхъ людей, и безчестныхъ, и преступниковъ. Постоянную дань полиціи платили всѣ торговцы, начиная съ крупныхъ и кончая торгующими съ лотковъ и разнозчиками; городскіе подрядчики, напримѣръ, по очисткѣ улицъ; проститутки и т. д., и т. д. Кто отказывался платить, тотъ повергался жесточайшему преслѣдованію, обвинялся въ небывалыхъ преступленіяхъ, подтверждаемыхъ выставленными полиціей лжесвидѣтелями, приговаривался къ тюремному заключенію, такъ что нерѣдко подобныя жертвы мщенія полиціи прямо терпѣли окончательное разореніе и гибель (Stead., Ib., 90—91, 135, 138, 147—148, 127, 129, 59). Разрѣшеніе торговать спиртными напитками обставлено въ Нью-Іоркѣ довольно строгими гарантіями, но за деньги полиція разрѣшала открывать торговлю спиртными напитками кому угодно (Stead., Ib., 46). По закому игорные дома были совершенно запрещены, но полиція разрѣшала ихъ сколько угодно—за деньги (Stead., Ib., 120).

Общества, получавшія отъ города концессіи, напримѣръ, по освѣщенію улицъ, по городскому сообщенію, были неизсякаемыми источниками дохода, буквально дойными коровами (milch-cows) для общества Таммани (Stead., Ib., 47—48).

Съ ворами и грабителями Нью-Іорская полиція вошла въ соглашеніе, вступила въ союзъ и разрѣшала имъ безпрепятственно „работать“, лишь бы аккуратно вносились установленныя подати въ пользу полиціи. Напримѣръ, съ шайкой мошенниковъ, обиравшихъ провинціальныхъ про-

стаковъ продажею *настоящихъ денегъ* за полцѣны (при чемъ въ послѣдній моментъ банковые билеты подмѣнивались простою бумагой, а золото—кирпичами), полиція была въ стачкѣ, и если кто-либо изъ обобранныхъ заявлялъ претензію—его тотчасъ же арестовывали, обвиняли въ клеветѣ и лжедоносѣ, угрожали тюрьмой и въ заключеніе заставляли платить довольно крупную сумму въ пользу полиціи—лишь бы только избавиться отъ этой напасти (Stead., Ib., 49, 51, 59, 93, 107, 108—119).

Комиссія сенатора Lexow'a установила, что огромной властью, принадлежащей Нью-Іоркской муниципальной полиціи, чины полиціи пользовались исключительно для обиранія населенія (Stead., Ib., 82, 83, 131—132); при этомъ беззастѣнчивость доходила до того, что, облагая извѣстными, довольно крупными, поборами какое-нибудь лицо, чины полиціи давали ему все-таки возможность нажиться, а затѣмъ, напослѣдокъ, открывали на это лицо настоящій походъ—обвиняли въ разныхъ преступленіяхъ, сажали въ тюрьму, выпускали за крупное вознагражденіе, тотчасъ же вновь придирались, вновь сажали въ тюрьму и продолжали эту тактику до тѣхъ поръ, пока не обирали несчастную жертву окончательно, до-чиста, пускали прямо по міру. Такъ поступали, напримѣръ, съ содержательницами публичныхъ домовъ (Stead., Ib., 127—129). Если Нью-Іоркская полиція не церемонилась съ бойкими расторопными нью-іоркскими янки (with the cute Yankee and the smart New Yorker), то можно себѣ представить, что продѣлывалось съ пріѣзжими, зачастую не знающими языка, робкими эмигрантами изъ-за океана, для которыхъ Нью-Іоркская полиція являлась олицетвореніемъ—и какимъ олицетвореніемъ!—всей американской конституціи; за спиной полицейскаго стоитъ все правительство—муниципальное, штата и союза (City, State and Federal); что онъ скажетъ, то и будетъ; бѣдному, невѣжественному, не имѣющему ни друзей ни знакомыхъ, иностранцу остается лишь повиноваться; полиція обираетъ его, какъ хочетъ. Лица, уѣхавшія въ Америку, чтобы избѣжать притѣсненій на родинѣ, терпѣли въ Нью-Іоркѣ вдвое большія притѣсненія (Stead., Ib., 87—89).

Во главѣ всѣхъ этихъ полицейскихъ „коммерческихъ“ операцій стоятъ Нью-Іоркскіе политиканы, члены Таммани

(Stead., Ib., 126, 129); они вездѣ—въ полиціи, въ судѣ, въ городскомъ управленіи, и сила ихъ—въ постоянной неизмѣнной взаимной поддержкѣ и защитѣ, какія бы злодѣянія ни совершались; и надъ всѣмъ этимъ преступнымъ міромъ царитъ предсѣдатель общества Таммани, такъ-называемая „шишка"—the Boss of Tammany—современный Сатана (Stead., Ib., 35, 28).

Потери, понесенныя Нью-Іорскимъ населеніемъ вслѣдствіе грабежей общества Таммани, достигаютъ колоссальныхъ цифръ. Напримѣръ, Твидъ, правившій — въ качествѣ Босса Таммани — Нью-Іоркомъ цѣлый рядъ лѣтъ, награбилъ болѣе 20 милліоновъ долларовъ; вся же его шайка, все Таммани, пріобрѣла за это время 160 милліоновъ долларовъ. Нѣмцы взяли съ Парижа послѣ войны 1870—1871 г. всего лишь четверть этой суммы; убытокъ, причиненный громаднымъ пожаромъ Чикаго въ 1871 году, когда выгорѣло три квадратныхъ мили городскихъ построекъ и 98500 жителей остались безъ крова, составлялъ 190 милліоновъ долларовъ, лишь на 30 милліоновъ болѣе воровской добычи Таммани въ Нью-Іоркѣ, то-есть, значитъ, общество Таммани хуже огня и нашествія иноплеменниковъ (Stead., Ib., 38, 40).

Между тѣмъ вредъ, причиняемый дѣятельностью Таммани, не исчерпывается одними матеріальными убытками; несравненно большій вредъ принесло созданіе той атмосферы беззаконія, которая тяготѣла надъ Нью-Іоркомъ, благодаря Таммани.

Подъ эгидой всесильной организаціи Таммани—полиція въ Нью-Іоркѣ стояла внѣ закона (Stead., Ib., 104); для населенія же законъ олицетворялся полиціей; преступники преслѣдовались лишь по благоусмотрѣнію полиціи—тогда, когда это было нужно обществу Таммани (Stead., Ib., 69); полиція укрывала тѣхъ преступниковъ, которые ей платили (Stead., Ib., 52, 64, 81, 87, 119, 120, 122, 125); и не только сама укрывала ихъ, но даже систематически парализовала всѣ усилія другихъ властей въ дѣлѣ раскрытія и преслѣдованія преступленій, предупреждая преступниковъ о предписаніяхъ властей, о готовящихся мѣрахъ преслѣдованія и т. д. (Stead., Ib., 130); когда начала свою дѣятельность по раскрытію преступниковъ Таммани

комиссія Lexow'a, то полиція всѣми мѣрами противодѣйствовала работамъ комиссіи (Stead., lb., 57, 126—127).

Самыя основы конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ безнаказанно попирались Нью-Іорской полиціей. Напримѣръ, неприкосновенность жилища въ Нью-Іоркѣ не существовала, полиція присвоила себѣ право входа въ любой домъ и квартиру—„не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ Петербургская полиція“, говоритъ Стэдъ (Stead., lb., 62). Неприкосновенность личности была для Нью-Іорской полиціи такъ же пустымъ звукомъ; полиція арестовывала кого угодно, по какому угодно поводу—да еще вдобавокъ подвергала арестованныхъ въ помѣщеніи полиціи звѣрскимъ побоямъ и истязаніямъ, такъ, что выбивались зубы, глаза вылетали изъ орбитъ и висѣли, болтаясь на оборвавшихся глазныхъ мышцахъ, разсѣкалась кожа на черепѣ въ длину на нѣсколько сантиметровъ такъ, что приходилось накладывать до 27 швовъ и т. п.—и все это совершенно безнаказанно для чиновъ полиціи (Stead., lb., 95, 96, 100, 102, 103, 104, 132—133, 141—143).

Единственнымъ спасеніемъ отъ притѣсненій и насилій полиціи—были деньги, съ бѣдными же людьми обращались буквально какъ со скотомъ (Stead., lb., 142); для массы Нью-Іоркскаго населенія полицейскій олицетворялъ собою всю власть и законодательную, и исполнительную, и судебную, и конституцію, и городское управленіе (Stead., lb., 58).

Губернаторы штата Нью-Іоркъ, напримѣръ, Flower, оказывались членами Таммани (Stead., lb., 53); судьи—ставленниками Таммани. На судейскія кресла Таммани сажало завѣдомыхъ мошенниковъ, и судъ былъ всецѣло въ рукахъ Таммани (Stead., lb., 145—147, 73, 92). „Для бѣдныхъ нѣтъ правосудія въ Нью-Іоркѣ“, говорили жители (Stead., lb., 103, 135, 136, 139), тѣмъ болѣе, что полиція могла что угодно доказать лжесвидѣтелями, а требованія обвиняемаго о вызовѣ свидѣтелей въ его пользу — встрѣчали всегда отпоръ со стороны судей (Stead., lb., 90, 91, 135).

И Нью-Іоркъ не составляетъ исключенія; безсиліе законовъ есть всеобщее зло въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; обиліе законовъ тамъ необычай-

ное, но законы эти очень плохо исполняются (см., напр., Янж. Синд., 332—337; „В. Е.“, 1903, ноябрь, 349—350; Нов. Сл. 1897, X, 180—195).

Сторонники парламентаризма не замедлятъ сдѣлать, конечно, указаніе, что тѣмъ не менѣе всѣ злоупотребленія Таммани разоблачены комиссіей сенатора Lexow'a, чѣмъ и пресѣчена на будущее время возможность подобныхъ злодѣяній.

Вотъ въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ.

Комиссія Lexow'a оказалась безсильной, и вся работа ея—безполезной. Во время работъ комиссіи полиція грабила и собирала дань попрежнему, безъ малѣйшаго измѣненія заведенныхъ порядковъ; это подтвердили въ засѣданіяхъ комиссіи свидѣтели (Stead. Ib., 136—137). Полиція обращалась къ своимъ кліентамъ, частію въ ободряющемъ, частію въ запугивающемъ тонѣ—„подождите, все будетъ по-старому, дайте лишь разсѣяться тучамъ—wait till the clouds roll by“ (Stead., Ib., 125).

Правда, ради избавленія отъ ига Таммани была предпринята цѣлая реформа: путемъ сліянія нѣсколькихъ городовъ образованъ „Великій Нью-Іоркъ“ (the Greater New-York), и—изъ недовѣрія къ выборнымъ корпораціямъ—почти вся власть сосредоточена въ рукахъ мэра. Но мэромъ былъ избранъ нѣкто Ванъ-Викъ — кандидатъ Таммани! (Stead., Ib., 205).

Есть одна область, гдѣ недостатки организаціи государственной власти особенно рѣзко бросаются въ глаза—это область защиты дѣтей отъ эксплуатаціи ихъ труда въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Оказывается, что и тутъ, какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, парламентаризмъ является формой правленія, безсильной предупредить самыя вопіющія нарушенія интересовъ цѣлаго народа.

Въ концѣ XVIII столѣтія въ Англіи началось движеніе въ пользу охраны здоровья дѣтей отъ губительнаго вліянія непосильнаго труда въ мануфактурахъ. До этого времени отношеніе англичанъ къ факту примѣненія дѣтскаго труда—было сплошнымъ самодовольствомъ: Дефоэ, напримѣръ, восхищался, что дѣти съ самаго ранняго возраста могутъ быть полезны своимъ родителямъ; въ офиціальныхъ отчетахъ писались разсужденія—какъ полезно дѣ-

тямъ заниматься работою, напримѣръ, разщипываніемъ конопатки, смолистый запахъ которой дѣйствуетъ на нихъ освѣжающимъ образомъ, при чемъ легкость работы позволяетъ занимать ею лицъ всякаго возраста; извѣстно, что за эту „легкую“ работу засаживали дѣтей съ пятилѣтняго возраста—по двѣнадцати и болѣе часовъ въ сутки; давать работу дѣтямъ считалось прекраснымъ, филантропическимъ дѣломъ, такъ какъ этимъ путемъ воспитывается-де серьезное, трудолюбивое поколѣніе (Ann., 1906, III, 56).

Наконецъ нашлись люди, которые поняли и осмѣлились во всеуслышанье заявить, сколько жестокости въ этой „филантропіи“ и какими послѣдствіями грозитъ она подрастающему поколѣнію: манчестерскіе врачи въ 1784 и 1796 годахъ постановили особыя резолюціи, посвященныя вопросу о дѣтскомъ трудѣ. Началась агитація въ пользу огражденія дѣтей отъ подобной эксплуатаціи. Въ 1802 году былъ изданъ первый фабричный законъ, ограничившій работу дѣтей двѣнадцатью часами въ сутки, запретившій ночную работу дѣтей и поставившій извѣстныя требованія касательно посѣщенія школы. Законъ—не исполнялся, такъ какъ въ это время въ Англіи наступило гигантское развитіе хлопчато-бумажнаго производства съ примѣненіемъ машинъ. Въ 1819 году вышелъ законъ, запрещающій принимать на работу дѣтей, моложе 9 лѣтъ и занимать работой болѣе 12 часовъ въ сутки лицъ, моложе 16 лѣтъ. Въ 1825 году опять вышелъ законъ, запрещающій работу болѣе 12 часовъ въ сутки лицамъ, моложе 16 лѣтъ. Законъ 1831 года распространилъ это правило на лицъ моложе 18 лѣтъ; дальнѣйшія мѣры защиты дѣтей были приняты законами 1833, 1844, 1847, 1867, 1874, 1895 и 1901 годовъ (Ann., 1906, III, 59—63).

Такъ *быстро* работала парламентская машина... Но можно было бы думать, что по крайней мѣрѣ хоть достигнуты прочные результаты?

Ничуть не бывало! Эксплуатація дѣтей и до днесь процвѣтаетъ въ Англіи. Нѣкто France Hird издалъ въ Лондонѣ въ 1898 году книжку подъ заглавіемъ „Вопль дѣтей“, „The cry of the children“, въ которой приводитъ рядъ ужасающихъ данныхъ. Въ большихъ мануфактурныхъ округахъ, въ особенности въ нѣкоторыхъ частяхъ лондонскаго

Истъ-Энда—дѣти являются работниками чуть ли не съ момента, какъ только научатся ходить; дѣвочки попадаютъ въ положеніе мало чѣмъ лучше рабскаго—какъ только ихъ нѣжные пальчики оказываются способными держать иголку или склеивать бумагу. Такъ какъ для дѣтей посѣщеніе школы въ Англіи обязательно, то ихъ заставляютъ работать четыре часа до школы и все время до глубокой ночи—послѣ школы, не говоря о томъ, что употребляются всяческія уловки, чтобы по возможности совсѣмъ не посылать дѣтей въ школу. Работа хотя и не тяжела—склеиваніе коробочекъ, дѣланіе искусственныхъ цвѣтовъ, сшиваніе дамскихъ поясовъ и т. д., тѣмъ не менѣе страшно обременительна для дѣтей, требуя постояннаго напряженнаго вниманія—и продолжается эта работа цѣлыми днями безъ перерыва, за самое ничтожное вознагражденіе; напримѣръ, одна семья, состоящая изъ матери и двоихъ дѣтей, работала ежедневно отъ 7 час. утра до половины двѣнадцатаго ночи безъ малѣйшаго перерыва даже для ѣды (ѣли за работой) и вырабатывала всего одинъ шиллингъ, три пенса, три фартинга (примѣрно 65 копеекъ); мать такъ устаетъ, что не имѣетъ времени убирать комнату, а дѣти нерѣдко засыпаютъ за работой, скорчившись, сидя (Hird., Cry., 9—16). Тысячи и тысячи дѣтей работаютъ по 14 часовъ въ сутки въ удушливомъ воздухѣ грязныхъ, тѣсныхъ, не вентилируемыхъ помѣщеній, питаясь самой скудной пищей, какую только можно себѣ вообразить (Hird.; Cry., 59).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ работа оказывается—помимо своей продолжительности—еще и прямо физически тяжелою, напримѣръ, при шитьѣ парусовъ и джутовыхъ мѣшковъ; края сшиваемыхъ толстыхъ, грубыхъ тканей приходится плотно прижимать одинъ къ другому и въ то же время натягивать, чтобы концы ихъ сошлись: если парусъ или мѣшокъ будетъ сшитъ такъ, что одно полотнище окажется выступающимъ противъ другого, то придется перешивать сызнова (Hird., Cry., 41).

Еще болѣе тяжела, страшно тяжела, работа дѣтей на лодкахъ, перевозящихъ товары по каналамъ Англіи (Hird., Cry., 79, 82—84).

Работа дѣтей въ Англіи—это кровавыя жертвы изъ

тысячъ и тысячъ маленькихъ усталыхъ головокъ, слабыхъ ручекъ, хрупкихъ дѣтскихъ тѣлецъ, маленькихъ, безнадежно страдающихъ сердечекъ — кровавыя жертвы на алтарѣ Мамона (Hird., Cry., 11—12).

Но какъ же возможны подобные ужасы, когда существуютъ такіе-то и такіе парламентскіе акты, охраняющіе дѣтей, запрещающіе то и то, предписывающіе это и это?

Увы, трудъ дѣтей выгоденъ. Мамону нужны эти жертвы, а Мамонъ всесиленъ (Hird., Cry., 29), и къ его услугамъ является—„великій“, „конституціонный“ принципъ „неприкосновенности жилищъ“! На дѣтей, работающихъ внѣ фабричныхъ помѣщеній, фабричные законы не распространяются (Hird., Cry., 19, 46), каждый англичанинъ—хозяинъ въ своемъ жилищѣ и недосягаемъ для парламентскихъ актовъ (Hird., Cry., 66). И вотъ родители заставляютъ работать своихъ дѣтей, чтобы прибавить ничтожные гроши къ своему скудному заработку. Большею частью такъ заставляютъ работать дѣтей—вдовы или тѣ, къ сожалѣнію — очень многочисленныя женщины, у которыхъ мужья—пьяницы, проводятъ свои досуги по кабакамъ и другимъ притонамъ (Hird., Cry., 35, 45, 56), а за послѣднее время усилившаяся иммиграція иностранцевъ, въ особенности евреевъ, сбивающихъ цѣны на трудъ, заставляетъ и порядочныхъ, трудолюбивыхъ англійскихъ работниковъ достигать пополненія бюджета цѣною жизни и здоровья своихъ дѣтей (Hird., Cry., 61—66)—подъ сѣнью конституціоннаго принципа „неприкосновенности жилища“!

Въ результатѣ цѣлой сотни лѣтъ парламентской охраны дѣтей получилось вырожденіе англійской расы: Джонъ Денисъ, въ статьѣ „Hooligan“, помѣщенной въ февральской книжкѣ Everybody's Magazine, приводитъ множество интересныхъ указаній въ этомъ направленіи.

Въ одинъ прекрасный день, благодаря бурской войнѣ, англичане пришли къ ужасному открытію, что ихъ физическая сила подорвана—не оказалось человѣческаго матеріала для арміи, цифра забракованныхъ получилась поражающая; напримѣръ, въ Манчестерѣ изъ 11000, осмотрѣнныхъ комиссіей по пріему на военную службу, забракованныхъ оказалось около 10000... Воевали не англичане, а шотландцы, ирландцы и жители колоній.

Традиціонный, историческій Джонъ Булль—широкоплечій, краснощекій, энергичный, выносливый великанъ—исчезъ; на смѣну ему явился малокровный, физически истощенный, слабый волею и умомъ—хулиганъ, сплошь и рядомъ типичный дегенератъ (Ann., 1906, III, 64).

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ эксплуатація дѣтскаго труда происходитъ въ еще болѣе ужасающихъ размѣрахъ, въ особенности въ Южныхъ Штатахъ. Въ бумаго-прядильныхъ фабрикахъ Южныхъ Штатовъ по даннымъ 1904—1905 года работаютъ до 250 тыс. лицъ; изъ нихъ лишь 30 процентовъ старше 21 года; въ Сѣверной Каролинѣ 75 процентовъ рабочихъ на бумаго-прядильныхъ фабрикахъ—въ возрастѣ отъ 14 лѣтъ и ниже (Ann., 1906, III, 5, 8); въ Виргиніи, въ двухъ Каролинахъ, въ Алабамѣ работа дѣтей моложе 12 лѣтъ запрещена, но за отсутствіемъ фабричной инспекціи законъ не соблюдается, а въ Георгіи совсѣмъ нѣтъ законовъ, охраняющихъ дѣтей и регулирующихъ дѣтскій трудъ (Ann., 1906, III, 57, 67). Предѣльное количество труда для дѣтей въ Америкѣ въ настоящее время—66 часовъ въ недѣлю (Ann., 1906, III, 57).

Но и эти законы обходятся; подобно тому, какъ это дѣлается въ Англіи, американскіе родители рабочаго класса заставляютъ дѣтей работать на дому; для Нью-Іорка констатированы случаи, когда, напримѣръ, изготовленіемъ искусственныхъ цвѣтовъ были заняты пятилѣтнія и четырехлѣтнія дѣти (Ann., 1906, III, 26); и находятся въ свободной Америкѣ врачи, которые рѣшаются утверждать, будто для дѣтей моложе 9 лѣтъ работать 15 час. въ сутки—не вредно (Ann., 1906, III, 60) *).

Результатомъ, какъ и въ Англіи, является вырожденіе англо-саксонской расы; въ Южныхъ Штатахъ уже выработался фабричный типъ—factory type—физически истощенныхъ людей. Огромная армія безработныхъ состоитъ главнымъ образомъ не изъ людей, не находящихъ работы, а изъ неспособныхъ къ работѣ, не выносящихъ суровыхъ условій труда вслѣдствіе потери силъ и здоровья на

*) Интересующіеся найдутъ много подробностей о дѣтскомъ трудѣ въ Америкѣ—въ „Русской Мысли“, 1903 г., октябрь и ноябрь, статья „Дѣтскій трудъ въ Америкѣ“.

непосильной работѣ въ дѣтскомъ возрастѣ; статистика Пенсильваніи, напримѣръ, показываетъ, что кадры бродягъ и преступниковъ-рецидивистовъ пополняются главнымъ образомъ лицами, замученными работой съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста (Ann., 1906, III, 9, 66, 59).

Правда, въ Соединенныхъ Штатахъ общественное мнѣніе возмущено этими фактами: возникъ національный комитетъ для защиты дѣтей и такіе же комитеты въ отдѣльныхъ штатахъ (Ann., 1906, III, 67); но если Сѣверо-Американская парламентская машина будетъ работать такъ же быстро и успѣшно, какъ англійская, то улучшенія участи дѣтей придется ждать до 2000 года.

Ознакомляя насъ съ злоупотребленіями и всяческими отрицательными и темными сторонами парламентаризма, нѣкоторые изъ авторовъ указываютъ при этомъ, что причиною парламентскихъ нестроеній является не просто деморализація народа, которую нужно во всякомъ случаѣ считать явленіемъ временнымъ и преходящимъ, и не какіе-либо случайные и слѣдовательно устранимые недостатки той или иной конституціи; но что корень зла лежитъ въ самой системѣ парламентаризма, основные принципы котораго по сущности своей враждебны идеѣ государства.

Въ современныхъ конституціяхъ, благодаря парламентаризму, общество беретъ верхъ надъ государствомъ,—а это представляется въ высшей степени нежелательнымъ (Off., Parl., 11).

Дѣйствительно—понятіе общества есть понятіе народа, расчлененнаго и раздробленнаго различіями въ обладаніи и способахъ пріобрѣтенія матеріальныхъ и духовныхъ благъ. Эгоистическія стремленія каждаго индивидуума являются для него, какъ члена общества, цѣлью всей жизни, и самое общество онъ склоненъ представлять себѣ какъ средство для успѣшнѣйшаго достиженія своихъ интересовъ. Поэтому общество являетъ собою массу населенія, разъединенную взаимной противоположностью частныхъ интересовъ; и выйти изъ этой противоположности и борьбы отдѣльныхъ, частныхъ интересовъ — своими силами оно не можетъ.

Это различіе, эта взаимная противоположность част-

ныхъ интересовъ переодолѣвается только государствомъ, которое является силою, стоящей выше общества, и подчиняетъ всѣ частные интересы одной общей цѣли и объединяетъ и примиряетъ ихъ въ стремленіи къ благу цѣлаго народа (Off., Parl., 7—8).

Между тѣмъ отдѣльные элементы общества, группируясь сообразно общности интересовъ въ классы и партіи, находятся въ постоянномъ антагонизмѣ, и тѣ изъ нихъ, которые оказываются въ данную минуту наиболѣе могущественными, стремятся подчинить себѣ государство и направить его дѣятельность исключительно въ свою пользу; парламентаризмъ какъ разъ даетъ для этого наиболѣе простое, легкое и удобное средство—правленіе партій (Off., Parl., 8, 11, 54). Между тѣмъ въ интересахъ народа, какъ цѣлаго, была бы какъ разъ противоположная организація, гдѣ государство представляло бы изъ себя внѣпартійную, регулирующую и примиряющую силу, обезпечивающую для всѣхъ равно благопріятныя условія существованія (Off., Parl., 68, 70—71).

Это мнѣніе Оффермана—достойное самаго глубокаго вниманія — остается пока далекимъ отъ всеобщаго признанія; до требованія—уничтожить парламентаризмъ—на Западѣ дѣло еще не дошло; но мысль о необходимости болѣе или менѣе радикальныхъ реформъ парламентскаго строя можетъ считаться окончательно созрѣвшей.

Одни, напримѣръ, предлагаютъ возвысить авторитетъ верхней палаты; другіе — усилить королевскую власть; третьи все спасеніе видятъ въ учрежденіи пропорціональнаго представительства (Pell., Parl., 115—116, 125, 198).

Иные, признавая приведенныя мѣры простыми палліативами, отвергаютъ ихъ какъ безполезныя. Усиленіе королевской власти, во-первыхъ, непримѣнимо тамъ, гдѣ ея нѣтъ; во-вторыхъ—при сохраненіи основъ современнаго парламентаризма—далѣе обсолютнаго veto это усиленіе итти не можетъ, обсолютное же veto монарховъ и теперь кое-гдѣ существуетъ, но пользы не приноситъ. Возвышеніе авторитета верхней палаты—едва ли даже вообще возможно; верхняя палата имѣетъ право абсолютнаго veto по отношенію къ рѣшеніямъ нижней палаты—какая же реформа здѣсь возможна? Да кромѣ того—верхнія палаты

такъ же подвержены внутреннему разложенію, какъ нижнія; напримѣръ французскій сенатъ совершенно подчинился палатѣ депутатовъ и идетъ пассивно за нею во всѣхъ дѣлахъ и вопросахъ—сверженіи министерствъ, утвержденіи бюджета и т. д. (Eichth., Souv., 255): въ Италіи жалобы на деморализацію (corruzione) Сената высказываются въ печати даже самими сенаторами, каковы, напримѣръ, Alfieri di Sostegno, Filippo, Linati, Andrea, Suarneri, Fedele, Lampertico, Luigi, Zini, (Pell., Parl., 140—141 e nota).

Пропорціональные выборы также не могутъ считаться панацеею парламентскихъ недуговъ: какъ выше было сказано, размноженіе партій ведетъ лишь къ образованію временныхъ коалицій партій, блоковъ, которые путемъ взаимныхъ уступокъ проводятъ мѣры, выгодныя для всѣхъ, вступившихъ въ блокъ партій, но для государства и народа въ лучшемъ случаѣ безполезныя. И во многихъ парламентахъ есть такія группы, которыя за различныя льготы и подачки вступаютъ въ союзъ съ любой партіей—съ торговъ, кто больше дастъ. Таковы, напримѣръ—центръ въ Германіи, поляки въ Австріи, оппортунисты во Франціи (Zenk., Ref., 44).

Въ виду этого многіе писатели требуютъ болѣе широкихъ, коренныхъ реформъ конституціоннаго строя и указываютъ на нѣкоторые принципы, какъ на совершенно ложные и подлежащіе безусловному отрицанію.

Самая основа парламентаризма—выборы депутатовъ и рѣшеніе вопросовъ *по большинству голосовъ*—покоится на ошибочномъ убѣжденіи, будто всякій вопросъ, всякое дѣло можно рѣшать по большинству голосовъ; это убѣжденіе есть возвращеніе къ философіи пиѳагорейцевъ, которые думали, что числа управляютъ вещами; развѣ можно считать разумнымъ подчиненіе меньшинства большинству, если послѣднее стремится обезчестить, денаціонализировать, поработить меньшинство? (Zenk., Ref., 13, 40, 46—47; Pioger Vie Sok., 186); развѣ можно навязать кому-нибудь по большинству голосовъ—религію? Можно ли поставить оборону страны отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ—въ зависимость отъ рѣшенія большинства? (Off., Parl., 28—29). На нашихъ глазахъ національная оборона Франціи находится въ состояніи полнаго упадка и дезор-

ганизаціи—и въ этомъ виноватъ парламентаризмъ съ его принципомъ большинства (Sén., Parl., 31; Schöff., Parl., 4). Неподготовленность Франціи къ войнѣ 1870 года и окончательная гибель арміи вслѣдствіе назначенія главнокомандующимъ маршала Базена—дѣло рукъ парламентаризма; въ 1866 году маршалъ Ніэль предлагалъ реформы военной организаціи—палата отказала; въ 1868 и 1869 году—палата опять отвергаетъ проекты реорганизаціи арміи; 30 іюня 1870 года, почти наканунѣ объявленія войны, палата понизила численность арміи на 20000 человѣкъ, несмотря на всѣ усилія правительства недопустить этого; по объявленіи войны палата назначила главнокомандующимъ Базена, извѣстнаго своею измѣною въ Мексикѣ: нѣкто Slais Bizoin, депутатъ закричалъ въ палатѣ—„Bazaine généralissime“! и всѣ завопили—„oui, oui, Bazaine généralissime“! и погубили армію, а съ нею и Францію (Sén., Parl., 5—6).

Не менѣе ложнымъ, чѣмъ безусловное преклоненіе передъ большинствомъ, передъ голой цифрой, является принципъ безотвѣтственности депутатовъ передъ избирателями (Zenk., Ref., 32, 35—36); этотъ принципъ зиждется на совершенно произвольномъ утвержденіи, будто каждый депутатъ есть представитель всего народа въ цѣломъ, это теоретически нелѣпо и фактически невѣрно—напримѣръ, въ Австріи полякъ, чехъ, итальянецъ всегда будутъ представлять интересы поляковъ, чеховъ, итальянцевъ, а не какого-то воображаемаго австрійскаго народа (Zenk., Ref., 32—33, 34). А между тѣмъ безотвѣтственность депутатовъ ведетъ къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ: никогда самый узкій абсолютизмъ не рѣшился бы на такія насилія и несправедливости, какія на каждомъ шагу позволяютъ себѣ совершать прикрывающіеся своею безотвѣтственностью парламентаріи (Schöff., Parl., 19, 26; Sén., Parl., 20).

Нужно отвергнуть этотъ ложный принципъ безотвѣтственности депутатовъ. Депутаты должны представлять интересы своихъ избирателей, а такъ какъ врученіе наказа депутату отъ избирателей безполезно, ибо заранѣе всего предвидѣть нельзя, то депутатъ долженъ пользо-

ваться свободою дѣйствій, но при этомъ подлежитъ отвѣтственности передъ избирателями—хотя-бы въ формѣ права избирателей на отозваніе депутата: право отозванія являлось бы совершенно естественнымъ корольларіемъ избирательнаго права (Zénk., Ref., 87—89).

Далѣе, мы встрѣчаемъ многочисленныя указанія на непомѣрную, ни съ чѣмъ не сообразную, всеобъемлющую компетенцію парламента.

Основная функція парламента есть законодательство. Затѣмъ не менѣе существенною стороною его дѣятельности является контроль надъ дѣятельностью правительственныхъ властей—главнымъ образомъ въ сферѣ финансовой: современное государственное хозяйство зиждется на кредитѣ, кредитъ предполагаетъ довѣріе, довѣріе предполагаетъ наличностью контроля, контроль осуществимъ лишь черезъ представителей народа (Zénk., Ref., 9—10, 12). Въ виду этого парламенту должны быть сохранены контрольныя функціи (Zénk., Ref., 67, 70); затѣмъ конечно законодательство должно остаться въ рукахъ парламента: все же, что не относится до законодательства и контроля, должно быть изъято изъ компетенціи парламента (Zénk., Ref., 71—76; Off., Parl., 83), въ особенности же должна быть закрыта и защищена отъ парламентскихъ посягательствъ область управленія.

Парламентарная идея, проведенная въ сферѣ управленія, есть въ высшей степени ложная концепція. Исходя изъ факта противоположности понятій общества и государства, мы должны признать, что въ отношеніи государственнаго управленія современная конституціонная доктрина впадаетъ въ грубую ошибку: вмѣсто того, чтобы организовать связь между государствомъ и обществомъ именно въ сферѣ управленія, то-есть тамъ, гдѣ измѣнчивые общественные интересы ежедневно сталкиваются съ государствомъ и его требованіями, такъ что государство тутъ именно—въ тысячахъ отдѣльныхъ случаевъ—могло бы примирять и регулировать сталкивающіеся общественные интересы; вмѣсто этого ложная парламентарная доктрина переноситъ грубую борьбу интересовъ прямо въ нѣдра законодательнаго учрежденія (Off., Parl., 74). Зако-

нодательство смѣшивается съ управленіемъ; партійная борьба переходитъ въ такую область, которая должна быть для нея совершенно закрыта—въ область управленія; благодаря этому при всякой перемѣнѣ министерства—а онѣ такъ часто въ парламентскихъ государствахъ—измѣняется все направленіе административной дѣятельности государственной власти; управленіе лишается устойчивости, и отъ этого жестоко страдаетъ населеніе, т.-е. само же государство. Постоянная смѣна министерствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчныя колебанія политики управленія—ахиллесова пята конституціонализма (Hol., Ash., 10).

Въ виду сказаннаго возникаетъ мысль о коренныхъ реформахъ парламентскаго строя, именно о необходимости выдѣлить сферу управленія изъ компетенціи законодательныхъ учрежденій и построить управленіе на совершенно новыхъ самостоятельныхъ конституціонныхъ началахъ—напримѣръ, введеніемъ выборныхъ представителей населенія во всѣ государственныя административныя учрежденія (Off., Parl., 79, 81, 82, 83, Chim. Vita, 88—89); къ этому добавляются пожеланія реформировать самые парламенты такъ, чтобы верхняя палата была законодательною палатой, а нижняя—палатою административной —Verwaltungskammer (Off., Parl., 88—90, 99), или чтобы верхняя палата была камерой политическаго законодательства, а нижняя—государственно-хозяйственныхъ мѣропріятій (Zénk., Ref., 78—79).

Нѣкоторые писатели идутъ еще далѣе и отвергаютъ совершенно выборное начало, которымъ такъ злоупотребляютъ парламентаріи; предлагается созданіе особаго правящаго класса изъ *аристократовъ ума* (Geistesaristokraten), пополняющаго свой составъ путемъ *кооптаціи* (Walck. Gef., 12 ff).

Наконецъ, американцы—какъ мы видѣли—отчаявшись въ парламентаризмѣ, склоняются къ выборной диктатурѣ и создаютъ въ своихъ городахъ должности всесильныхъ городскихъ головъ; современный американскій муниципальный идеалъ есть—царь-голова, the Tsar-Mayor!

Входить въ разборъ всѣхъ перечисленныхъ проектовъ реформъ—мы не станемъ; мы задались цѣлью показать,

какъ разочаровались на Западѣ въ томъ самомъ парламентаризмѣ, который мы оттуда только что рабски заимствовали, и поэтому мы считаемъ нашу задачу исполненной.

Что же касается выводовъ и предположеній о предлежащихъ путяхъ практической дѣятельности, намѣчаемыхъ современнымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, то объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ.

Проф. *В. Ф. Залѣсскій.*

Къ вопросу о школѣ.

Огромное значеніе школы въ жизни людей давно сознано какъ нашимъ народомъ, такъ и нашимъ правительствомъ и церковью. Что ученье—свѣтъ и что только доброе воспитаніе въ христіанскомъ духѣ способно сдѣлать изъ нашихъ дѣтей полезныхъ членовъ церкви и отечества, это мысль столь же доступная народной массѣ, какъ и всѣми мѣрами поддерживаемая издавна нашею церковью и нашимъ государствомъ.

Конечно, школа не можетъ выполнить своей основной и первѣйшей задачи, если она будетъ давать только обученіе, не обращая вниманія на улучшеніе воспитанія. Не прививая своимъ питомцамъ привычекъ доброй нравственности, прилежанія, самопомощи и безкорыстнаго служенія другимъ, школа не дастъ имъ ни обильныхъ знаній, ни правильнаго умственнаго развитія, ни житейской мудрости, ни душевнаго равновѣсія и способности устраивать собственное счастье и содѣйствовать счастью другихъ.

Школа наша не оправдывала и не оправдываетъ надеждъ, на нее возлагавшихся людьми, всѣми силами стремившимися улучшить жизнь своего народа. Скорбною нотой звучатъ слова Царя-Освободителя въ рескриптѣ на имя министра народнаго просвѣщенія отъ 25 декабря 1873 года, что народныя школы „вмѣсто распространенія въ народѣ, вмѣстѣ съ грамотностью, яснаго разумѣнія божественныхъ истинъ ученія Христова съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга, обращались по мѣстамъ въ *орудія растлѣнія народа*“. Призывъ того же Государя, духовенства и „всѣхъ просвѣщеннѣйшихъ людей страны“ къ дѣлу народнаго образованія въ духѣ религіи и нравственности, какъ „великому и священному дѣлу“, остался безъ дѣятельнаго

отзвука въ обществѣ. Школа, въ концѣ-концовъ, превратилась въ разсадникъ революціонной пропаганды, подготовившей наше нравственное банкротство въ Японскую войну и разорительную и позорную послѣдовавшую смуту. Творцами революціи и воспитателями внутреннихъ враговъ страны оказались тѣ самые люди, что должны были служить народу духовными вождями на пути къ прогрессу, силѣ и славѣ родины.

Разверните страницы журналовъ „освободительнаго“ пошиба за 1905 годъ, и вы найдете тамъ хвастливыя статьи о руководящей роли высшей школы въ созданіи внутренней смуты въ государствѣ. На ряду съ заклятыми врагами внѣшними и потомками побѣжденныхъ нашими предками народовъ, мечтающими о разрушеніи царства побѣдителей, наши учителя и профессора принялись за разрушеніе собственнаго государства и подготовленіе порабощенія собственнаго народа иноземцами, инородцами и безсовѣстными честолюбцами изъ своей среды. Народъ увидѣлъ осязательное доказательство истинности завѣта св. Тихона (въ „Наказѣ объ устроеніи школъ“): „Обучать подлежитъ не только грамотѣ (и не только „высшимъ наукамъ“), но и честному житію, страху Божію, понеже грамота безъ страха Божія есть не что иное, какъ *безумному мечъ*“.

Эти скорбные результаты школы безъ хорошаго воспитанія породили къ ней охлажденіе многихъ. Читая листки и брошюрки, направленныя противъ церкви, противъ религіи, патріотизма, добраго русскаго имени и въ защиту преступнаго и уродливаго, приходилось не разъ благословлять безграмотность массъ, не умѣющихъ ни критически отнестись къ печатному слову ни отличить правой руки отъ лѣвой въ вопросахъ, преподносимыхъ имъ въ этихъ издѣліяхъ самомнительныхъ и невѣжественныхъ людей въ роли просвѣтителей.

А между тѣмъ та же грамота и школа на Западѣ, въ лучшихъ рукахъ, производила иногда чудодѣйственное вліяніе на характеръ и судьбу народа, его благосостояніе и успѣхи въ государственной жизни.

Въ своей знаменитой рѣчи, произнесенной въ нижней палатѣ 19-го апрѣля 1847 года въ защиту необходимости

государственнаго вмѣшательства въ пользу народнаго воспитанія, извѣстный историкъ Маколей приводитъ слѣдующій разительный примѣръ вліянія школы на народную жизнь:

„Сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Англія (въ тѣсномъ смыслѣ) была одною изъ наилучше управляемыхъ и самыхъ зажиточныхъ странъ въ мірѣ. Шотландія тогда была, можетъ-быть, самою отсталою и бѣдною страною изъ тѣхъ, которыя имѣли какое-нибудь право считаться въ ряду цивилизованныхъ. Имя шотландца произносилось тогда въ собственно англійской части острова съ презрѣніемъ. Способнѣйшіе изъ шотландскихъ государственныхъ людей почти съ отчаяніемъ смотрѣли на ужасное, унизительное состояніе своихъ бѣднѣйшихъ согражданъ. Хорошо извѣстно, что Fletcher of Saltoun, мужественный и образованный человѣкъ, бравшійся за мечъ въ защиту свободы и терпѣвшій во имя той же свободы преслѣдованія и изгнаніе, съ такимъ отвращеніемъ и такимъ ужасомъ смотрѣлъ на бѣдность, невѣжество, лѣнь и распущенность среди своего народа, что предлагалъ обратить нѣсколько тысячъ изъ нихъ въ рабовъ.

„Ничто, думалъ онъ, кромѣ дисциплины, поддерживавшей порядокъ и исторгавшей работу у негровъ какой-нибудь сахарной колоніи, ничто, кромѣ плети и палокъ, не могло заставить бродягъ, безпокоившихъ каждый уголокъ Шотландіи, оставить ихъ привычки праздной и хищнической жизни и принудить жить правильнымъ и мирнымъ трудомъ.

„Вскорѣ, поэтому, послѣ англійской революціи онъ напечаталъ брошюру, гдѣ серьезно и, я вѣрю, изъ чистыхъ побужденій гуманности и патріотизма рекомендовалъ парламенту это сильное средство, которое одно, по его мнѣнію, могло устранить зло. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ изданія этой брошюры была примѣнена совершенно иная мѣра. Парламентъ (шотландскій), засѣдавшій въ Эдинбургѣ, издалъ законъ о введеніи церковно-приходскихъ школъ.

„Что же вышло? — Прогрессъ, невиданный никогда міромъ, въ нравственныхъ и интеллектуальныхъ качествахъ характера шотландскаго народа. Вскорѣ, несмотря

на суровость климата и вопреки безплодію почвы, Шотландія сдѣлалась страной, не имѣвшей основанія завидовать самымъ лучшимъ уголкамъ земного шара. Куда бы ни отправился шотландецъ (а было мало странъ свѣта, куда бы ни заходилъ онъ), онъ несъ съ собою свое превосходство. Если его выпускали на общественную службу, онъ достигалъ высшихъ должностей. Если онъ получалъ занятіе на какомъ-нибудь заводѣ или фабрикѣ, онъ становился скоро тамъ начальникомъ. Если онъ принимался за торговлю, его лавка дѣлалась лучшею на улицѣ. Если его принимали въ армію, онъ становился скоро знаменосцемъ. Если онъ уходилъ въ колонію, то вскорѣ дѣлался самымъ зажиточнымъ плантаторомъ тамъ.

„О шотландцѣ семнадцатаго столѣтія въ Лондонѣ говорили такъ, какъ мы теперь говоримъ объ эскимосахъ. Шотландецъ восемнадцатаго столѣтія былъ уже предметомъ не презрѣнія, а зависти. Вездѣ говорили, что, куда бы онъ ни пришелъ, онъ получалъ больше другихъ; что, смѣшанный съ англичанами или съ ирландцами, онъ поднимался кверху такъ же несомнѣнно, какъ масло поднимается поверхъ воды.

„И что же было причиною этой большой перемѣны? Шотландскій климатъ оставался холоднымъ, какъ и прежде, а шотландскія скалы были попрежнему обнажены. Всѣ естественныя качества шотландца оставались тѣми же, какими они были и тогда, когда просвѣщенные и доброжелательные люди давали совѣтъ пріучить его къ повседневной работѣ ударами бича, какъ какое-нибудь вьючное животное. Но... государство дало ему *воспитаніе*. Это воспитаніе, правда, во всѣхъ отношеніяхъ не было тѣмъ, чѣмъ оно должно было бы быть. Но, каково бы оно ни было, оно сдѣлало для угрюмыхъ и пустынныхъ береговъ Форса и Кляйда больше, чѣмъ богатство почвы и благодѣтельнѣйшій изъ климатовъ сдѣлали для Капуи и Тарента“...

Эта сила школы въ созданіи характера народа зависѣла и зависитъ отъ того, что нравственныя цѣли всегда занимали первенствующее мѣсто въ системѣ англо-саксонскаго воспитанія. До сихъ поръ англичане говорятъ не о школьномъ просвѣщеніи, а о школьномъ воспитаніи

(education). „Воспитаніе активныхъ силъ всегда считалось здѣсь въ національномъ мнѣніи чѣмъ-то большимъ, чѣмъ пріобрѣтеніе знаній“. (Mark An outline of the history of educational theories in England, 105). „Англійская и американская школа основана на идеѣ, что нравственное воспитаніе важнѣе интеллектуальнаго“ (ibid., 106). Школа здѣсь прежде всего имѣетъ задачею воспитать хорошихъ, дѣятельныхъ людей и „здоровыхъ патріотовъ“ (ibid. 107). Хорошій характеръ и честное поведеніе считаются первою и самою существенною принадлежностью человѣка и гражданина.

Это та же самая воспитательная идея, *внѣдрить* которую постоянно старалась и старается и русская государственная и церковная власть, пекущаяся о благѣ народа. Такъ, напримѣръ, въ Высочайшемъ рескриптѣ 25 декабря 1873 года на имя министра Народнаго Просвѣщенія выражено желаніе „вести дѣло народнаго образованія *въ духѣ религіи и нравственности*“, то-есть въ направленіи воспитанія въ душахъ подрастающаго поколѣнія тѣхъ самыхъ нравственныхъ качествъ хорошаго человѣка и добраго гражданина, что развивала правильно устроенная школа въ Шотландіи, Англіи, Германіи и другихъ странахъ. Воспитательныя задачи ставятся во главу угла и русскимъ школьнымъ законодательствомъ. Въ ст. 1-й же Высочайше утвержденнаго 25 мая 1874 г. положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, начертано: „Начальныя народныя училища имѣютъ цѣлью *утверждать въ народѣ религіозно-нравственныя понятія* и распространять первоначальныя полезныя знанія“. Ученость школьная стоитъ на второмъ планѣ. На первое мѣсто выдвинуто утвержденіе (не словомъ только, но и болѣе могущественнымъ средствомъ: примѣромъ) религіозно-нравственныхъ началъ жизни. Точно такъ же въ параграфѣ первомъ Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 года правилъ о церковно-приходскихъ школахъ задача пребыванія въ нихъ молодежи высказана весьма опредѣлительно и совершенно правильно съ точки зрѣнія школьнаго опыта другихъ странъ: „Школы имѣютъ цѣлью *утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нрав-*

ственности христіанской и сообщать полезныя знанія". Въ развитіе того же воспитательнаго начала Святѣйшій Правительствующій Синодъ въ указѣ своемъ отъ 12 іюля 1884 года предписываетъ: „Утверждать въ русской народной школѣ церковное начальное образованіе въ духѣ благочестія, воспитывать въ дѣтяхъ страхъ Божій, преподавать имъ знаніе вѣры, вселять въ сердца ихъ любовь къ святой Церкви и преданность Царю и Отечеству".

Школа у нашихъ сосѣдей на Западѣ и Востокѣ, въ Германіи и Японіи, равно какъ и въ болѣе отдаленныхъ странахъ, оказала благотворное вліяніе на развитіе народа и на созданіе промышленной и политической мощи ихъ, именно благодаря тому, что воспитательная цѣль ея не осталась мертвою буквою на бумагѣ законовъ и указовъ, а воплотилась въ жизнь при дѣятельномъ содѣйствіи просвѣщеннѣйшей и лучшей части общества.

Не въ стѣнахъ и стилѣ ихъ архитектуръ сила школы, а въ томъ, чему тамъ учатъ, и—главное—*кто* тамъ учитъ. Учитель—душа школы, и отъ учителя, ненадежнаго человѣка и гражданина, нельзя ожидать хорошихъ питомцевъ, твердыхъ въ вѣрѣ и нравственности, полезныхъ членовъ Церкви и мужественныхъ защитниковъ Престола и Отечества.

Тайна всякаго воспитанія — въ *примѣрѣ*. Учитель учитъ: это важно; но ещё важнѣе то, что учитель является живымъ образцомъ для своихъ учениковъ: его не только слушаютъ, но на него смотрятъ; его поведеніе дѣйствуетъ сильнѣе его словъ. Если школа должна сохранять христіанскій характеръ, и религія признается основою жизни общества, то учителемъ можетъ быть только лицо, искренно проникнутое христіанскимъ духомъ. „Чтобы благотворно дѣйствовать на учащихся, надо имѣть истинное благочестіе, а не казаться только благочестивымъ: *личину* благочестія дѣти скоро замѣчаютъ, и въ такомъ случаѣ сами скоро привыкаютъ подражать образцамъ своимъ" (епископъ Евсевій: „О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія").

Въ недостаткѣ искренности причина того, что многіе люди, богатые умомъ и знаніями, не оказываютъ нравственнаго благотворнаго вліянія на своихъ дѣтей или

своихъ воспитанниковъ. Какъ узкій раціоналистъ не можетъ внушить дѣтямъ идеи о живой Высочайшей Истинѣ, какъ послѣднемъ источникѣ всякой правды, такъ и человѣкъ, выполняющій только обрядовую сторону культа, не въ состояніи наполнить души своихъ воспитанниковъ уваженіемъ къ духу христіанской религіи, не научитъ ихъ истинно любить Бога. Участіе (формальное) въ общей молитвѣ, парадное хожденіе въ церковь и цѣлованіе руки архіерея само по себѣ не есть еще показатель того истиннаго благочестія, которое обладаетъ силою будить благочестіе въ юной душѣ. Чуткое сердце ребенка и юноши умѣетъ открывать фальшь поведенія его руководителей и этими открытіями въ корнѣ подрываетъ нравственный авторитетъ ихъ.

Учитель, искренно проникнутый духомъ религіознаго ученія, не будетъ, конечно, „стыдиться“ исповѣдывать своихъ убѣжденій передъ лицомъ зараженнаго современнымъ атеистическимъ „либерализмомъ“ общества. Вопреки ходячимъ представленіямъ о Западѣ и его иррелигіозности, такой проникнутый истиннымъ благочестіемъ учитель найдетъ себѣ поддержку и примѣръ въ томъ же англійскомъ обществѣ, на свѣтлыя стороны школьной жизни котораго мы уже указывали.

Школа безъ религіи и общественная жизнь безъ религіозной основы совершенно чужды англійскому уму. Связь идеи воспитанія съ религіей здѣсь самая тѣсная и самая прочная. Развитіе религіознаго чувства составляетъ первую обязанность общественной школы, по англійскому представленію о ней. Широко разлитое и сильное религіозное воспитаніе англійскаго народа, внѣдренное вѣковымъ вліяніемъ церкви и духовенства на школьное дѣло, не даетъ развиться тамъ деизму и атеистическому матеріализму до той степени, въ которой эти теченія извѣстны въ Германіи. Открытое исповѣданіе ихъ задерживается враждебнымъ имъ общественнымъ мнѣніемъ, столь же почти сильнымъ и въ такой меркантильной и „свободной“ странѣ, какъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки.

Отрицательныя ученія, стремившіяся оторвать народъ отъ церкви и христіанства, давно были извѣстны въ Англіи,

но благодаря школѣ они не могли глубоко проникнуть въ душу націи. Добрыя привычки старой христіанской жизни сохранились тамъ, даже среди „интеллигенціи“, можетъ-быть, въ большей мѣрѣ, чѣмъ гдѣ-либо въ иной странѣ. Правда, эти привычки обратились иногда въ пустыя формы, но соблюденіе этихъ формъ является показателемъ крѣпости религіозной жизни народа, обуреваемой волнами современнаго невѣрія. Ребенокъ живетъ здѣсь въ религіозной атмосферѣ семьи и такую же атмосферу находитъ потомъ и въ школѣ. Конечно, привычныя молитвы въ семьѣ передъ обѣдомъ и послѣ него не всегда произносятся съ достаточною ясностью и торжественностью, но самое соблюденіе ихъ свидѣтельствуетъ о глубоко внѣдрившихся религіозныхъ навыкахъ общества. До сихъ поръ во многихъ семьяхъ сохранился старый хорошій обычай, прощаясь на ночь, говорить, вмѣсто „доброй ночи“ или „good-bye“,—„вспомните меня въ своихъ молитвахъ“ (remember me in your prayers)!.. Если эти формулы отъ частаго употребленія потеряли значительную долю ихъ начальнаго смысла и силы, то, съ другой стороны, ихъ, по свидѣтельству наблюдателей, никакъ нельзя назвать порожденіями лицемѣрія. Искренняя религіозность и сильная дѣлами вѣра все еще составляютъ отличительную черту лучшаго англійскаго общества, сохранившуюся благодаря правильно поставленному школьному воспитанію. Во многихъ семьяхъ Евангеліе составляетъ все еще основу жизни, а народная масса видитъ въ немъ очами вѣры божественную силу.

На той же вѣрѣ построено и воспитаніе въ англійской общественной школѣ. Ученикъ находитъ здѣсь то же, къ чему онъ привыкъ и въ семьѣ, или что семья его молчаливо разсматривала, какъ истинную основу добраго воспитанія: ежедневное чтеніе Библіи и совмѣстную молитву. И это не только практика низшей англійской школы: то же находитъ ученикъ и въ школѣ средней, равно какъ и студентъ лучшихъ университетовъ въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ въ своемъ колледжѣ. Это въ высшей степени поучительная черта англійской университетской жизни, свидѣтельствующая о разумности безуспѣшныхъ стремленій нашего правительства въ началѣ XIX столѣтія

привить подобныя же привычки объ обиходѣ нашей высшей школы...

По почти всеобщему обычаю англійскія общественныя учебныя заведенія, имѣющія въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ свои домовыя церкви (chapels), отправляютъ утромъ и вечеромъ богослуженіе, обыкновенно состоящее изъ пѣнія гимновъ, чтенія отрывка изъ Священнаго Писанія и молитвъ. Посѣщать ихъ обязаны и приходящіе (не пансіонеры, живущіе при школѣ). Кромѣ того, каждое воскресенье ученики должны принимать участіе въ особеннно продолжительныхъ и частыхъ богослуженіяхъ въ церкви школы или прихода ихъ родителей. То же самое имѣетъ мѣсто и въ университетахъ. „Въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ, въ большинствѣ колледжей, продолжаетъ дѣйствовать правило объ обязательномъ ежедневномъ посѣщеніи студентами богослуженій. Въ Эдинбургѣ (столицѣ той самой Шотландіи, школьную жизнь которой выставлялъ какъ образецъ для Англіи и Маколей), согласно древнему обычаю, нѣкоторые профессора до самаго послѣдняго времени начинали свои лекціи и свои прочія учебныя занятія каждый день молитвою, большею частью молитвой Господней. Знаменитый шотландскій философъ сэръ В. Гамильтонъ (умершій въ 1856 году) заключалъ каждый разъ свои лекціи словами: „Господь да благословитъ васъ всѣхъ (God bless you all)“!.. (Wiese, German lettser on englist education, 205, 206).

Въ университетахъ Оксфорда и Кэмбриджа въ первые два года проходится курсъ Священнаго Писанія и важнѣйшихъ богословскихъ произведеній по апологетикѣ. Въ школахъ низшихъ, кромѣ чтенія Св. Писанія, требуется знаніе катехизиса и „книги общихъ молитвъ“, этого „сокровища англійской націи, оказавшаго благодѣтельнѣйшее вліяніе на многія поколѣнія и глубоко проникшаго въ жизнь народа“ (Wiese, op. c., 213).

Важное значеніе для религіознаго воспитанія англійской молодежи имѣетъ еще и то обстоятельство, что въ большинствѣ національныхъ классиковъ, съ которыми знакомятъ ее въ начальномъ періодѣ обученія, религіозный тонъ составляетъ основу творчества: напр., у Миль-

тона, Шекспира, Эддисона (Addison) и многихъ другихъ (Wiese, op. c., 206).

Русское правительство начала XIX вѣка внушало профессорамъ, что ихъ ученія не должны отвращать молодежь отъ церкви и христіанства, а англійское общество успѣло достигнуть той же цѣли путемъ самодѣятельности и силою общественнаго мнѣнія. „Развитіе религіознаго чувства ожидается въ англійскихъ общественныхъ школахъ, какъ нѣчто само собою разумѣющееся“ (Wiese, op. c., 206), а потому поддержка этого „направленія“ и не нуждается здѣсь въ особыхъ законодательныхъ актахъ, въ указахъ короля имъ церковной власти.

Визе, извѣстный нѣмецкій педагогъ, путешествовавшій въ Англіи для ознакомленія съ тамошнею системою воспитанія, и авторъ „писемъ“ (German letters...), на которыя мы не разъ ссылались, передаетъ свою бесѣду съ однимъ англійскимъ купцомъ, мнѣніе котораго можетъ считаться типичнымъ для этого „народа лавочниковъ“, какъ презрительно когда-то отзывался о нихъ Наполеонъ, не ожидавшій, очевидно, что найдетъ въ этомъ народѣ такую силу духа, которая сломитъ и его геній, и мужество его матросовъ и старой гвардіи. Мы передадимъ заключительныя слова этой бесѣды: „Сила вѣры—самая крѣпкая жизненная сила *каждой* націи! И религіозныя и нравственныя истины, берущія свое начало въ ней, имѣютъ столько же значенія и правды для человѣческой жизни въ цѣломъ, сколько научныя истины имѣютъ въ своей (маленькой) области; и я смотрю на воспитаніе молодежи, гдѣ на это не обращено вниманія, какъ на ошибку“... Такой правильной оцѣнки значенія религіи въ воспитаніи и такого твердаго исповѣданія своей вѣры въ правѣ ожидать отъ педагоговъ школы всѣхъ степеней и названій также русскій народъ и русское правительство. Учитель, который не привелъ своихъ питомцевъ ко Христу, не просвѣтившій ихъ свѣтомъ Евангельскаго ученія и полагающій, что онъ достаточно сдѣлалъ для нихъ, если вложилъ въ ихъ голову какія-либо знанія спеціальнаго или общаго характера, имѣющія отношеніе исключительно къ матеріальному міру и жизни „вѣка сего“,—плохой учитель, онъ не понялъ всей высоты своего призванія и не испол-

нилъ ни завѣта Великаго Наставника, ни воли своего Государя, ни задушевныхъ желаній любящихъ своихъ дѣтей родителей, ввѣрившихъ его руководству лучшее свое сокровище.

Одной учености и однихъ знаній, сколько бы обширны они ни были, недостаточно для учителя. Онъ долженъ умѣть возбудить въ своихъ питомцахъ любовь ко всему доброму, истинному, благородному и возвышенному. Зажечь огонь этой любви можетъ только тотъ, кто самъ имѣетъ его въ своей груди. Атеистъ и космополитъ не можетъ внушить своимъ воспитанникамъ уваженія къ вѣрѣ отцовъ, къ преданіямъ и обычаямъ предковъ, любви къ родинѣ и своему народу...

Если бы школы наши не переполнены были людьми, совершенно индиферентными къ христіанской религіи и не признающими историческихъ преданій и идеаловъ родины, онѣ могли бы оказать на характеръ и судьбу русскаго народа такое же благодѣтельное вліяніе, какъ и школы Шотландіи, Англіи или Германіи. Годы смуты сняли личину преданности Церкви и Престолу съ огромнаго числа нашихъ учителей, профессоровъ и наставниковъ, показавъ во всемъ ея безобразіи язву религіознаго и политическаго развала въ разсадникахъ силы и славы страны. Мы пережили всѣ ужасы убійствъ, пожаровъ, безсмысленныхъ возмущеній и международнаго позора, чтобы возможно было сомнѣніе по вопросу, на чьей сторонѣ правда: на сторонѣ борцовъ за великіе историческіе идеалы вѣры и вѣрности, любви къ родинѣ, ея могуществу и славѣ, или на сторонѣ апостоловъ невѣрія и космополитизма. Конечно, съ точки зрѣнія послѣднихъ, школьныя язвы наши оказываются „прогрессомъ“, и во имя успѣховъ этого „прогресса“ у нихъ есть не мало проектовъ, исходящихъ изъ двухъ основныхъ положеній: 1) „преподаванію религіи въ школѣ не можетъ и не должно быть никакого мѣста“ (В. Чарнолускій: „Ежегодникъ народной школы“, вып. 1, стр. 7) и 2) надзоръ государства за школой долженъ быть упраздненъ, и все школьное дѣло нужно предоставить частной и общественной иниціативѣ и свободной „конкуренціи производительныхъ силъ“ (ibid., 5). Эти предложенія преподносятся педагогами—

„прогрессистами“ (см., напр., программы пресловутой Лиги Образованія) подъ соусомъ послѣднихъ словъ политической и педагогической мудрости. Насколько это ложно, мы можемъ видѣть изъ опыта Запада, въ частности той же Англіи.

Школа безъ религіи отвергнута самымъ рѣшительнымъ образомъ общественнымъ мнѣніемъ и исторіей какъ Шотландіи, такъ и Англіи въ собственномъ смыслѣ. „Религіозный элементъ нельзя выпустить изъ воспитанія, не искалѣчивая его и не дѣлая его безнадежно неполнымъ... Религія есть существенный элементъ человѣческой культуры... Никакой историкъ не можетъ сомнѣваться въ ея существованіи, и никакой наблюдатель человѣческой природы не можетъ оцѣнивать ниже должнаго ея значеніе. Мы еще далеки отъ полнаго пониманія преобладающаго вліянія религіи при созданіи современной цивилизаціи“... (N. M. Butler, The meaning of education, 1901 г., стр. 30, 31, 28). Жизнь безъ религіи не можетъ быть ни счастливою, ни осмысленною, и школа, игнорирующая ее, не подготовитъ своихъ питомцевъ къ жизни, не выполнитъ своей основной задачи.

Что же касается свободной конкуренціи общественныхъ силъ и частной иниціативы, на которую возлагается надежда въ дѣлѣ правильной постановки школьнаго дѣла и религіознаго воспитанія дѣтей (для желающихъ), то тотъ же историческій опытъ Англіи дастъ намъ доказательства противнаго и совсѣмъ не оправдываетъ подобныхъ надеждъ.

Шотландія побѣдила невѣжество, лѣнь и преступныя наклонности среди народа только тогда, когда оставила идею о свободномъ развитіи просвѣтительныхъ и воспитательныхъ учрежденій и перешла къ системѣ государственнаго вмѣшательства въ дѣло народнаго образованія. Этой системѣ государственнаго вмѣшательства, какъ мы уже видѣли, Шотландія обязана своими успѣхами во всѣхъ отрасляхъ народной дѣятельности даже передъ родственнымъ ему населеніемъ собственной Англіи. „Мы имѣемъ“, говорилъ въ цитированной выше рѣчи въ 1847 году Маколей, защищая государственное вмѣшательство въ школьное дѣло: „двѣ націи близко родственныхъ, на-

селяющихъ одинъ и тотъ же островъ, возникшихъ изъ одной и той же крови, говорящихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, управляемыхъ однимъ монархомъ и однимъ парламентомъ, исповѣдующихъ въ существенныхъ чертахъ одну и ту же религію, имѣющихъ общихъ друзей и общихъ враговъ". Одна изъ этихъ націй (Англія) сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, по отношенію къ богатству и образованности, стояла на высшей ступени среди европейскихъ обществъ, а другая (Шотландія) на самой низкой. Богатая и высоко цивилизованная нація оставляетъ воспитаніе народа свободной конкуренціи. Въ бѣдной и полуварварской націи воспитаніе народа беретъ въ свои руки государство. Въ результатѣ получилось, что первая нація сдѣлалась послѣднею, а послѣдняя первою. Шотландцы въ общемъ (тщетно скрывать правду) превзошли англичанъ. — Свободная конкуренція, среди самыхъ выгодныхъ обстоятельствъ, произвела результаты, которыхъ мы... должны бы стыдиться и которые унижаютъ насъ въ мнѣніи всякаго образованнаго иноземца. Воспитаніе въ рукахъ государства, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, произвело улучшеніе, подобнаго которому трудно было бы найти среди какого-либо иного народа и времени. Такой экспериментъ считался бы убѣдительнымъ въ медицинѣ или химіи и долженъ, по моему мнѣнію, считаться равнымъ образомъ убѣдительнымъ и въ политикѣ.

Англія приняла систему государственнаго воспитанія народа и не раскаялась въ этой мѣрѣ, хотя вначалѣ противъ нея возставали многіе подъ предлогомъ, что этимъ путемъ недолжнымъ образомъ усиливается вліяніе государства во вредъ народной свободѣ и религіознымъ и политическимъ убѣжденіямъ гражданъ.

Все послѣдующее законодательство Англіи по школьному дѣлу представляетъ собою постепенное усиленіе государственнаго контроля надъ народнымъ воспитаніемъ. Актъ 1870 съ послѣдующими дополненіями къ нему и законы 1899, 1900, 1902 и 1903—всѣ проводя одну и ту же идею, что воспитаніе народа не должно быть предоставляемо вполнѣ свободной „конкуренціи производительныхъ силъ".

Взятая изъ области экономическихъ явленій, въ частности изъ торговаго оборота, идея свободной конкуренціи и господства частной иниціативы совершенно не примѣнима въ сферѣ народнаго воспитанія. И въ коммерческой области этому началу не придаютъ абсолютнаго значенія, какъ показываютъ покровительственныя пошлины и другія мѣры для защиты и развитія національнаго производства въ каждой странѣ. Эта покровительственная политика (протекціонизмъ), отрицающая принципъ свободной конкуренціи (фритредерство), въ наше время является преобладающею. Въ самой Англіи идетъ теперь сильная агитація въ пользу „таможеннаго союза“ метрополіи съ колоніями и возстановленія покровительственныхъ пошлинъ во имя успѣшной борьбы съ иноземною промышленностью и торговлею. Въ области же народнаго просвѣщенія, какъ и, напр., національной защиты начала свободной конкуренціи образовательныхъ силъ страны, теперь не держится ни одно государство. Частная иниціатива не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ.

Только наивное невѣжество нашихъ либераловъ можетъ рисовать себѣ картину успѣховъ дѣла народнаго воспитанія подъ вліяніемъ силъ частной иниціативы. Если въ классической странѣ самодѣятельности, самопомощи и частной иниціативы, въ Англіи, нашли нужнымъ перейти отъ системы „свободнаго“ удовлетворенія нуждъ народа въ просвѣщеніи къ системѣ государственнаго вмѣшательства, то чего можно было бы ожидать въ этомъ отношеніи въ странѣ, гдѣ самодѣятельность и частная иниціатива, какъ у насъ, стоятъ на самой низкой ступени развитія.

Школьное дѣло нуждается какъ въ средствахъ, такъ и въ правильной постановкѣ его. Ни коммерческія, сомнительныя часто, выгоды, ни филантропія не ручаются намъ въ этомъ, что нужныя средства будутъ найдены. Еще болѣе сомнительно, чтобы дѣло столь большой государственной важности изъято было при его организаціи отъ вліянія политическихъ тенденцій тѣхъ частныхъ лицъ и общественныхъ группъ, которыя пожелали бы взяться за него, и чтобы этимъ не нанесено было существеннаго вреда общимъ интересамъ страны.

Въ государствѣ съ пестрымъ населеніемъ Россіи и съ противоположными интересами, обусловленными отсутствіемъ внутренняго единства, школьное дѣло, предоставленное частной иниціативѣ отдѣльныхъ народностей и церковныхъ и политическихъ группъ, повело бы лишь къ тому, что рознь національная и религіозная достигла бы высшаго напряженія и повела къ разложенію государства. Польскія школы стали бы выпускать юношей, мечтающихъ о возстановленіи умершей Польши отъ моря до моря; школы остзейскаго края стали бы культивировать идею его общности съ Германскимъ отечествомъ; школы армянскія и грузинскія внушали бы своимъ питомцамъ идею необходимости устроенія Великой Арменіи или независимаго Грузинскаго Царства; баптисты и другіе сектанты устроили бы свои конфессіональныя школы и пропагандировали бы въ нихъ и черезъ нихъ свои заблужденія; государственный языкъ пересталъ бы быть языкомъ всего образованнаго общества страны; наступило бы новое Вавилонское столпотвореніе съ его печальнымъ концомъ: общимъ разбродомъ.

Такова была бы несомнѣнная тенденція „просвѣтительной“ дѣятельности школъ, предоставленныхъ на „автономныхъ“ началахъ самимъ себѣ и руководству охочихъ политикановъ, экземпляры которыхъ выдвинула недавно пережитая нами смута. Но и это только тогда, когда „народъ“ далъ бы добровольно на школу нужныя средства. А что надежды на такую добровольную складчину очень слабы, показываетъ примѣръ вліятельной въ свою пору „Руси“, объявившей сборъ на образовательный фондъ и собравшей серьгами и потерявшими курсъ бумагами на всю Россію всего около 50.000 рублей.

Сторонники свободной частной иниціативы разсуждаютъ, по словамъ Маколея, такъ: „Если свободная конкуренція — хорошая вещь въ торговлѣ, она, конечно, должна быть хорошею вещью и въ воспитаніи. Предложеніе другихъ товаровъ, напримѣръ, сахара, свободно приспособляется къ спросу. Послѣдствіемъ является то, что мы получаемъ сахаръ на лучшихъ условіяхъ, чѣмъ если бы снабжать имъ насъ взяло на себя правительство. Почему же мы сомнѣваемся, что предложеніе просвѣ-

щенія, безъ вмѣшательства правительства, не было бы равно спросу?..

„Трудно придумать болѣе ложную аналогію. Получаетъ ли кто-нибудь сахаръ и на какихъ условіяхъ, это дѣло, интересующее его одного. А вопросъ о томъ, какимъ просвѣщеніемъ снабжаютъ его,—такой вопросъ, который важенъ и для его сосѣдей и для государства. Если онъ не можетъ заплатить за сахаръ, онъ обойдется и безъ сахару. Но совсѣмъ нельзя сказать: если онъ не можетъ платить за воспитаніе, пусть остается безъ него.

„Между богатыми людьми и ихъ учителями возможенъ, какъ говоритъ Адамъ Смитъ, свободный торгъ. Предложеніе учителей музыки и учителей итальянскаго языка можетъ свободно приспособляться къ спросу. Но что будетъ съ милліонами, которые слишкомъ бѣдны, чтобы безъ посторонней помощи обезпечить себѣ услуги приличнаго учителя? Мы слышали, конечно, рѣчи о томъ, что и эти милліоны найдутъ себѣ учителей путемъ свободной конкуренціи доброжелательныхъ людей, которые наперерывъ другъ передъ другомъ будутъ стремиться оказать такую услугу человѣчеству.

„Нѣтъ сомнѣнія, что есть люди, самымъ похвальнымъ образомъ тратящіе свое время и деньги на устройство и поддержаніе школъ. И, если вамъ угодно, можно сказать, что между этими почтенными людьми существуетъ соревнованіе дѣлать добро. Но не обманывайтесь выраженіями. Не вѣрьте, чтобы это соревнованіе или эта конкуренція была похожа на ту, которая вызывается желаніемъ богатства и страхомъ разоренія.

„Существуетъ, безъ сомнѣнія, огромная разница между соперничествомъ филантроповъ и соперничествомъ торговцевъ. Торговецъ знаетъ, что, если его товаръ хуже товара другихъ торговцевъ, ему скоро грозитъ банкротство, а жена его и дѣти пойдутъ тогда, быть-можетъ, въ рабочій домъ. Онъ знаетъ, что, если его лавка пріобрѣтетъ почетную извѣстность, онъ въ состояніи будетъ купить себѣ лошадей съ экипажемъ и устроить виллу. Это знаніе побуждаетъ его къ такимъ усиліямъ, по сравненію съ которыми усилія даже очень гуманныхъ и благотворительныхъ лицъ служить бѣдняку являются слабыми.

Было бы большимъ ослѣпленіемъ издавать законы въ предположеніи, что люди заботятся о другихъ столь же, какъ и о самихъ себѣ...

„Если только я не обманываюсь сильно, то тѣ самыя соображенія, которыя показываютъ, что правительство не можетъ оставлять частной иниціативѣ заботу о національной оборонѣ, равнымъ образомъ показываютъ, что правительство не можетъ оставлять на попеченіе частныхъ лицъ заботу о національномъ воспитаніи... Подобно тому, какъ правительство обязано имѣть надзоръ за солдатомъ и вознаграждать его, оно обязано смотрѣть за школьнымъ учителемъ и вознаграждать его... Что его призваніе полезно и дѣятельность необходима, этого отрицать нельзя. Но, ясно, что его услуги не найдутъ достаточнаго вознагражденія, если это вознагражденіе возложить на тѣхъ, кого онъ учитъ, или на добровольные взносы благотворителей.

„Если вы въ этомъ сомнѣваетесь, посмотрите на факты. Вы говорите намъ, что школы будутъ множиться и чрезвычайно процвѣтать, если только правительство воздержится отъ вмѣшательства въ это дѣло. Развѣ правительство (англійское) не воздерживалось долго отъ вмѣшательства въ школьное дѣло? Развѣ въ теченіе многихъ лѣтъ оно не оставляло всего частной иниціативѣ? Если бы было вѣрно, что воспитаніе, подобно торговлѣ, оказываетъ наибольшіе успѣхи тамъ, гдѣ государство всего менѣе вмѣшивается въ него, тогда простой народъ Англіи (средины XIX вѣка) былъ бы теперь самымъ воспитаннымъ во всемъ мірѣ. Наши школы были бы образцовыми школами. Каждая изъ нихъ имѣла бы свою хорошо подобранную библіотеку, прекрасныя географическія карты, небольшой, но годный физическій кабинетъ. Взрослые люди, не умѣющіе читать и писать, показывались бы подобно рѣдкимъ великанамъ или польскимъ графамъ. Наши школьные учителя были бы въ столь же высокой степени опытны во всемъ, что относится къ обученію и воспитанію, какъ и наши мастера на фабрикахъ стальныхъ издѣлій и на хлопчатобумажныхъ мануфактурахъ, или какъ наши инженеры въ ихъ спеціальности. Они, какъ люди извѣстной профессіи, пользовались бы большимъ

уваженіемъ; а ихъ вознагражденіе было бы таково, что не трудно было бы найти людей соотвѣтствующаго характера и подготовки, чтобы заполнять ими свободныя мѣста.

Насколько дѣйствительность не оправдывала надеждъ на частную иниціативу и свободную конкуренцію, это видно изъ того, что, напр., третья часть брачущихся мужчинъ въ Англіи въ то время не была въ состояніи подписать своего имени, а процентъ женщинъ, сочетающихся бракомъ и не умѣющихъ подписать своего имени, доходилъ до 50. „Около трети мужчинъ и около половины женщинъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, собиравшихся быть родителями англичанъ слѣдующаго поколѣнія и долженствовавшихъ играть главную роль при формированіи умовъ населенія ближайшаго времени, не могли написать своего собственнаго имени“ (Маколей, ibid).

Школы, созданныя частной иниціативой и свободной конкуренціей, Маколей рисуетъ такъ: „Комната, покрытая грязью, безъ свѣта и безъ воздуха, съ кучею угля и дровъ въ одномъ углу и съ выводкомъ цыплятъ въ другомъ. Единственнымъ орудіемъ обученія была засаленная съ загнутыми краями азбука и разбитая аспидная доска. Учителями были разные отбросы всѣхъ другихъ профессій: прогнанный лакей, разорившійся лавочникъ, люди, не умѣвшіе рѣшить самой обыкновенной ариѳметической задачи, не могшіе написать самаго обыкновеннаго письма безъ множества грубыхъ ошибокъ, люди, не знавшіе, представляетъ ли земля изъ себя шаръ или кубъ, не могшіе опредѣлить, находится ли Іерусалимъ въ Азіи или Америкѣ. И такимъ-то людямъ, которымъ никто изъ насъ не довѣрилъ бы ключа отъ своего погреба, мы довѣряли души подрастающаго поколѣнія, а съ ихъ душами—свободу, счастье и славу нашей родины“.

Очевидно, что такіе результаты частной иниціативы и свободной конкуренціи въ дѣлѣ просвѣщенія не въ состояніи соблазнить никого. Эти картины изъ страны исторически воспитанной народной самодѣятельности совсѣмъ не вяжутся съ надеждами нашихъ мечтателей, что съ устраненіемъ государственнаго вмѣшательства откроются „самые богатые источники жизни“, „проявится все разнообразіе творческихъ силъ народа, все богатство и

многообразіе человѣческаго ума, искусства и опыта", случайная, де, отсталость въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „при демократическомъ строѣ страны, при гражданской свободѣ... скоро будетъ излѣчена борьбой политическихъ партій, агитаціей, конкуренціей производительныхъ силъ: никакого другого лѣкарства здѣсь не требуется". „Никто, де, не врачъ самому себѣ, и если еще не умѣетъ, то очень скоро научится устраивать всѣ свои дѣла, если самъ будетъ ихъ хозяиномъ"... (В. Н. Чарнолускій, Ежегодн. народн. школы, вып. 1, стр. 5).

Что Маколей былъ правъ, и англійскій парламентъ, допустившій государственное вмѣшательство въ дѣло народнаго просвѣщенія, вступилъ на правильный путь, объ этомъ свидѣтельствуютъ результаты послѣдующаго времени. „Прогрессъ элементарнаго воспитанія въ Англіи и Уэльсѣ указывается уменьшеніемъ процента лицъ, подписывающихъ крестиками брачные реестры. Въ 1843 году 32,7% мужчинъ (т.-е. около 1/3) и 49% женщинъ (т.-е. около 1/2), сочетавшихся бракомъ въ этомъ году, подписывали этимъ путемъ (т.-е. крестиками); въ 1863 году было такихъ 23,8% мужчинъ и 33,1% женщинъ; въ 1883 году—12,6% мужчинъ и 15,5% женщинъ; въ 1893 году—5% мужчинъ и 5,7% женщинъ; въ 1904 году—1,8% мужчинъ и 2,1% женщинъ"... (The statesman's year-book 1907, стр. 39).

Преимущества государственнаго завѣдыванія дѣломъ народнаго воспитанія сознаются въ Англіи все больше и больше, и германскіе образцы получаютъ здѣсь все большее и большее распространеніе. По тому же пути подражанія стройной германской школьной системѣ пошла и Америка. Въ этой системѣ государственное руководство признано въ наибольшей мѣрѣ.

Англія и Германія — двѣ страны, гдѣ постановка школьнаго дѣла представляетъ русскому наблюдателю много поучительнаго. Англія можетъ служить намъ образцомъ для подражанія по тому вліянію, которое отведено въ школѣ религіи и церкви *). Германія даетъ намъ

*) Изъ 13,652 такъ-называемыхъ добровольныхъ школъ (voluntary schools), числившихся къ 1 янв. 1906 г., англійской церкви принадлежало 11.418; римско-католической 1,070; британской школьной ассо-

примѣръ нормальнаго отношенія между школой и государствомъ.

Въ то время какъ Англія является классической страной школьной свободы въ смыслѣ проведенія въ наибольшей мѣрѣ принципа воздержанія государства отъ вмѣшательства въ дѣла школы, въ Германіи, особенно въ Пруссіи, школа является по существу *государственнымъ* учрежденіемъ. Это различіе объясняется исторіей образованія англійскаго и прусскаго государства. Русское государство создано было путемъ, гораздо болѣе, конечно, напоминающимъ созданіе Пруссіи, чѣмъ созданіе Англіи, а потому прусскіе порядки и идеалы несравненно ближе къ нашимъ, въ этомъ отношеніи, чѣмъ англійскіе.

Англія создана была самодѣятельностью націи подъ руководствомъ аристократіи и королей. Пруссія же создана была, главнымъ образомъ, своими принцами. Маркграфы и короли столѣтіями воспитывали свой народъ къ государственному строительству. Прусское государство съ самаго начала нуждалось въ сильномъ и всегда готовомъ войскѣ и въ крѣпкой, объединенной административной машинѣ. Съ ранняго времени государство пользовалось здѣсь школой, чтобы воспитать молодежь для своихъ цѣлей и подготовить свой штабъ чиновниковъ. Оно поэтому очень рано сдѣлалось единственнымъ администраторомъ школы и создало объединенную школьную систему, которая до сихъ поръ считается образцовой для прочихъ странъ. Результаты прусской школьной системы показали, что выгоды руководства и надзоръ со стороны государства перевѣсили выгоды той свободы развитія, примѣръ которой даетъ намъ Англія.

Прусская система школьнаго управленія пріобрѣла себѣ сторонниковъ и въ гордой своимъ самоуправленіемъ и свободой Англіи. Силы, поддерживавшія прежде этотъ свободный духъ англійскаго гражданина, въ послѣднее время упали. Надежда на самопомощь, самоувѣренность и вѣра въ помощь другихъ ослабѣла. Недовольство прежнимъ состояніемъ вещей, особенно въ школьномъ

ціаціи 780, Wesleyan 372, еврейскихъ 12. Кромѣ того, совѣтамъ графствъ подвѣдомо было 6,800 школъ (Council Schools). См. Statesman's year-book 1907, 40—41.

дѣлѣ, проявляется все сильнѣе и сильнѣе. Увѣренность въ превосходствѣ старой англійской школьной системы потрясена во многихъ. „Люди не стыдятся болѣе сознаваться въ томъ, что другія страны опередили ихъ и что они остались позади въ соревнованіи. Купцы и другіе дѣловые люди увѣряли меня, что за небольшимъ исключеніемъ молодые люди, явившіеся къ нимъ изъ Германіи, изъ среднихъ учебныхъ заведеній (Realschulen), превосходили англійскихъ учениковъ въ знаніи языковъ и географіи и вообще доказали своими познаніями, что они сдѣлались болѣе полезными, чѣмъ ихъ англійскіе сверстники. Вотъ почему теперь молодыхъ людей часто посылаютъ для воспитанія въ Германію“... (Wiese, op. c., 28).

Промышленная и денежная аристократія Англіи при усилившейся конкуренціи Германіи боится теперь потерять міровые рынки. Поэтому вопросъ объ улучшеніи учебнаго дѣла становится вопросомъ сомосохраненія и національной чести. И въ этомъ стремленіи къ прогрессу англичане научились цѣнить выгоды правительственнаго надзора и руководства. Привыкшіе къ атмосферѣ сильнаго самоуправленія и личной самодѣятельности люди возлагаютъ теперь на государство обязанность иниціативы въ устройствѣ школьнаго дѣла. Усилить значеніе центральной государственной власти и поставить въ зависимость отъ нея не только низшую, но и среднюю и высшую школу—такова задача ближайшаго времени. Англійскія идеи государства и общественнаго самоуправленія претерпѣваютъ измѣненія въ направленіи усиленія офиціализма (officialism). Принципъ частной иниціативы, свободной дѣятельности и всякой автономіи уступаетъ все болѣе и болѣе началу зависимости отъ объединенной и упорядоченной администраціи. Примѣръ—очень поучительный для насъ русскихъ, не привыкшихъ къ самодѣятельности, предпріимчивости и энергіи, свойственной англо-саксамъ. Великое и хорошее, сдѣланное заботливымъ правительствомъ и монархическимъ офиціализмомъ въ Пруссіи, служитъ намъ наглядным доказательствомъ успѣховъ общественной и государственной жизни, въ частности хорошей постановки школьнаго дѣла,—успѣховъ, возможныхъ и у насъ.

Положеніе нашей школы по отношенію къ государству

не похоже ни на положеніе школы англійской, ни на положеніе школы германской. У насъ нѣтъ ни развитой самодѣятельности и умѣнья пользоваться свободой, какъ у англичанъ, ни строгой подчиненности (не за страхъ, а и за совѣсть) мѣстныхъ органовъ центральной власти. Свобода имѣетъ наклонность у насъ вырождаться въ распущенность и хаосъ, а велѣнія центральнаго правительства переломлялись черезъ промежуточную среду, или извращаются, или доходятъ внизъ лишь въ видѣ слабыхъ отголосковъ: совсѣмъ не такъ, какъ мы это видимъ въ Германіи. Поэтому настоящая наша школа находится въ анархическомъ состояніи, изъ котораго ее вывести можетъ лишь сильное центральное правительство, стянувшее въ свои руки не на бумагѣ лишь, а на дѣлѣ, всѣ нити школьнаго управленія. Въ ближайшее время о самоуправленіи, въ англійскомъ смыслѣ, мы не можемъ и мечтать. И если англичане нашли много хорошаго и достойнаго подражанія въ прусской централизаціи, въ прусскомъ единствѣ и порядкѣ, то для насъ прусская школьная система и духъ дисциплины, въ ней царящей, еще долго будетъ служить образцомъ.

Школьное просвѣщеніе и воспитаніе — величайшее орудіе въ рукахъ государства при достиженіи имъ главнѣйшихъ задачъ его существованія: безопасности и благосостоянія гражданъ. Наше правительство понимаетъ это такъ же хорошо, какъ и всякое другое. Поэтому жалобы на то, будто наша центральная школьная власть „неизмѣнно была только чисто отрицательнымъ факторомъ“, будто она „все время тормозила и коверкала качественный ходъ дѣла, развивавшагося творчески помимо и вопреки министерской дѣятельности“,—являютъ лишь обычнымъ пріемомъ дискредитировать правительство со стороны открыто или скрыто революціонныхъ партій и отдѣльныхъ лицъ. Правительство можетъ и должно бороться со стремленіями обратить школу въ орудіе достиженія революціонныхъ цѣлей, но оно никогда не можетъ по принципу быть врагомъ просвѣщенія и воспитанія своего народа въ духѣ исторической государственности. Хорошая школа— лучшая опора и лучшій помощникъ правительства. Правительство — отрицательный факторъ и тормозитъ лишь

школу, не дающую образованія, а вносящую элементъ, разлагающій политически...

Путемъ хорошей школы правительство можетъ усилить государство, упрочить собственное свое положеніе и поддержать гегемонію національности, создавшей Россію.

Долгое время среди многихъ людей, считавшихъ себя просвѣщенными, имѣли силу идеи Руссо о воспитаніи, изложенныя имъ въ его извѣстномъ „Эмилѣ“. Руссо противополагалъ „природу“ и „общественныя учрежденія“ и на основаніи этого противоположенія думалъ, что мы должны въ воспитаніи выбирать: сдѣлать ли изъ питомца человѣка, или сдѣлать изъ него гражданина, „потому что мы не можемъ одновременно сдѣлать то и другое“. Это грубѣйшая историческая, политическая, соціальная, психологическая и педагогическая ошибка. Но, несмотря на свою ошибочность, это положеніе въ скрытой, если не въ открытой формѣ продолжаетъ оказывать вліяніе на школьное дѣло до сихъ поръ. Современная наука и философія отрицаетъ это положеніе Жанъ-Жака Руссо и подтверждаетъ правильность древняго анализа, сдѣланнаго Аристотелемъ. Аристотель не находилъ возможнымъ противополагать „природу“ человѣка его общественнымъ свойствамъ. „Человѣкъ“, говорилъ онъ, „по природѣ своей—общественное (или политическое) существо. Тотъ, кто по природѣ, а не по чистой случайности живетъ безъ государства, находится или выше человѣческаго рода (божество), или ниже его (животное)“. Значитъ, мы не можемъ въ воспитаніи различать человѣка и гражданина, не можемъ воспитать въ ребенкѣ только человѣка или только гражданина. Человѣка мы можемъ воспитать, только воспитывая гражданина, и гражданина можемъ воспитать, только воспитывая человѣка...

И такъ какъ нѣтъ двухъ націй, которыя имѣли бы совершенно одинаковыя условія жизни, соціальныя или политическія, то школа каждаго народа представляетъ изъ себя нѣчто своеобразное, какъ и его законы, обычаи и учрежденія. Школа должна воспитать ребенка къ жизни въ извѣстной соціальной и политической средѣ, своеобразной для каждаго народа, и потому по необходимости должна быть „національною“... Въ этомъ отношеніи наша

школа погрѣшаетъ больше всякой иной. „Главное и самое существенное зло нашей современной русской школы“, говорилъ бывшій попечитель одесскаго учебнаго округа, графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ: „заключается въ крайне выраженномъ ея космополитизмѣ. Она прежде всего ненаціональна. Наше русское юношество не воспитывается въ русскихъ національныхъ идеалахъ, въ духѣ вѣры, преданности престолу и отечеству, въ уваженіи родной исторіи, родной старины, въ любви къ историческому прошлому, выстраданному роднымъ народомъ и составляющему потому его драгоцѣнную культурную собственность; отсюда естественное и неизбѣжное послѣдствіе— образованіе цѣлыхъ поколѣній, совершенно не проникнутыхъ родными національными идеями. Такая школа неизбѣжно теряетъ подъ собою твердую почву, обращается въ международную, космополитическую школу, лишенную твердыхъ, незыблемыхъ устоевъ“.

Рядомъ съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ недостатокъ, свойственный не одной русской школѣ. Историческая преемственность знаній, методовъ и программъ воспитанія имѣетъ огромное значеніе. Но одновременно мы не можемъ отвергать измѣненій, производимыхъ временемъ. Во имя преемственной связи мы не станемъ замѣнять христіанскихъ основъ нашей цивилизаціи языческими Греціи. Какъ ни много обязаны мы прошлому, мы не можемъ отвергать правильность утвержденія Паульсена, что современный міръ развилъ собственную свою культуру; культура эта, хотя она и выросла изъ культуры античнаго міра, имѣетъ все-таки совершенно отличный отъ нея характеръ. Ребенокъ долженъ быть пріобщенъ къ культурѣ, въ которой онъ родился: это пріобщеніе дѣлается какъ семьею, такъ и школою. Характеръ культуры опредѣляетъ какъ предметы, подлежащіе изученію въ школѣ, такъ и привычки его и представленіе о политическихъ обязанностяхъ, предстоящихъ ему въ послѣдующей жизни, религіозныя вѣрованія и духовныя стремленія его народа и времени. Одной изъ характерныхъ чертъ современной цивилизаціи является огромное значеніе, которое имѣетъ въ жизни экономическая сторона ея. Она ставится часто въ связь съ ея

религіозною стороною или съ тѣми суевѣріями, которыя замѣняютъ у нѣкоторыхъ религіозныя вѣрованія, и оказываетъ огромное вліяніе на общественныя теченія въ формѣ соціалистическихъ ученій. Конечно, основою жизни была всегда и всегда должна оставаться религія. Воспитаніе, какъ приготовленіе къ жизни, также должно быть основано на религіи. Но, чтобы достигнуть этого, преподаваніе религіознаго ученія должно вестись такъ, чтобы оно давало питомцу возможность бороться съ нездоровыми вѣяніями въ родѣ соціализма...

А въ заключеніе мы все-таки должны подчеркнуть тотъ фактъ, что не школа, а *учитель* воспитываетъ и просвѣщаетъ подрастающее поколѣніе. Какъ воспитатель, онъ долженъ быть образцовымъ человѣкомъ, гражданиномъ и семьяниномъ. Какъ просвѣтитель, онъ долженъ не только обладать знаніемъ и ученостью, но любить свое дѣло и умѣть передавать свои знанія. „Мы имѣемъ (Wiese, German letters on english education, introduction, стр. VII) не мало примѣровъ, показывающихъ, что человѣкъ можетъ обладать какимъ угодно количествомъ знаній и учености и быть, однако, очень плохимъ учителемъ. Въ добавленіе къ своимъ знаніямъ онъ долженъ обладать другими необходимыми качествами: онъ долженъ имѣть способность сообщать свои знанія въ ясной и привлекательной формѣ; онъ долженъ любить молодежь, чтобы быть въ состояніи успѣшно руководить ихъ дѣйствіями и наклонностями въ должномъ направленіи; онъ долженъ съ энтузіазмомъ относиться къ своему призванію и не смотрѣть на его обязанности, какъ это, къ сожалѣнію, очень часто бываетъ, какъ на обузу; и, наконецъ, онъ долженъ быть въ состояніи внушить своимъ ученикамъ любовь къ ихъ занятіямъ и ко всему, что хорошо и благородно“... Все это такія вещи, которыя однимъ дипломомъ не обезпечиваются.

Прив.-доц. ***В. Д. Катковъ.***

Видѣнье.

Высокій, высокій могильный курганъ... Повсюду кости человѣческія, маски, револьверы, осколки бомбъ, разбитыя кассы, связки ключей, замки... Въ воздухѣ гуломъ несется похоронный звонъ. Слышится пѣснь:

Выходи ты, Русь молодая, на дорогу большую
Съ револьверомъ, кистенемъ въ молодыхъ рукахъ,
Убивай, проливай ты кровь все людскую,
Да прячь свою совѣсть въ двойныхъ тюфякахъ!...

Кто-то горько-горько рыдаетъ... Чьи-то слезы ручьями бѣгутъ по кургану... То плачетъ богиня Паллада. Она правитъ тризну по Руси молодой... Жутко!... Страшно ей за молодежь, вдвойне за отцовъ.

Вотъ и они... ползутъ къ верхушкѣ кургана, спотыкаются, краснѣютъ, силятся не смотрѣть другъ на друга,— боятся зеркала... боятся, что глянутъ въ него и побѣгутъ... побѣгутъ отъ самихъ себя, отъ этого кургана, отъ этой новой Вавилонской башни!.. А имъ, вѣдь, надо ее увѣнчать...

За ними, пыхтя, тянутся юноши, дѣти... Они несутъ мраморныя плиты, черные... черные столбы, куски красной матеріи, вѣнки и... даже терновые?!.

Кого вѣнчать?!

Вотъ всѣ они на верхушкѣ кургана. Отъ ихъ тяжести курганъ осѣлъ и обнаружилъ свои язвы... Но они не видятъ ихъ... стараются не видѣть!.. Застучали молоты, лопаты. Вмигъ сложенъ памятникъ. На немъ водрузили крестъ... Ко кресту прибили дощечку... Обложили ее терновымъ вѣнцомъ и стали писать: „здѣсь покоятся борцы свободы, равенства и братства. Да будетъ память ихъ изъ рода въ родъ! Вѣнецъ *терновый* сроднитъ ихъ съ Хр.....“

Но что это?! Кто смѣлъ сорвать вѣнецъ? Кто произнесъ: *„великое кощунство“!..* Измѣна!...

И въ бѣшенствѣ старцы и дѣти ринулись другъ на друга... Собственными руками они разобрали столбы, плиты... Полилась рѣкою кровь людская... Повалились трупы... Курганъ становился все выше и выше...

Но не слышно больше рыданій Паллады... Не льются ея жгучія слезы... Съ *терновымъ* вѣнцомъ въ рукахъ она навѣки скрылась въ высь небесъ!..

И. А—зовъ.

Необходимая реформа.

(Къ вопросу о денѣжномъ обращеніи.)

Внѣшняя задолженность наша растетъ съ ужасающей быстротою; на-дняхъ заключенъ новый заемъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей. Очевидно—есть что-то ненормальное въ нашемъ финансовомъ хозяйствѣ вообще и въ денежномъ обращеніи въ частности, если мы изъ года въ годъ все только занимаемъ, занимаемъ и занимаемъ.

Ненормальность эта заключается въ золотой валютѣ.

Теоретически—наилучшей валютой является именно золотая; было время, когда мы сами, увлекаясь теоріями, отдали дань преклоненія технически совершенному, ловкому какъ мастерской фокусъ, акту введенія у насъ золотой валюты.

Но практически—золотая валюта есть наихудшая, потому что золото находится въ рукахъ враговъ рода человѣческаго. Если бы этого не было, то теорія совпадала бы съ практикой, и золотое обращеніе было дѣйствительно наилучшимъ, вслѣдствіе его устойчивости. Но владѣльцы золотыхъ запасовъ, іудеи, продѣлываютъ такіе финансовыя махинаціи, которыя нарушаютъ естественные законы денежнаго обращенія и наивыгоднѣйшую въ теоріи валюту превращаютъ въ орудіе порабощенія народовъ, рѣшившихся положить ее въ основаніе своей денежной системы.

Однимъ изъ непремѣнныхъ условій хорошаго, правильнаго денежнаго обращенія является его эластичность—возможность, сообразно потребностямъ минуты, увеличивать и уменьшать массу денегъ, находящуюся въ обращеніи. И вотъ золотая валюта какъ разъ является средствомъ, которымъ іудеи пользуются, чтобы денежное обращеніе данной стороны совершенно лишить эластичности.

При всякой валютѣ—будь она золотая, серебряная или мѣдная—въ обращеніи всегда имѣются бумажныя деньги, представляющія громадныя удобства по сравненію съ металлическими. Употребленіе бумажныхъ денегъ именно даетъ возможность увеличивать и уменьшать количество денежныхъ знаковъ въ обращеніи, сообразно потребностямъ торговаго оборота въ каждый данный моментъ.

Вредными бумажныя деньги становятся тогда, когда выпуски ихъ превышаютъ количество, потребное для обращенія, когда слѣдовательно выпускаются *лишнія* бумажныя деньги. Въ такомъ случаѣ цѣнность ихъ падаетъ, размѣнъ прекращается, металлическія деньги исчезаютъ изъ обращенія, и вообще наступаетъ множество вредныхъ послѣдствій. Благодаря вздешевѣнію денегъ—или, все равно, вздорожанію товаровъ—страдаютъ кредиторы и лица, получающія опредѣленное содержаніе; затѣмъ страдаетъ торговля, ибо пониженіе курса бумажныхъ денегъ вліяетъ какъ пошлина на ввозъ и премія на вывозъ, а далѣе наступаетъ періодъ широкихъ колебаній цѣнности бумажныхъ денегъ, при чемъ повышеніе ихъ курса вліяетъ какъ премія на ввозъ и пошлина на вывозъ, а пониженіе—наоборотъ.

Все это совершается, однако, лишь тогда, когда выпущены въ обращеніе *лишнія* бумажныя деньги. Но возможны выпуски бумажныхъ денегъ, и очень значительные, безъ какихъ бы то ни было вредныхъ послѣдствій—именно въ томъ случаѣ, когда эти выпуски удовлетворяютъ потребности въ средствахъ обращенія.

Напримѣръ, если бы выпущены были бумажныя деньги для производительныхъ цѣлей—для разработки втунѣ лежащихъ природныхъ богатствъ, для использованія находящейся въ бездѣйствіи производительной силы народнаго труда, при чемъ деньги эти выпущены были бы въ обращеніе въ формѣ краткосрочныхъ займовъ для созданія оборотнаго или быстро погашеннаго основного капитала, то подобный выпускъ никогда не повредилъ бы денежному обращенію; давши толчокъ производительной дѣятельности и создавъ массу продуктовъ, которые безъ выпуска означенныхъ денегъ произведены не были ли бы, деньги эти вернутся въ казну въ формѣ уплаты долга

лицами, получившими ихъ въ ссуду, а созданные этимъ путемъ предпріятія и ихъ продукты останутся какъ чистый результатъ всей операціи.

Если же выпускъ бумажныхъ денегъ обращается не на производительныя цѣли, а на покрытіе какихъ-нибудь текущихъ расходовъ—напримѣръ, на жалованье чиновникамъ, то такія деньги уже не вернутся въ казну (онѣ, вѣдь выданы не взаймы, а въ платежъ), обременятъ собою обращеніе и вывовутъ вредныя послѣдствія.

Задача политики денежнаго обращенія сводится слѣдовательно къ тому, чтобы быть въ состояніи дать населенію необходимыя орудія обращенія—деньги—въ достаточномъ количествѣ и въ то же время избѣжать *излишнихъ* выпусковъ. Преслѣдуя эту задачу, финансисты руководятся какъ прямыми данными о количествѣ обращающихся и предполагаемыхъ къ выпуску денегъ, такъ равно и нѣкоторыми косвенными *показателями*.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда выпускъ бумажныхъ денегъ настолько великъ, что пріостанавливается размѣнъ, самый фактъ прекращенія размѣна и паденіе цѣны бумажныхъ денегъ по сравненію съ золотомъ—являются показателемъ, что предѣлъ перейденъ, что въ обращеніи появились дѣйствительно лишнія деньги.

Одновременно съ прекращеніемъ размѣна и паденіемъ цѣнности бумажныхъ денегъ наблюдается всегда и паденіе цѣны процентныхъ бумагъ данной страны—вслѣдствіе недовѣрія публики къ способности правительства аккуратно въ сроки уплачивать проценты, разъ денежная система вышла изъ равновѣсія. Равнымъ образомъ наблюдается пониженіе учетнаго процента, какъ слѣдствіе изобилія денегъ въ странѣ, при чемъ свойства бумажноденежнаго обращенія таковы, что это паденіе учетнаго процента бываетъ всегда лишь временнымъ, а затѣмъ наступаетъ его повышеніе, чрезвычайно стѣсняющее денежный рынокъ.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда въ обращеніе выпущены лишнія бумажныя деньги, но не въ такомъ количествѣ, чтобы вызвать прекращеніе размѣна, первый показатель отпадаетъ, и остаются лишь два послѣднихъ—паденіе цѣнности процентныхъ бумагъ и ненормальныя колебанія

учетнаго процента, какъ симптомъ тревожнаго состоянія денежнаго рынка.

Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что настроеніе денежнаго рынка зависитъ—кромѣ измѣненій въ количествѣ обращающихся денегъ—еще и отъ многихъ другихъ причинъ. Всякія неблагопріятныя экономическія и политическія условія—неурожай, застой въ промышленности, народныя волненія, военныя неудачи, словомъ, всякія обстоятельства, которыя хотя бы косвеннымъ путемъ могутъ вызвать затрудненія въ срочной уплатѣ процентовъ по государственнымъ обязательствамъ, немедленно вызываютъ болѣе или менѣе значительное паденіе курса процентныхъ бумагъ.

Само собою разумѣется, что невѣрныя, ошибочныя свѣдѣнія о несчастныхъ событіяхъ оказываютъ совершенно такое же угнетающее дѣйствіе на курсъ процентныхъ бумагъ, какъ и дѣйствительно воспослѣдовавшія событія; публика успокаивается, и упавшій курсъ возстановляется лишь тогда, когда ошибка будетъ исправлена, невѣрныя свѣдѣнія будутъ опровергнуты.

Если же колебанія курса процентныхъ бумагъ могутъ происходить подъ вліяніемъ ошибки, то возможны слѣдовательно и злоупотребленія въ этой области, искусственное, злонамѣренное пониженіе курса процентныхъ бумагъ, посредствомъ намѣреннаго распространенія ложныхъ слуховъ, намѣреннаго сокращенія банковскаго кредита подъ извѣстныя категоріи процентныхъ бумагъ, путемъ намѣренно создаваемыхъ колебаній учетнаго процента и тому подобныхъ махинацій.

Но такъ какъ всякій обманъ рано или поздно раскроется, то подобныя колебанія курса процентныхъ бумагъ не могутъ быть ни очень значительны ни очень продолжительны, если денежная система даннаго государства устойчива и размѣну бумажныхъ денегъ не угрожаетъ опасность, другими словами—если имѣется въ наличности золотой запасъ, достаточный для цѣлей безостановочнаго размѣна.

Какой же запасъ золота можетъ считаться для этой цѣли достаточнымъ?

Абсолютно, безусловно достаточнымъ можетъ считаться конечно лишь полное обезпеченіе, при которомъ вся сум-

ма находящихся въ обращеніи бумажныхъ денегъ можетъ быть обмѣнена на золото.

Однако при этомъ условіи денежное обращеніе будетъ совершенно лишено эластичности: невозможно выпустить въ обращеніе никакой, хотя бы самой маленькой суммы бумажныхъ денегъ, не увеличивъ соотвѣтственно золотого запаса, для чего или надо извлечь эту сумму золота изъ обращенія (чѣмъ, конечно, значеніе выпуска бумажныхъ денегъ будетъ сведено къ нулю), или добыть ее путемъ займа, а это сопряжено съ большими затрудненіями и, что всего важнѣе, требуетъ времени.

Поэтому во всѣхъ государствахъ, гдѣ существуетъ золотая валюта, законъ дозволяетъ выпускъ извѣстной суммы бумажныхъ денегъ безъ золотого обезпеченія, съ тѣмъ, чтобы послѣдующіе ихъ выпуски были обезпечены золотомъ въ полной суммѣ; такова система въ Англіи и у насъ, въ Россіи. Или необезпеченныхъ золотомъ выпусковъ бумажныхъ денегъ вовсе не разрѣшается, но зато требуется лишь частичное ихъ обезпеченіе; напримѣръ, по Германской системѣ обезпеченіе должно составлять одну треть суммы выпускаемыхъ бумажныхъ денегъ.

Ясно, что и при томъ, и при другомъ условіи полнаго абсолютнаго обезпеченія размѣна—нѣтъ, ибо всѣ бумажныя деньги размѣнены на золото быть не могутъ, разъ сумма золотого запаса равняется лишь части общей суммы находящихся въ обращеніи бумажныхъ денегъ.

Въ случаѣ излишняго выпуска бумажныхъ денегъ—теоретически размѣнъ долженъ прекращаться, когда истощится размѣнный фондъ. Фактически же размѣнъ прекращается гораздо ранѣе, ибо правительство, видя, что требованіе размѣна принимаетъ угрожающіе размѣры, предпочтетъ лучше заранѣе прекратить размѣнъ, чѣмъ раздать весь золотой запасъ и все-таки придти къ тому же результату—прекращенію размѣна.

Значитъ, и здѣсь, какъ и въ отношеніи колебаній курса процентныхъ бумагъ, мы имѣемъ одно съ психологіей массъ, а слѣдовательно и здѣсь возможны злоупотребленія въ видѣ распространенія ложныхъ слуховъ (напр., о надвигающемся голодѣ) въ формѣ искусственно вызванныхъ народныхъ волненій и т. д., и вообще мыслимы

различные безчестные пріемы съ цѣлью вызвать недовѣріе къ публикѣ, побудить ее предъявлять бумажныя деньги къ размѣну и такимъ путемъ пошатнуть денежную систему.

А такъ какъ всякія народныя бѣдствія и неудачи правительства вызываютъ паденіе курса процентныхъ бумагъ и такъ какъ самый фактъ паденія курса процентныхъ бумагъ является симптомомъ, по которому можно заключать, что въ данномъ государствѣ не все обстоитъ благополучно, то ясно, что паденіе курса процентныхъ бумагъ въ состояніи само по себѣ вызвать опасеніе въ публикѣ и побудить ее къ усиленному размѣну бумажныхъ денегъ.

Итакъ, слѣдовательно, опасеніе прекращенія размѣна бумажныхъ денегъ влечетъ за собою паденіе курса процентныхъ бумагъ, а паденіе курса процентныхъ бумагъ само по себѣ въ состояніи вызвать усиленное требованіе размѣна, грозящее его пріостановкой.

Если мы теперь припомнимъ, что почти все золото всего міра находится въ рукахъ іудеевъ и что равнымъ образомъ почти всѣ долговыя обязательства всѣхъ государствъ находятся въ ихъ же рукахъ, то поймемъ, что международный іудейскій банкирскій синдикатъ обладаетъ средствами обанкротить любое государство, искусственно расшатывая его денежную систему, лишая его кредита, создавая затрудненія въ расчетномъ балансѣ, и т. д., и т. д.

Правительства государствъ, введшихъ у себя золотую валюту и страдающихъ задолженностью, находятся, благодаря этому, въ финансовомъ отношеніи въ полномъ подчиненіи у международнаго іудейско-банкирскаго синдиката и безъ его разрѣшенія не смѣютъ провести ни одного, хотя бы самаго ничтожнаго финансоваго мѣропріятія; въ частности они связаны по рукамъ и по ногамъ въ дѣлѣ удовлетворенія потребности населенія въ деньгахъ; какъ только правительства пытаются придти на помощь развитію производительныхъ силъ страны путемъ предоставленія населенію достаточныхъ средствъ обращенія—іудеи тотчасъ же поднимаютъ вопль о выпускѣ *лишнихъ* денегъ, грозятъ финансовымъ крахомъ, и правительство бываетъ вынуждено уступить.

Именно въ такомъ положеніи находится Россія, и по-

тому одною изъ насущнѣйшихъ задачъ современности является созданіе національной денежной системы, не связанной золотыми гарантіями и потому независимой отъ международнаго іудейскаго кагала; а затѣмъ—сокращеніе нашей непомѣрной десятимилліардной задолженности, за проценты по каковому долгу (съ 10 милліардовъ—400 милліоновъ процентовъ) мы отдаемъ даромъ весь вывозимый нами за границу хлѣбъ, при чемъ задолженность наша, а съ нею и закабаленіе іудеямъ ежегодно увеличиваются, ибо, несмотря на то, что сумма нашего вывоза превышаетъ сумму нашего ввоза, расчетный балансъ, благодаря именно огромнымъ платежамъ по нашимъ займамъ, неизмѣнно для насъ неблагопріятенъ и для покрытія разницы приходится періодически прибѣгать къ займамъ, тѣмъ что чрезмѣрность государственныхъ долговъ является въ то же время причиною дальнѣйшаго прогрессивнаго возрастанія нашей задолженности

Профессоръ ***В. Ф. Залѣсскій.***

Указъ 9-го ноября 1906 года и Положеніе 19-го февраля 1861 года*).

„Указъ 9-го ноября 1906 года**) отнюдь не разрѣшаетъ какихъ-либо коренныхъ, принципіальныхъ вопросовъ, касающихся общины, а является лишь дополненіемъ и развитіемъ статьи 12 Общ. Полож. (ср. также ст. 106 Полож. о вык.), еще въ 1861 г. предрѣшившей вопросъ о свободномъ выходѣ крестьянъ изъ общины немедленно по прекращеніи выкупныхъ платежей. Задача указа 9-го ноября 1906 года заключалась вообще не въ введеніи какихъ-либо новыхъ началъ въ область крестьянскаго землевладѣнія, а лишь въ приведеніи въ дѣйствіе стараго закона, освященнаго почти пятидесятилѣтнею давностью и имѣющаго значеніе одного изъ основныхъ началъ нашего крестьянскаго законодательства".

Такъ объясняетъ министерство внутреннихъ дѣлъ отношеніе указа 9-го ноября къ Положенію 19-го февраля. По смыслу приведенныхъ соображеній указъ этотъ является лишь простымъ дополненіемъ и развитіемъ одной изъ статей означеннаго Положенія; это не болѣе, какъ частична поправка, ничѣмъ не отличающаяся отъ множества другихъ дополнительныхъ узаконеній, которыя изданы за 47 лѣтъ, истекшихъ со времени освобожденія крестьянъ. Но такъ ли это? Можно ли въ данномъ случаѣ повѣрить министерству на слово?

*) Было напечатано въ видѣ приложенія къ № 789 газеты „Русская Земля" за 1908 годъ.

**) Указомъ этимъ, какъ извѣстно, установленъ рядъ правилъ, которыми облегчается выдѣлъ земельныхъ участковъ изъ состава мірской земли въ личную собственность отдѣльныхъ членовъ сельскаго общества.

Такая оцѣнка означеннаго указа представляется прежде всего нѣсколько неожиданной. По нѣкоторымъ заявленіямъ правительства можно было думать, что принципъ, проводимый въ указѣ 9-го ноября, оно кладетъ въ основу всей своей земельной политики. Особенно памятна въ этомъ отношеніи „декларація“ правительства, прочитанная пресѣдателемъ Совѣта Министровъ въ началѣ прошлогодней сессіи законодательныхъ учрежденій. Соотвѣтственно такому взгляду на дѣло правительство обнаружило совершенно исключительную энергію и настойчивость въ дѣлѣ примѣненія на практикѣ указа 9-го ноября. Оно вовсе не удовольствовалось однимъ предоставленіемъ крестьянамъ *возможности* пользоваться правомъ выдѣла, а принимало и принимаетъ доселѣ цѣлый рядъ мѣръ для того, чтобы *побудить* крестьянъ къ выдѣлу изъ общины. Если вѣрить нѣкоторымъ сообщеніямъ, оно даже доходитъ при этомъ до поощренія тѣхъ земскихъ начальниковъ, въ участкахъ коихъ происходитъ наибольшее количество выдѣловъ. Какой смыслъ имѣло бы все это, если бы рѣчь шла о простомъ дополненіи къ одной изъ статей дѣйствующаго закона? Не ясно ли, что правительство смотритъ на это дополненіе какъ на крупный законодательный актъ, имѣющій первостепенное принципіальное и практическое значеніе?

Но и независимо отъ этого, по самому существу дѣла никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, будто задача указа 9-го ноября сводится исключительно къ тому, чтобы „привести въ дѣйствіе старый законъ, освященный почти пятидесятилѣтнею давностью“. Совершенная несостоятельность такой характеристики съ полною очевидностью обнаруживается при сопоставленіи правилъ 9-го ноября съ содержаніемъ ст. 12-й Общаго Положенія, т.-е. того „стараго закона“, о которомъ говоритъ министерство. Между этими двумя узаконеніями нетрудно замѣтить весьма существенныя различія Такъ, прежде всего, статья 12-я Общ. Полож. касается только земель, пріобрѣтенныхъ крестьянами посредствомъ *покупки*, и притомъ предполагаетъ непремѣнно, что сумма, необходимая для покупки, собрана была со всѣхъ членовъ общества по развертцѣ. Напротивъ, указъ 9-го ноября имѣетъ въ виду всѣ вообще

надѣльныя земли, совершенно независимо отъ того, поступили ли онѣ въ собственность крестьянъ на основаніи выкупного акта, или какимъ-либо инымъ путемъ. Такимъ образомъ, установленное статьею 12 Общ. Пол. право распространяется на надѣльныя земли, поступившія въ даръ по 123-й ст. мѣст. Великорос. пол., или въ силу какого-либо спеціальнаго соглашенія ихъ съ помѣщиками. Наконецъ, не дѣлается никакого изъятія и для тѣхъ случаевъ, когда выкупной долгъ уплаченъ крестьянами не посредствомъ взносовъ, собранныхъ съ отдѣльныхъ домохозяевъ, а путемъ обращенія на этотъ предметъ какого-либо мірского капитала или суммы, вырученной отъ продажи мірской земли, или, наконецъ, доходовъ съ мірскихъ арендныхъ статей. Такое расширеніе круга дѣйствія правила, изложеннаго въ ст. 12-й Общ. Полож., является существеннымъ отступленіемъ отъ основного принципа, который выразился въ этой статьѣ, ибо въ указанныхъ случаяхъ отдѣльные крестьяне никакихъ взносовъ на погашеніе выкупного долга не дѣлали; они или получали землю даромъ, или обращали въ уплату выкупа средства, не составлявшія личной ихъ собственности, а принадлежавшія обществу, какъ юридическому лицу. Поэтому требованіе о выдѣлѣ не можетъ быть здѣсь оправдываемо личнымъ участіемъ выдѣляющагося крестьянина въ пріобрѣтеніи земли, и размѣръ участка, на который онъ предъявляетъ право, не можетъ быть опредѣленъ въ соотвѣтствіи съ его личнымъ возносомъ. Словомъ, статья 12-я Общ. Полож. при такихъ условіяхъ, по самому существу дѣла, непримѣнима. Слѣдовательно, распространяя на подобные случаи дѣйствіе означенной статьи, указъ 9-го ноября въ сущности вводитъ нѣчто новое и кореннымъ образомъ отличающееся отъ того, что̀ имѣлось въ виду Положеніемъ 19-го февраля.

Но этого мало. По отношенію къ тѣмъ крестьянамъ, которые были обложены выкупными платежами, указъ 9-го ноября также допускаетъ существенныя отступленія отъ принципа, проводимаго въ статьѣ 12-й Общаго Положенія. Создаются совершенно новыя условія, коими опредѣляются и право на выкупъ и размѣръ выкупаемаго участка. Въ основу этого права полагается уже не сте-

пень участія отдѣльнаго домохозяина въ пріобрѣтеніи земли, а просто фактическое пользованіе, хотя бы размѣръ послѣдняго подвергался не разъ измѣненіямъ за время, истекшее съ перехода крестьянъ на выкупъ. При этомъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ за двадцать четыре года передъ заявленіемъ о выдѣлѣ были общіе передѣлы, каждый домохозяинъ имѣетъ право на безплатный выдѣлъ лишь такого участка, который не больше того, что̀ причиталось на его долю соотвѣтственно наличному составу его семьи въ моментъ выдѣла, если придерживаться основаній, принятыхъ при послѣдней разверсткѣ. Здѣсь, слѣдовательно, въ основу кладется мірская разверстка, а не взносы, сдѣланные членами сельскаго общества въ уплату выкупного долга. Крестьянинъ могъ въ теченіе 23 лѣтъ платить за трехдушевой участокъ, но если, вслѣдствіе перемѣны въ составѣ его семьи, онъ въ настоящее время имѣетъ право лишь на двѣ души, то и требовать безплатнаго выдѣла онъ не можетъ только въ этомъ послѣднемъ размѣрѣ. Такимъ образомъ, всѣ платежи, внесенные имъ за третій душевой участокъ, не принимаются въ расчетъ при выдѣлѣ, и если онъ все-таки желаетъ получить въ личную собственность всю землю, которою онъ пользуется, то онъ долженъ вторично заплатить за одну душу. Надо ли доказывать, что такое правило идетъ рѣшительно въ разрѣзъ съ принципомъ, на которомъ основана статья 12-я Общаго Положенія?

Далѣе, статья 12-я предоставляетъ каждому члену сельскаго общества право требовать себѣ только *выдѣла* участка, а по указу 9-го ноября этому выдѣлу должно предшествовать *укрѣпленіе* земельныхъ участковъ въ личную собственность домохозяина. Этимъ создается для крестьянъ, желающихъ выдѣлиться, новое право, котораго имъ не давала статья 12-я Общаго Положенія, и притомъ право весьма существенное. Дѣйствительно, было бы большою ошибкою смотрѣть на укрѣпленіе за отдѣльнымъ домохозяиномъ принадлежащихъ ему полосъ, какъ на пустую формальность. На укрѣпленный за нимъ участокъ домохозяинъ получаетъ право полной собственности и можетъ распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію—огоро-

дить или окопать его, и даже заложить или продать его на сторону безъ согласія міра. Здѣсь новый законъ уже очевидно гораздо рѣшительнѣе становится на сторону выдѣляющихся крестьянъ, чѣмъ старое правило, содержащееся въ Общемъ Положеніи. Послѣднее предоставляло отдѣльному домохозяину право личной собственности на землю при непремѣнномъ условіи выдѣла причитающагося ему земельнаго участка въ натурѣ изъ состава мірской земли. Этимъ достигалась двоякая цѣль: обезпечивалась возможность безпрепятственнаго пользованія выдѣленнымъ участкомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ устранялись неудобства, которыя неизбѣжно должны явиться для общества, если въ мірскую землю будутъ вкраплены полоски, которыми общество распоряжаться не можетъ. Такимъ образомъ, требованіе выдѣла въ натурѣ является существенною чертою „стараго закона“, и отступленіе отъ этого требованія вовсе не можетъ быть разсматриваемо какъ естественное развитіе принципа, выраженнаго въ ст. 12-й Общ. Полож., и какъ незначительная поправка къ этой статьѣ.

Еще существеннѣе другое отличіе указа 9-го ноября отъ ст. 12-й Общаго Положенія. По статьѣ 12-й, если выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами. Напротивъ, по правиламъ 9-го ноября общество *обязано* удовлетворять требованія объ укрѣпленіи земли въ личную собственность домохозяина, и въ случаѣ, если оно уклонится отъ исполненія этой обязанности, то укрѣпленіе производится *принудительно* правительственною властью. Правило, изложенное въ статьѣ 12-й Общаго Положенія, вступаетъ въ силу только при требованіи выдѣла къ одному мѣсту. Въ этомъ случаѣ, если выдѣлъ оказывается неудобнымъ или невозможнымъ, обществу предоставляется удовлетворить желающаго выдѣлиться домохозяина деньгами. Однако, если выдѣлъ совпадаетъ съ общимъ передѣломъ земли, то общество лишается права замѣнять выдѣлъ уплатою денегъ. Чтобы судить о томъ, насколько существенно измѣненіе, вносимое этимъ правиломъ въ статью 12-ю Общ. Полож., надо вспомнить, что по общимъ граждан-

скимъ законамъ, лица, владѣющія имѣніемъ на правѣ общей собственности, имѣютъ право не допустить до выдѣла изъ состава общаго владѣнія части, причитающейся на долю одного изъ нихъ, и могутъ, въ случаѣ поступленія ея въ продажу, сохранить ее за собою, заплативъ за нее деньгами по оцѣнкѣ (Св. Зак., т. X, ч. 1, ст. 555). Такого права *преимущественной покупки* лишается теперь сельское общество. Каждый его членъ можетъ даже противъ воли общества пріобрѣсти право полной личной собственности на участки, находящіеся въ его фактическомъ пользованіи, и продать ихъ затѣмъ на сторону, не спрашивая согласія общества, хотя бы послѣднее желало оставить ихъ за собою. Въ такое же положеніе поставлено общество и при требованіи кѣмъ-либо изъ его членовъ выдѣла земли къ одному мѣсту, если это требованіе совпадаетъ съ производствомъ передѣла мірской земли. Такимъ образомъ, *сельское общество лишается теперь даже тѣхъ преимуществъ, которыми пользуется по нашимъ законамъ всякій договорный союзъ*. Между тѣмъ въ статьѣ 12-й Общ. Пол. идетъ рѣчь о выдѣлѣ изъ состава земли, пріобрѣтенной въ собственность сельскимъ обществомъ какъ юридическимъ лицомъ, а не какъ товариществомъ; это несомнѣнно слѣдуетъ изъ сопоставленія ст. 12-й со статьею 10-й того же Положенія, гдѣ говорится о правѣ *сельскаго общества* пріобрѣтать въ собственность движимое и недвижимое имущество, распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію и раздѣлять его между домохозяевами, или оставлять его въ общемъ владѣніи всѣхъ домохозяевъ.

Можно ли послѣ всего этого утверждать, что указъ 9-го ноября стоитъ на почвѣ ст. 12-й Общ. Полож. и является „лишь подтвержденіемъ“ ея? Не ясно ли, что онъ идетъ гораздо далѣе этой статьи, значительно расширяетъ предѣлы ея примѣненія и вводитъ совершенно новыя основанія для осуществленія права, ею предоставляемаго крестьянамъ?

Еще труднѣе согласиться съ утвержденіемъ, будто указъ 9-го ноября *не разрѣшаетъ никакихъ коренныхъ вопросовъ, касающихся общины,* и не вводитъ никакихъ

новыхъ началъ въ область крестьянскаго землевладѣнія. Уже расширеніе круга дѣйствія ст. 12-й Общ. Полож. и облегченіе ея практическаго примѣненія является существенною новостью. До сихъ поръ это узаконеніе примѣнялось весьма рѣдко и лишь съ большими затрудненіями; можно сказать даже, что право выдѣла существовало лишь на бумагѣ. Если же этимъ правомъ крестьяне будутъ пользоваться въ широкихъ размѣрахъ, то со всею рѣзкостью обнаружится противорѣчіе между этимъ правомъ и другими постановленіями дѣйствующаго законодательства о крестьянскомъ землевладѣніи. Достаточно указать въ этомъ отношеніи на тѣ статьи Положеній о сельскомъ состояніи (ст. 107-й Пол. о вык. и п. 8-го ст. 62-й Общ. Полож. по изд. 1902 г.), которыя представляютъ сельскому обществу право производить передѣлы мірской земли. Само собою понятно, что пользованіе этимъ правомъ будетъ все болѣе и болѣе затрудняться по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться число участковъ, укрѣпленныхъ въ личную собственность за отдѣльными крестьянами; при нѣсколько быстромъ развитіи процесса выдѣленія общество даже весьма скоро совсѣмъ лишится возможности передѣлять землю, и предоставленное ему закономъ право распоряжаться мірскою землею будетъ тѣмъ самымъ сведено на-нѣтъ. Скажутъ, что это именно и признается желательнымъ. Пусть такъ, но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ утверждать, что указъ 9-го ноября не вводитъ ничего новаго и никакихъ принципіальныхъ вопросовъ, касающихся общины, не разрѣшаетъ? Напротивъ, совершенно очевидно, что онъ стремится примѣнить къ крестьянской надѣльной землѣ начало личной собственности. Положеніе 19-го февраля въ нѣкоторыхъ своихъ постановленіяхъ (главнымъ образомъ въ ст. 12-й Общ. Полож.) также руководствовалось этимъ принципомъ, но на ряду съ этимъ въ немъ проводился и другой взглядъ на надѣльную землю,—какъ на *общественное* достояніе. Эти два воззрѣнія не были и не могли быть примирены и согласованы, но первое изъ нихъ до сихъ поръ (въ особенности послѣ закона 14-го декабря 1893 г.) въ практическомъ отношеніи сводились почти на-нѣтъ.

Теперь какъ разъ наоборотъ: открывается широкій просторъ для пользованія правомъ выдѣла и тѣмъ самымъ совершенно парализуется дѣйствіе всѣхъ постановленій противоположнаго характера. Неужели этимъ не вводится ничего новаго?

Не подлежитъ сомнѣнію, что указомъ 9-го ноября фактически разрѣшается тотъ вопросъ, который оставленъ былъ неразрѣшеннымъ въ положеніи 19-го февраля. Въ этомъ законодательномъ актѣ противоположные взгляды на мірское владѣніе и на надѣльную землю вступили между собою въ своего рода компромиссъ, путемъ котораго достигнуто было нѣкоторое равновѣсіе между требованіями, вытекавшими изъ этихъ двухъ воззрѣній. Но равновѣсіе это было настолько неустойчиво, что всякая мѣра, направленная въ пользу одного изъ боровшихся между собою воззрѣній, тѣмъ самымъ должна дать ему перевѣсъ надъ другимъ и свести на-нѣтъ дѣйствіе тѣхъ постановленій, которыя вытекаютъ изъ противоположнаго взгляда. Устранить такое противорѣчіе, конечно, необходимо. Въ этомъ должна заключаться одна изъ главныхъ задахъ предстоящей законодательной работы по крестьянскому дѣлу. Но это, несомнѣнно, вопросъ основной, который и долженъ быть поставленъ совершенно опредѣленно и во всей его широтѣ. Только при такомъ условіи онъ можетъ быть разрѣшенъ вполнѣ правильно и съ яснымъ сознаніемъ, отъ чего мы отрекаемся, вступая на новый путь, и куда насъ этотъ новый путь ведетъ. Правительство же принимаетъ мѣру, которою вопросъ въ сущности предрѣшается безповоротно, и при этомъ хочетъ увѣрить, что все остается по-старому. Такой пріемъ разрѣшать коренные законодательные вопросы попутно и прикровенно, конечно, не можетъ быть признанъ правильнымъ и цѣлесообразнымъ. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, получается впечатлѣніе, будто новый законъ опирается на тѣ самыя начала, которыя легли въ основу реформы 1861 г.; въ дѣйствительности же ставится крестъ надъ нѣкоторыми существенными сторонами этой реформы и притомъ надъ тѣми ея особенностями, которыя въ глазахъ многихъ (въ томъ числѣ и ея творцовъ) имѣютъ первостепенное значеніе.

Уклоненіе отъ опредѣленной постановки принципіальнаго вопроса внесетъ притомъ еще большую путаницу въ наше законодательство о крестьянскомъ землевладѣніи. Существующія въ немъ теперь противорѣчія нисколько не будутъ устранены; они, напротивъ, еще больше обострятся, и это неизбѣжно отразится на дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ въ этой области. Лучшимъ подтвержденіемъ можетъ служить выработанное правительствомъ Положеніе о крестьянскомъ землевладѣніи. Въ этомъ законопроектѣ противоположность воззрѣній на крестьянскую надѣльную землю выступаетъ еще рѣзче, чѣмъ въ Положеніи 19-го февраля, и онъ не можетъ удовлетворить ни то ни другое изъ двухъ борющихся между собою воззрѣній на крестьянское землевладѣніе. Съ точки зрѣнія сторонниковъ превращенія надѣльныхъ земель въ личную собственность отдѣльныхъ крестьянъ, представляется въ высшей степени нецѣлесообразнымъ закрѣплять въ настоящую переходную минуту такія постановленія, которыя должны утрачивать силу по мѣрѣ осуществленія правилъ 9-го ноября. На это и указывалъ, напримѣръ, А. П. Никольскій въ своей недавней полемикѣ на страницахъ „Новаго Времени“ съ проф. Сергѣевичемъ (№ 11501, отъ 19-го марта 1908 г.). Наоборотъ, тѣ, кто держится противоположнаго взгляда на крестьянскую надѣльную землю, будутъ въ правѣ спросить: зачѣмъ правительство, признавая государственный характеръ надѣльнаго землевладѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ всячески старается облегчить выдѣлъ земли въ частную собственность и отчужденіе ея постороннимъ лицамъ?

Итакъ, указъ 9-го ноября никоимъ образомъ нельзя разсматривать, какъ простое дополненіе къ ст. 12-й Общ. Положенія. Онъ фактически вноситъ въ законодательство о крестьянской надѣльной землѣ такое начало, которое хотя и выразилось въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ Положенія 19-го февраля, но на практикѣ находило себѣ до сихъ поръ лишь весьма ограниченное примѣненіе, такъ какъ дѣйствіе его парализовалось цѣлымъ рядомъ другихъ постановленій закона, проводившихъ противоположный взглядъ на дѣло. Теперь, наоборотъ, будетъ

парализовано дѣйствіе всѣхъ тѣхъ статей закона, которыя находятся въ противорѣчіи съ началами указа 9-го ноября, и этимъ будетъ фактически предрѣшено коренное измѣненіе въ направленіи всей нашей аграрной политики. Можно, конечно, судить различно о томъ, представляется ли такая перемѣна цѣлесообразной и полезной (мы, съ своей стороны, признаемъ ее чрезвычайно вредной); но несомнѣнно одно: кто рѣшается произвести такой переворотъ въ земельномъ строѣ и бытѣ всей массы сельскаго населенія, тотъ долженъ поставить вопросъ объ этомъ совершенно открыто и опредѣленно, а не проводить новаго принципа подъ видомъ простого дополненія къ дѣйствующему закону.

θ. Самаринъ.

Плачъ матери.

Дремучаго лѣса манящей красою
Плѣнившись, злосчастная мать
Въ глубокую чащу вечерней порою
Съ семьею зашла погулять.

Манили прохладой тамъ листья и хвои,
На крыльяхъ златыхъ мотыльки,
И бабочекъ пестрыхъ кружилися рои,
Цвѣты заплетались въ вѣнки.

И съ радостнымъ крикомъ разсыпались дѣтки
Вокругъ по равнинѣ лѣсной,
И скоро деревья и пышныя вѣтки
Ихъ скрыли отъ взоровъ родной.

Окончился вечеръ, надъ чащей прохладной
Ночная сгустилася мгла,
И мать надрывалась въ тоскѣ безотрадной
И дѣтокъ напрасно звала.

Напрасно: на вопли, на стоны-призывы
Лѣсъ шумомъ глухимъ отвѣчалъ,
Да дѣвственныхъ дебрей хранитель ревнивый,
Звѣрь хищный съ угрозой ворчалъ...

О, матерь, отчизна моя дорогая,
Красою безумныхъ идей
Плѣнившись, и ты растеряла, родная,
Въ лѣсу заблужденій дѣтей.

И ночь надъ тобою, и реву внимая
Безчисленныхъ хищныхъ звѣрей,
Ты такъ же рыдаешь, напрасно скликая
Заблудшихъ любимыхъ дѣтей.

Ф. Пестряковъ.

Книгоиздательство „ВѢРНОСТЬ“

протоіерея І. І. ВОСТОРГОВА

(Москва, Лиховъ пер., Епархіальный домъ)

издаетъ **„Московскій Сборникъ“** отдѣльными вполнѣ законченными книжками отъ 160 до 240 стран. Въ „Моск. Сборн.“ принимаютъ участіе просвѣщеннѣйшіе іерархи и пастыри Церкви, мужи науки и литературы, а также видные дѣятели на поприщѣ церковной, государственной и общественной жизни. Направленіе „Моск. Сборн.“— строго православное, національно-патріотическое и русско-монархическое.

Цѣна книжки—1 р., съ перес. и доставк. 1 р. 25 к.

Статьи для „Моск. Сборн.“ направляются и всѣ справки получаются по адресу: *„Москва, Бол. Никитская ул., д. 22, кв. 26. Телеф. 171--78.* **Ивану Георгіевичу Айвазову.**